ГУННЫ

ЭПОХА ВЕЛИКАГО ПЕРЕСЕЛЕНІЯ НАРОДОВЪ

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ

ИЗЪ ЖИЗНИ СЛАВЯНЪ IV-ГО И V-ГО СТОЛѢТІЙ

Все великое — просто, все простое — велико.
Изрѣченіе мудреца.

И. К. КОНДРАТЬЕВА

МОСКВА
ТИПОГРАФІЯ Э. ЛИССНЕРЪ И Ю. РОМАНЪ, НА АРБАТѢ, Д. КАРИНСКОЙ
1878

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Есть страницы въ исторіи, которыя всегда служили и служатъ для публики загадками, а для историковъ и всякаго рода изслѣдователей позднѣйшаго времени — постоянными спорными пунктами, изъ-за которыхъ происходитъ цѣлая словесная война, опровергаются цѣлыя системы и, въ замѣну ихъ, понятное дѣло, создаются новыя, которыя, въ свою очередь, находятъ и новыхъ противниковъ, и новыхъ послѣдователей. Въ Русской исторіи одну изъ такихъ страницъ составляетъ призваніе князей, во всеобщей — такъ называемое, великое переселеніе народовъ.

Отыскавъ спорную страницу, послѣдователь извѣстной системы, дабы доказать правоту своего взгляда, наполняетъ, прежде всего, свои доказательства цѣлымъ рядомъ выписокъ, указаній, ссылокъ и проч. Очень понятно, что поступать иначе ему и невозможно, иначе и невозможно доказать чего нибудь толково, такъ какъ въ подобномъ вопросѣ, какъ исторія, всякая голословность, какъ бы

она не была краснорѣчива, не даетъ права на какое бы то ни было довѣріе. Но вѣдь не для однихъ историковъ и противниковъ извѣстной системы пишутся подобнаго рода статьи. Пишутся онѣ, — и даже болѣе, чѣмъ кажется, — и для публики, которая, мало ли по какимъ причинамъ, не всегда посвящена въ тайны историческихъ документовъ, а потому: или должна на̀ слово вѣрить пишущему, или—стать въ необходимость вѣрить тому, что ужъ давно сказано и къ чему она привыкла съ дѣтства. Провѣрять же сухія доказательства, Богъ вѣсть откуда взятыя, у нея не хватитъ ни охоты, ни времени. Слѣдствіемъ постановки такимъ образомъ столь важнаго вопроса, является то, что большинство публики: или совсѣмъ не читаетъ подобныхъ изслѣдованій, — почему и царитъ иногда цѣлые десятки лѣтъ нелѣпая историческая система, — или же, для очищенія совѣсти, только проглядываетъ ихъ.

Что же за причина такого, повидимому, равнодушнаго отношенія большинства къ предмету, который, по всѣмъ правамъ, долженъ интересовать не только историка, изслѣдователя, археолога, но и всякаго, кто, хоть на сколько нибудь, считаетъ себя гражданиномъ извѣстной общины?

Причина самая простая: сухость историческаго изложенія, изложенія, не для всякаго доступнаго, не для всякаго удобопонятнаго. Поэтому, я не ошибусь, если скажу, что самая простая и самая лучшая форма, которая можетъ знакомить большинство съ исторіей его родины, это — форма историческаго романа, романа, разумѣется, добросовѣстнаго, какъ относительно историческихъ фактовъ, такъ и относительно домашняго быта народа описываемой эпохи.

Взявъ въ основу своего историческаго романа такую мрачную и грозную эпоху, какъ переселеніе народовъ, предупреждаю, однако, читателей, что романъ мой, «Гунны», вовсе не принадлежитъ къ числу тѣхъ историческихъ романовъ, которые вамъ нерѣдко попадались въ руки, т. е. романовъ съ чисто-сказочными вымыслами, хитро-сплетенными интригами и неожиданностями на каждой страницѣ.

Въ «Гуннахъ» все правдиво и основано на историческихъ данныхъ, которыя, въ большинствѣ случаевъ, благодаря ихъ простотѣ, бываютъ занимательнѣе самыхъ чудовищныхъ и самыхъ игривыхъ вымысловъ.

Говоря это, я разумѣю читателей, которые, хоть на сколько-нибудь, интересуются исторіей своей родины, а не тѣхъ, которые ищутъ совсѣмъ другаго рода романовъ. Богъ съ ними, съ этими читателями! для нихъ довольно есть книгъ и у всѣхъ тѣхъ издателей, которые выпускаютъ книги въ одинъ размахъ, или поддѣлывая ихъ подъ другія, имѣвшія успѣхъ, книги, или давая вовсе не то, о чемъ гласитъ обертка, или же — просто бьютъ на требованіе минуты, набивая книженку всякимъ дешевымъ вздоромъ.

Я даже не старался въ «Гуннахъ», для оживленія страницъ, придавать имъ бойкую размашистость, столь естественную въ подобнаго рода романахъ. Мой романъ также простъ и, можетъ быть, также занимателенъ, какъ проста и занимательна взятая мною эпоха народнаго движенія.

Если повѣствованіе мое попадетъ въ руки первыхъ читателей:

мнѣ думается, что они прочтутъ его, если не съ удовольствіемъ, то, по крайней мѣрѣ, съ любопытствомъ; если же попадетъ въ руки вторыхъ — прошу ихъ не утруждать себя чтеніемъ и отложить романъ въ сторону. Всякому свое.

Ив. Кондратьевъ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

РОКОВЫЯ ПОЛЯНЫ.

Конецъ IV и начало V-го столѣтій, извѣстны въ исторіи страшными смутами народовъ, которые обитали на пространствѣ нынѣшней Сибири, и рѣкъ: Иртыша, Камы, Волги, Дона, Днѣпра и Дуная. *)

Событіо это новѣйшіе историки назвали великимъ переселеніемъ народовъ въ IV столѣтіи.

Въ числѣ поднявшихся для переселенія народовъ, по сказаніямъ современниковъ, внезапно появилась чудная, невѣдомая порода людей, которая, то какъ ураганъ съ вершинъ горъ, то какъ будто появляясь изъ-подъ земли, ломила и рушила все, что попадалось ей на встрѣчу.

Чудную силу эту назвали Гуннами.

И такъ страшна была сила эта, что многіе народы того времени не допускали даже, чтобы обыкновенные люди произвели Гунновъ на свѣтъ Божій.

Они говорили: Гунновъ породила нечистая сила.

Іорнандъ, Готъ и историкъ, жившій около 550 года въ Равеннѣ, повѣствуетъ утвердительно: вражья сила, бродя по степямъ, сочеталась съ вѣдьмами, и произвела на свѣтъ Гунновъ, звѣрское

*) Волга носила названіе Рсы, Дунай—Истра, Днѣпръ—Борисѳена.

племя, которое сначала было очень ничтожно и принадлежало къ числу людей только по имени, означающему словесныхъ.

Болѣе благоразумные историки выводятъ Гунновъ изъ глубины Азіи.

Но откуда же, въ самомъ дѣлѣ, появились Гунны, съ ихъ чудовищными предводителями: Болемиромъ, а потомъ — Аттилой?

Ужели можно вѣрить тому, что Гунновъ породила вражья сила?

Ужели Аттила, прозванный бичемъ Божіимъ и молотомъ вселенной, Аттила, предъ которымъ, во всемъ облаченіи Христова Пастыря, преклонился Папа Левъ Великій, — сынъ тьмы и ада?

Странныя составляются понятія въ жизни человѣческой!

Но дѣло ясно: краски суевѣрія, предубѣжденія и пристрастія очаровательно-ярки и затмятъ какую угодно безцвѣтную правду.

Сотни легендъ, поэмъ, сагъ, сказаній, одно другаго лживѣе, одно другаго невѣроятнѣе, заставляютъ Гунновъ проливать неповинную кровь...

Гунны—звѣри, Гунны—кровопійцы. Всякая средневѣковая развалина – принадлежитъ Гуннамъ. Міровые злодѣи — Гунны.

Но проносится ли гроза на безоблачномъ небѣ? Бываетъ ли дымъ безъ огня?

Нѣтъ.

Гдѣ тучи, тамъ и гроза. Гдѣ дымъ, тамъ и огонь...

ГЛАВА I.

ПЛОТНИКИ-РАСПИНАТЕЛИ.

Наступила весна 375 года, весна теплая, благоухающая. По римскому лѣтосчисленію шелъ мѣсяцъ май; по славянскому — время, посвященное Даждьбогу, какъ покровителю произростеній земли, и богинѣ любви—Лёла.

Осѣнила весна и землю Венедскую, по которой извивалась широкая и свѣтлая Немиза, рѣка, носящая нынѣ названіе Нѣмана.

Въ одинъ изъ вешнихъ дней, когда солнце свѣтило особенно ярко, и особенно шумно ликовала разцвѣтающая природа, — толпа плотниковъ, веселая и говорливая, суетилась на берегу Нѣмана: раздавался гулкій стукъ топоровъ, слышался лязгъ вбиваемыхъ въ дерево гвоздей.

Что дѣлали плотники?

Плотники воздвигали цѣлый рядъ грубыхъ, бревенчатыхъ крестовъ.

Нѣсколько готовыхъ крестовъ, полукругомъ, въ разныхъ направленіяхъ, уже поднимались по берегамъ Нѣмана, и плотники, видимо, торопились окончаніемъ своей работы...

Но для кого же воздвигались кресты эти? Кто такой пострадаетъ на нихъ?

Хороши, живописны берега Нѣмана и теперь, когда рука новаго человѣка всему придаетъ свой однообразный, невеселый цвѣтъ, и подводитъ все подъ одну свою неизмѣнную мѣрку; хороши, живописны берега Нѣмана и теперь, когда почти по всему протяженію его раскиданы: то убогія, рыбачьи хижины, то маленькіе, шляхетскіе фольварки, то старинные панскіе мызы и зàмки, то грандіозные костелы, свидѣтели многихъ безумныхъ и кровавыхъ дѣлъ. Но въ концѣ IV-го столѣтія — берега Нѣмана, какъ вообще берега всѣхъ рѣкъ сѣверо-Славянской земли, представляли почти одну сплошную массу очаровательно-величественныхъ дубовыхъ, липовыхъ, сосновыхъ и кленовыхъ лѣсовъ. Поднимая къ облакамъ свои могучія, лиственныя вершины, только однѣмъ бурямъ покорялись они, укрывая подъ своими темными, безъ просвѣтовъ, намётами, тысячи птицъ и тысячи звѣрей. Груды пней, кряжей, мховъ и разросшихся кореньевъ, служили имъ безопаснымъ обиталищемъ; а множество ручьевъ, трясинъ, болотъ, озеръ, заросшихъ травой окошекъ и бочаговъ — не пропускали человѣка въ эти таинственныя, лѣсныя пучины... Да человѣкъ и не шелъ туда: тамъ ждала его вѣрная гибель...

Но гибель въ то время висѣла и надъ бѣдными обитателями того края, въ ихъ жилищахъ.

Краемъ владѣли грубые и жестокіе Готы.

По сѣвернымъ сказаніямъ или сагамъ, Готы, тѣснимые изъ

Азіи, подъ владычествомъ Сиггэ Фридульфзона, т. е. Одена, пришли первоначально въ Квенландію, въ страну Квеновъ, стало быть, въ восточную часть Финніи, жители которой и по настоящее время называются Квенами. Въ то время вся нынѣшняя Финляндія носила названіе Квенландъ. Оттуда Готы начали распространяться до Карпата и Дуная. Въ при-Дунайскихъ племенахъ, отстаивавшихъ свои границы отъ побѣдъ Рима, Готы нашли и собственную ограду, и даже поборниковъ противъ общаго врага, Римлянъ. Но, пользуясь междоусобіями князей, Римляне успѣли перешагнуть черезъ Дунай и основать за нимъ свои провинціи. Троянъ довершилъ побѣды на Дунаѣ и покорилъ Дацію. Готы принуждены были искать новоселья для своей централизаціи. Для нихъ не оставалось иного пути, кромѣ какъ на сѣверъ, и вотъ Готы окончательно водворились въ Скандіи, въ странѣ Ситоновъ. Изъ Скандіи, Готы, усиливаясь все болѣе и болѣе, при императорѣ Валентиніанѣ I и Валентѣ (364 — 375 г.), овладѣли почти всей восточной Европой и дѣлали набѣги на Ѳракію. Одни изъ Готовъ, извѣстные подъ именемъ Тервинговъ или Вестготовъ, жили на сѣверъ отъ Нижняго Дуная, подъ властью нѣсколькихъ князей, между которыми особеннымъ вліяніемъ пользовался Атанарикъ. Другая отрасль этого народа, носила имя Грутунговъ или Остготовъ, и подъ, властью своего короля, Эрманарика, въ соединеніи съ нѣсколькими подвластными народами другаго происхожденія, образовала большое государство, простиравшееся до береговъ Дона. Въ составъ этого государства, кромѣ другихъ Славянскихъ племенъ, вошло и Славянское племя Вендовъ или Венедовъ, жившее на Балтійскомъ прибрежьѣ, на Вислѣ, Сѣверной Двинѣ и Нѣманѣ.

Своего короля, Эрманарика, или, какъ нѣкоторые историки называютъ, Германарика, Готы сравнивали съ Александромъ Македонскимъ; но Остготскій герой не проявилъ въ себѣ ни великодушія, ни мудраго правленія великаго героя, который умѣлъ быть милосерднымъ съ покоренными народами. Не тѣмъ прославился Эрманарикъ, наслѣдникъ Геберика, въ теченіе своего девятнадцатилѣтняго правленія. Безчеловѣчными казнями и муками прославился онъ.

Готскій король надѣялся этими средствами сдержать движеніе покоренныхъ имъ народовъ.

Удалось ли ему это—доказали послѣдствія.

Жестокости начали отзываться безпрестанными и буйными возстаніями.

Первые возстали Славяне, и особенно Славяне-Венеды, жившіе на Балтійскомъ прибрежьѣ и по берегамъ Нѣмана.

Они селились тамъ съ незапамятныхъ временъ, называя себя Венедами, а Готы называли ихъ — Vani, Wänä, Winidi, Gwinidi, Quinidi.

Возстали Венеды, и вотъ на мирные берега Нѣмана набѣжали цѣлыя полчища Готовъ, и началась ихъ обычная расправа. Все, что попадалось Готамъ подъ руки: билось, рѣзалось, истреблялось, топилось. Наконецъ, въ ихъ руки попались и главные зачинщики возстанія, съ ихъ семьями.

Это были Венедскіе князья.

Готы готовили имъ примѣрную казнь.

Для нихъ-то вотъ и воздвигались кресты на берегу Нѣмана.

Было уже за̀ полдень, а работа все еще продолжалась: все еще стучали топоры, все еще звенѣли гвозди, все еще рылись глубокія ямы для вкапыванія крестовъ.

Одинъ изъ Готовъ, повидимому надсмотрщикъ за работами, долго сидѣлъ угрюмо на обрубкѣ дуба, не обращая вниманія на работающихъ, наконецъ — поднялъ голову, и закричалъ:

— Чтожъ, скоро-ли?

Въ отвѣтъ ему послышалось нѣсколько голосовъ:

— Вотъ только гвоздикъ одинъ, и баста!

— Погоди, не торопи, еще успѣемъ распять этихъ собакъ. Много-ли ихъ тутъ!

— Много, не много, говорилъ сосредоточенно надсмотрщикъ, а къ ночи не перевѣшаемъ всѣхъ.

— Перевѣшаемъ! раздались голоса въ толпѣ работающихъ, — еще столько, и то перевѣшали бы!

— Есть что вѣшать — сорокъ человѣкъ! заговорилъ недовольнымъ тономъ одинъ изъ плотниковъ. — Изъ сорока человѣкъ и рукъ не сто̀итъ марать. По моему, ужъ если распинать, такъ распинать человѣкъ триста, по крайней мѣрѣ — видъ хорошій!

Плотники захохотали. Въ честь оратора послышались одобренія:

— Ай да Острадъ! вотъ настоящій распинатель, такъ настоящій!

— Да что! продолжалъ Острадъ, — сорокъ человѣкъ? Эка неви-

даль! Да и какихъ еще сорокъ человѣкъ-то! козявки — не люди. Вотъ мы на Дунаѣ распинали... тоже Славянъ... Такъ вотъ это люди! Мы ихъ тамъ сотенъ пять въ два дня распяли... Есть чѣмъ похвастать... есть на что поглядѣть... А то что!...

Острадъ махнулъ рукой, какъ будто давая этимъ знать, что о такихъ, въ сущности, пустякахъ и говорить не стоитъ, да ужъ такъ — языкъ развязался, къ слову пришлось.

И въ самомъ дѣлѣ, для плотниковъ казни не составляли ужасающихъ зрѣлищъ: они смотрѣли на нихъ совершенно равнодушно, и такъ же равнодушно распинали несчастныхъ. Это была ихъ обязанность.

При военныхъ отрядахъ Готовъ, особенно любившихъ казнь распятіемъ, плотники составляли нѣчто въ родѣ касты палачей и повсюду имъ сопутствовали. Обязанность эта у нихъ переходила отъ отца къ сыну, отъ сына къ внуку, и. т. д. Словомъ, это составляло у Готовъ особый родъ занятій, которымъ никто не пренебрегалъ. Кромѣ извѣстной платы за трудъ, плотники пользовались еще одеждой приговоренныхъ къ распятію, какова бы она не была; а для того, чтобы кто-нибудь другой не воспользовался доходомъ, одинъ изъ плотниковъ состоялъ въ дѣйствующемъ отрядѣ и наблюдалъ надъ забираемыми. Мрачность занятія вовсе не мѣшала плотникамъ быть людьми веселаго нрава. Исполняя свои обязанности, они шутили, смѣялись, какъ и въ другое время, за кружкой вина, или за чашей меда. Но если что могло приводить ихъ въ уныніе, такъ это отсутствіе привычной работы. Этого, однако, не случалось: работа была постоянная. Стало быть, плотники-распинатели жили припѣваючи...

Съ чѣмъ человѣкъ не сживается!...

Но надъ человѣкомъ всегда виситъ перемѣнчивая туча, и не вѣдомо надъ кѣмъ она разразится громомъ, кто попадетъ подъ ея губительныя стрѣлы. Громъ равно поражаетъ: и могучій дубъ, сотни лѣтъ красующійся надъ долиной, и молодую, только-что выростающую, березку; равно поражаетъ онъ и счастливаго и несчастливаго человѣка...

Готы были счастливы, Готы ликовали. Въ ихъ рукахъ была вся сѣверная Европа. Всѣ богатства стекались къ нимъ, все несло имъ свои дары, свою дань. Столѣтній герой Эрманарикъ отдыхалъ,

въ ожиданіи разложенія Римскаго организма, разъѣдаемаго аріанизмомъ, чтобы и Римъ прибрать къ своимъ рукамъ. Казалось, не было уже спасенія отъ Готовъ. Но въ это, повидимому, блестящее время, надъ ледянымъ владычествомъ Готовъ, собиралась невидимая туча. Провидѣніе нежданно-негаданно готовило ему грозу въ нѣдрахъ его же преобладанія...

Но когда же и какъ разразилась гроза эта?...

Поставленные полукругомъ, въ два ряда, четыре десятка крестовъ, были уже совершенно готовы, когда къ нимъ приблизилась безмолвная процессія. Процессія эта состояла изъ сотни, вооруженныхъ съ ногъ до головы, Готскихъ витязей и толпы Венедовъ — вождей, приговоренныхъ къ распятію. Витязи ѣхали на коняхъ, украшенныхъ серебромъ и кистями; Венеды шли, привязанные цѣпями къ сѣдламъ. Впереди всѣхъ ѣхалъ Готскій князь. На немъ былъ золоченый шлемъ. На серебряномъ щиту была изображена черная змѣя. Онъ остановился; за нимъ остановилась и безмолвная процессія. Окинувъ взглядомъ плѣнниковъ, стоявшихъ съ непокрытыми головами, онъ обратился къ надсмотрщику плотниковъ:

— Все ли готово?

— Все: и кресты, и лѣстницы, и гвозди, отвѣчалъ надсмотрщикъ, склонивъ голову въ знакъ покорности.

Князь махнулъ рукой.

Плотники, съ веревками, молотками и гвоздями въ рукахъ, стали у крестовъ. Витязи съ плѣнниками подъѣхали къ нимъ.

Воцарилось молчаніе.

Князь заговорилъ:

— Нашъ король, нашъ великій и безсмертный Эрманарикъ, вотъ уже девятнадцать лѣтъ повелѣваетъ Готами! Нашъ король, нашъ великій и безсмертный Эрманарикъ, которому равнаго нѣтъ на землѣ, вотъ уже девятнадцать лѣтъ покоряетъ племена и народы! Ни одинъ зàмокъ не устоитъ передъ нимъ, ни одинъ городъ не оставитъ запертыми воротъ своихъ! Готы видѣли Ѳермопилы, Готы видѣли Пелопоннесъ, Готы овладѣвали Коринѳомъ и Спартою. Готы были въ Аѳинахъ. Все передъ Готами падало и преклонялось! Горе же народамъ, которые сопротивляются могуществу ихъ!

— Горе! крикнула толпа витязей.

И снова все смолкло.

Помолчавъ немного, князь продолжалъ:

— Гдѣ же они? гдѣ эти безумцы, что противу могущества Готовъ?

— Мы! сказали изнуренные плѣнники, какъ одинъ человѣкъ, — мы, Славяне!

Въ воздухѣ взвились плети витязей и веревки плотниковъ-распинателей. Послышались отрывистые стоны и вздохи плѣнниковъ: ихъ бичевали. Бичъ подѣйствовалъ. Плѣнники смолкли, и снова стояли съ понуренными головами.

Князь продолжалъ свою рѣчь, но уже не тѣмъ спокойнымъ и ровнымъ голосомъ, какимъ онъ говорилъ прежде. Теперь голосъ его дрожалъ, въ тонѣ слышалась изступленная досада. Онъ не ожидалъ такой смѣлой выходки со стороны плѣнниковъ, жизнь которыхъ висѣла уже на волоскѣ.

— Славяне? говорилъ онъ. — Но чтожъ такое Славяне? Псы смердящіе, только и годные для того, чтобы Готы травили ихъ на другихъ псовъ, такихъ же смердящихъ, какъ и они! Откуда взялись Славяне? Гдѣ ихъ родина? Они, какъ Іудеи, раскиданы по всей землѣ и служатъ всѣмъ рабами. Гдѣ ихъ нѣтъ? Они вездѣ. Они на Дунаѣ, они на Эльбѣ, они на Дону и Днѣпрѣ, они здѣсь, на Нѣманѣ и Вислѣ!

— Наша земля вездѣ! крикнулъ одинъ изъ плѣнниковъ. — Вы въ нашей землѣ живете. Не мы псы — вы собаки рудыя!

Князь вышелъ изъ терпѣнія.

Рѣчи его не суждено было окончиться, въ которой онъ, безъ сомнѣнія, въ сильныхъ и величественныхъ выраженіхъ, хотѣлъ напомнить о могуществѣ Готовъ и о низкомъ происхожденіи Славянъ.

Окончаніе рѣчи его вылилось въ одно слово:

— Начинай!

Заскрипѣли лѣстницы, застучали молота, послышались голоса плотниковъ: «подавай,» «тяни,» «готово.» Раздались безсильные крики и проклятія плѣнниковъ...

Началась Готская расправа...

Въ самый разгаръ работы, мимо крестовъ пронеслось нѣсколько бѣшеныхъ коней. Кони эти будто изъ-подъ земли выскочили. Какъ птицы пронеслись они мимо мѣста казни, и скрылись въ отдаленіи.

Но не одни пронеслись они: къ хвостамъ ихъ, ногами впередъ, были привязаны обнаженныя дочери и жены несчастныхъ Венедскихъ плѣнниковъ...

Казнь эта называлась у Готовъ «мыканьемъ». Мыкали конями однѣхъ только женщинъ...

Къ вечеру всѣ плѣнники были уже распяты.

Тогда началось метаніе въ умиравшихъ копій. Кто лучше металъ, того награждали криками одобренія. Это была своего рода игра, требовавшая много ловкости и хорошаго зрѣнія. Метавшій долженъ былъ попасть копьемъ непремѣнно въ назначенное мѣсто, и, кромѣ того, чтобы воткнувшееся въ тѣло копье нѣкоторое время держалось горизонтально, потомъ уже падало. Метнувшій долженъ былъ ловить копье и недопускать, чтобы оно упало на землю. Другія копья должны были держаться въ тѣлѣ до тѣхъ поръ, покуда метавшій, на лошади, на всемъ скаку, подпрыгнувъ на сѣдлѣ, не выдергивалъ его. Многіе изъ Готовъ были такъ ловки въ этой игрѣ, что, взявъ въ руки по копью, они въ разъ, моментально, метали ихъ въ распятаго и попадали въ оба глаза. Въ такомъ случаѣ, копья должны были держаться древками врозь, угломъ, какъ бы въ родѣ лучей.

Игра вообще была для нихъ занимательная; Готы до страсти любили ее, отдавались ей съ азартомъ и только тогда кидали, когда уже явно видѣли вмѣсто распятыхъ тѣлъ одни клочья мяса...

Такъ было и въ настоящемъ случаѣ.

Готы тогда только оставили распятыхъ Славянскихъ князей, когда увидѣли, что метать уже не во что, и когда въ ихъ ушахъ перестали уже слышаться тяжелые, невыносимые стоны умирающихъ мучениковъ.

Оставили, и ускакали на своихъ малорослыхъ, но сильныхъ коняхъ, прокричавъ:

— Великъ нашъ король Эрманарикъ! Смерть Венедамъ и всѣмъ непокорнымъ нашему великому королю!

За витязями оставили мѣсто казни и плотники-распинатели. Подѣливъ добычу, утомленные, они усѣлись на нѣсколько телѣгъ, и тронулись въ путь со всѣми своими орудіями: цѣпями, веревками, молотами, топорами, гвоздями, лопатами. Ни слова сожалѣнія о несчастныхъ, ни одного прощальнаго взора.

Одинъ только Острадъ, видимо недовольный малочисленностію распятыхъ, не удержался, чтобы не послать имъ своего недовольнаго слова:

— Эхъ вы, поросята! проурчалъ онъ, окинувъ взглядомъ всѣ сорокъ крестовъ, уже начинавшихъ окутываться вечерними сумерками. — Право, поросята!

Скоро на мѣстѣ казни не было уже слышно человѣческаго голоса.

Тихо, незамѣтно, будто крадучись, надвигалась весенняя ночь на берега Нѣмана.

Грозная береговая поляна, недавно столь шумная, столь кровавая, погрузилась въ совершенный миръ и совершенную безмятежность, точно никогда на ней и не происходило ничего постыднаго, ничего возмутительнаго.

Все гуще и гуще надвигались сумерки, все чернѣй и чернѣй становился окружавшій поляну лѣсъ. Но вотъ, съ запада, сквозь причудливыя вершины дубняка, проскользнулъ одинъ-другой просвѣтъ мѣсяца, пробѣжала легкая полутѣнь его, и онъ самъ, красноблѣдный, показалъ свое полукольцо. Легкія облачка, до того невидимыя, набѣжали на него, окрасились, передали румянецъ другимъ своимъ волокнистымъ сёстрамъ, и повисли надъ нимъ, словно заколдованныя. А мѣсяцъ, между тѣмъ, царственно поднимался все выше и выше, зарумянивая уже не однѣ легкія, сквозныя облачка, а цѣлые обхваты могучихъ вершинъ вѣковаго дубняка, рисуя изъ нихъ самыя странныя, сказочныя формы. Чудилось, будто неисчислимыя полчища невѣдомыхъ, кудреватыхъ существъ ринулись на исходящій откуда-то свѣтъ, но вдругъ, пораженныя имъ, остановились и замерли на мѣстѣ, понуривъ свои богатырскія головы...

Взглянулъ мѣсяцъ и на прибрежную поляну.

Но зачѣмъ онъ взглянулъ на нее?

Пусть бы дѣло тьмы и оставалось во тьмѣ...

Чуя добычу, ночныя хищныя птицы уже рѣяли надъ крестами. Одна изъ нихъ, усѣвшись на плечѣ распятаго, спокойно выклевывала уцѣлѣвшій глазъ. Другія искали лакомаго куска, кидая отъ распластаныхъ крыльевъ своихъ длинныя, еще неотчетливыя тѣни; острыми углами скользили онѣ по истоптанной травѣ и по крестамъ, то исчезая, то снова появляясь. А вокругъ все тихо-тихо

какъ въ могилѣ. Не слышно даже и береговаго прибоя Нѣмана. Молчалъ и Нѣманъ. И онъ, всегда говорливый, всегда неспокойный, казалось, не рѣшался нарушить покоя на вѣки успокоившихся. А вонъ и еще показались тѣни. Это уже другіе хищники. Старый волкъ тихо и осторожно высунулся откуда-то. Сверкнули два огонька. Постояли огоньки и двинулись впередъ. Испытанный хищникъ не боялся опасности. За нимъ показались и другіе... Будетъ пиръ, будетъ добыча...

Но вдругъ — огоньки моментально скрылись, быстрѣе задвигались тѣни пернатыхъ хищниковъ и что-то заскрипѣло...

Одинъ изъ крестовъ качнулся...

— «Пить!» тихо и протяжно простоналъ кто-то... «пить!»

Протяжный стонъ замеръ въ воздухѣ...

И опять все тихо, и опять все безмолвно на береговой полянѣ Нѣмана, недавно столь шумной, недавно столь кровавой...

ГЛАВА II.

БРОШЕННАЯ ИСКРА.

Великіе полководцы и поработители народовъ часто стараются тѣмъ же самымъ оружіемъ, которымъ они поработили народъ, держать его и въ своемъ повиновеніи.

Оружіе это: казни, пытки, муки, огонь.

Сильное и неоспоримое оружіе; но оно иногда даетъ и противоположные результаты. Всякая медаль имѣетъ оборотную сторону. Истина извѣстная. Побѣжденный народъ любитъ, чтобы его уважали. Насилія онъ не терпитъ. Онъ любитъ, чтобы щадили его старину, его вѣру, его нравы, его обычаи.

Сильные поработители часто забываютъ это и, опьяняемые безпрестанными успѣхами, простираютъ грозныя руки свои и на святыни народныя.

А святыня народная — искра, и искра ужасная. Съ нею нужно обращаться осторожно, умно.

Кровавое оружіе, повидимому, дѣлаетъ свое дѣло: народъ стонетъ, народъ молчитъ.

Но молчаніе это — страшное молчаніе: тишина передъ бурей.

Видимая искра не опасна. Опасна искра невидимая.

Порабощенный народъ, щадимый поработителями — видимая искра, не щадимый — искра невидимая.

Видимую искру потушить легко, но какъ потушить искру невидимую? Можно потушить цѣлый пожаръ; но одна оставшаяся искра подниметъ новыя волны огня.

Новый огонь — новыя силы...

А силы мѣняются...

Эрманарикъ, король Готскій, поработилъ Венедовъ.

Непривычные къ войнѣ, тихіе, мирные, Венеды сначала противоборствовали Эрманарику. Но многочисленная ихъ толпа, нестройная, не привычная къ войнѣ, была ничтожна въ битвѣ противъ строевой силы Готовъ.

Эрманарикъ побѣдилъ. Смирились Венеды; засѣли въ свои жилища, и начали платить непосильную дань. Мало того: отъ нихъ брали рабовъ, рабынь, мучили ихъ, пахали на нихъ, какъ на волахъ, землю, продавали ихъ въ неволю. Какъ тяжела была эта ледяная неволя, доказывается тѣмъ, что еще и по настоящее время можно слышать въ Литвѣ, гдѣ прежде селились Славяно-Венеды, слѣдующую пѣсню:

Перунъ, Боже,
Не мучь Жемайта, *)
Мучь Гота,
Рудаго пса.

Безсиліе ищетъ защиты въ небесахъ, у Бога. Искали его и Венеды. Но языческій богъ ихъ молчалъ. Защиты ни откуда не было. Стало быть, надо было искать защиты въ себѣ. Скрытая искра затлѣлась. Стоило только кому нибудь открыть ее, чтобы она вспыхнула и произвела пожаръ...

---

*) Жемайтъ — Жмудинъ.

Такой человѣкъ нашелся...

Это былъ Болемиръ, одинъ изъ молодыхъ и храбрыхъ князей Венедскихъ. Собравъ толпу недовольныхъ поработителями, онъ поднялъ возстаніе.

Покоривъ народъ, Готы прежде всего заботились объ истребленіи владѣтельнаго рода. Они, по обыкновенію, распинали родъ ихъ отъ мала до велика. Но не всегда удавалось имъ истребить всѣхъ и всякаго. Князья оставались и жили до поры до времени гдѣ нибудь въ лѣсныхъ трущобахъ, ила пещерахъ, укрываясь отъ Готскаго преслѣдованія. Какъ Илію, воронъ питалъ ихъ. Какой нибудь бѣднякъ изъ народа поддерживалъ существованіе укрывавшагося...

Таковъ былъ и Болемиръ Венедскій...

Онъ сначала укрывался отъ преслѣдованія Готовъ, и Венеды хранили его.

Возстаніе Болемиру не удалось...

Онъ и многіе его помощники, изъ княжескаго-же рода, были захвачены и распяты на береговой полянѣ Нѣмана.

Женъ и дочерей ихъ, привязанныхъ къ хвостамъ коней, размыкали по полю.

Возмутители получили возмездіе. Насиліе торжествовало. Но торжество — опасный блескъ...

Извѣстно, что человѣкъ не столько отъ того страдаетъ и сердится, когда ему самому не хорошо, какъ отъ того, когда онъ видитъ, что другому хорошо.

Ликовать побѣду предъ побѣжденнымъ, это — подливать масла въ огонь. Готы подлили его.

Венеды обладали силой, силой духовной, нравственной.

Но какъ проявить силы свои человѣку, скованному по рукамъ и ногамъ?..

Въ такомъ случаѣ, человѣкъ коварствуетъ, обманываетъ, хитритъ.

Венеды не умѣли хитрить. Готы не передали имъ этой тайны.

А Готы умѣли хитрить, по своему времени, весьма не дурно.

Въ началѣ 1-го вѣка, одинъ изъ князей или королей Готскихъ, Фротонъ I, иначе Фродо,*) былъ славолюбивъ, но безсиленъ. Какъ

---

*) Фродо происходитъ отъ слова хитрость, кознь — fraus.

помочь горю? Фродо пустился на коварныя хитрости. Чтобы побѣдить Драно, князя Куроновъ (Славянское племя Куроновъ селилась тамъ, гдѣ нынѣ находится Старая Русса), онъ засадилъ часть своего войска подъ землю, и навелъ на него непріятеля, отступая какъ побѣжденный. Чтобъ разбить флотъ Траннора, иначе — Траннò, князя Славянскаго, онъ употребилъ въ дѣло водолазовъ, которые просверлили корабли непріятельскіе. Чтобъ взять хитростію городъ Пелтискъ,*) онъ притворился умершимъ. Жители города, видя, что непріятель сыплетъ могилу и строитъ тризну по своемъ королѣ, съ радостію начали, по обычаю, праздновать избавленіе отъ врага, нисколько не подозрѣвая, что умершій Фродо явится съ войскомъ въ Пелтискъ на праздникъ.

Венеды были просты. Такія хитрости были не по ихъ понятіямъ.

Они только судили-рядили о своихъ дѣлахъ въ тайныхъ сборищахъ, такихъ тайныхъ, что, казалось, сама дебря не подозрѣвала для кого и для чего собираются ея обитатели.

Сборища эти были не велики и совершались преимущественно въ глухихъ углахъ Венедскихъ поселеній, какъ, напримѣръ, на берегахъ Нѣмана. Совершались тамъ, гдѣ жили на спокоѣ старѣйшины Венедскіе, когда либо имѣвшіе значеніе и силу. Оттуда уже рѣшеніе сборищъ разносилось по всему Балтійскому прибрежью, по Вислѣ, до Эльбы. Даже такой городъ, какъ Винета, называвшійся еще Выжбой и Веюдой, подчинялся рѣшеніямъ этихъ сборищъ.

Городъ Винета существовалъ до 1177 года. Его разорилъ Датскій король Вольдемаръ. Городъ находился на островѣ Волинѣ (нынъ Готландъ) и имѣлъ болѣе ста тысячъ жителей. Винета обиловала всякаго рода торговлею. Туда стекались народы всѣхъ странъ, и она считалась славнѣйшимъ и многолюднѣйшимъ городомъ въ Европѣ. Въ Винету доставлялись товары индійскіе, персидскіе и арабскіе. Они доставлялись туда съ Востока по Волгѣ. На Готландѣ, какъ воспоминаніе о Волгѣ, которая когда-то обогащала край, существуетъ и по настоящее время рѣчка Волжица. Винета была древнѣйшитъ городомъ свѣта. Винету даже

*) Можетъ быть, Полоцкъ или Пултускъ.

посѣщали Финикіяне, которые пріѣзжали туда за янтаремъ. Янтаремъ Винета славилась. Тамъ извѣстенъ даже былъ и греческій огонь, называвшійся у нихъ вулкановымъ горшкомъ. Въ Винетѣ всѣ были равны между собою, и это равенство называлось братовщиной. Въ описываемую нами эпоху, городъ Винету населяли свободные Славяне, считавшіе себя, какъ и другіе, пришлецами изъ Бактріи, гдѣ они появились изъ внутреннихъ странъ Азіи. Винетскіе Славяне держались отчасти религіи Зороастра и говорили на Зендскомъ языкѣ. Выселенія свое они приписывали вліянію того же Зороастра. Даже основаніе города, по ихъ сказаніямъ, принадлежало пророку.

Какъ жизнь всякаго пророка, жизнь Зороастра представляетъ много темнаго и чудеснаго.

Въ какую эпоху жилъ и дѣйствовалъ Зороастръ — достовѣрно неизвѣстно. По однимъ сказаніямъ, онъ жилъ за 2000 лѣтъ до Р. Х., по другимъ за 1250, по третьимъ — за 589. По Зердусъ-намэ, т. е. по его восточной біографіи, онъ родился въ городѣ Урміи, Адербиджанской области, въ Мидіи, въ 589 году. По-зендски онъ именовался Зереѳошстро, что означаетъ: живая, золотистая, живоносная звѣзда. Въ Зороастра онъ переименованъ Греками, что означаетъ: созерцатель звѣздъ. Зороастръ, по отцу и по матери, былъ потомокъ царей мидійскихъ. Отца его звали Поросшаспъ, мать — Догдо. Рожденіе Зороастра сопровождалось, по обыкновенію, многими чудесами: въ минуту рожденія, онъ смѣялся; біеніе родничковъ новорожденнаго было такъ сильно, что отталкивало руку, приложенную къ его темени. Послѣ этого, его нѣсколько разъ хотѣли убить вѣдуны и чародѣи, предвидя въ немъ опаснаго соперника, но каждый разъ невидимая сила хранила его. Такимъ образомъ, онъ достигъ совершеннолѣтія и написалъ для своего народа, Персовъ, книгу закона, названную Зендъ-Авестой, для распространенія ученія которой ему не мало пришлось вынести борьбы и страданія. До Зороастра, Персы исповѣдовали, такъ называемый, сабизмъ, т. е. поклонялись видимымъ планетамъ и стихіямъ. Зороастръ, оставивъ поклоненіе имъ, ввелъ въ религію поклоненіе высшему существу, богу, который одинъ творецъ всего, и все должно ему поклоняться. Онъ училъ своихъ соотечественниковъ существенному отличію: добра отъ зла, свѣта

отъ тьмы, добродѣтели отъ порока. По Зердусъ-намэ первый повѣрилъ его ученію Дарій Гистаспъ. По сказаніямъ того же историка, Зороастръ умеръ въ 512 году до Р. Х.

Винетскіе Славяне и въ своей частной жизни придерживались гражданскихъ законовъ Зороастра, заключавшихся въ книгѣ Вендидатъ-садэ. Придерживались ихъ и другіе прибалтійскіе Славяно-Венеды.

ГЛАВА III.

СОВѢТЪ СТАРѢЙШИНЪ.

Въ то время, какъ на одномъ берегу Нѣмана стучали топоры плотниковъ-распинателей, на другомъ берегу, въ чащѣ лѣса, тысячеголосое эхо, захлебываясь и перекатываясь, разносило какіе-то невыразимо-дикіе звуки: не то свистъ, не то гоготъ.

Птица-ли это клокотала? звѣрь ли завывалъ? разобрать было трудно.

И не въ одномъ мѣстѣ слышались они.

Звуки носились по всей чащѣ. То въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ раздавались они. Тамъ исчезали, здѣсь—появлялись. Неуспѣвало одно эхо протянуть начатаго звука, какъ уже другое прерывало его, начинало само гоготать, разносилось, раздроблялось, разсыпалось, перебѣгало съ вѣтки на вѣтку, и тонуло въ ново-зарождающемся эхо.

Бывали минуты, когда, казалось, весь лѣсъ превращался въ море звуковъ, которые носились по немъ, какъ голоса невидимыхъ духовъ. Но минутами, они совершенно смолкали. Тогда тишина лѣса представлялась заколдованнымъ міромъ. Страшно было въ этой тишинѣ.

Тишина на все живущее производитъ тяжелое впечатлѣніе...

Даже звѣрь боится тишины.

Среди безмолвія, звѣрь идетъ и пугливо оглядывается: онъ боится засады. Или, на оборотъ, онъ идетъ и глядитъ въ землю: ему тяжело бозмолвіе.

Человѣку тишина представляется могилой. Человѣкъ боится могилы. Не такъ сама смерть пугаетъ его, какъ пугаетъ гробовое молчаніе и невѣдѣніе, что такое значитъ это грозное молчаніе.

Въ тишинѣ человѣкъ всегда подаетъ голосъ: собственные звуки ободряютъ его.

Почему глухо-нѣмые пугливы? Безмолвіе пріучаетъ ихъ къ этому.

Страшно долго оставаться въ тишинѣ.

Въ глухую глубину лѣса звѣрь идетъ только умирать.

Когда человѣку случалось пробиваться въ безвѣстныя пущи, въ самую глубину ихъ, въ царство крепей, бочаговъ, норъ и сурчинъ, то онъ находилъ тамъ цѣлые остовы звѣрей и птицъ.

Тамъ умираетъ медвѣдь, кабанъ, олень, лось, рысь, россомаха.

Тамъ кончаютъ дни свои: устарѣвшій кречетъ, посѣдѣвшій воронъ, ослѣпшій соколъ.

Тишина и глушь — своего рода могила.

Но что за звуки раздавались въ лѣсу? Свисталъ ли кто? кричалъ ли кто?

Свисталъ и кричалъ человѣкъ.

Ныряя, какъ испуганный звѣрь, по мхамъ и по зарослямъ могучаго бора, то тамъ, то сямъ, онъ же разносилъ и эти невыразимо-дикіе звуки. Остановится, присядетъ, приложитъ ко рту длинную трубу—и завоетъ. Тутъ-то и начинало перекатываться тысячеголосое эхо.

Человѣкъ этотъ былъ Венедъ.

Въ рысьей шапкѣ, высокой, облоухой, самъ небольшой, коренастый, съ круглымъ, густо обросшимъ волосами, лицомъ, онъ много походилъ на звѣря. Особенно, когда дуя въ трубу, щеки его сильно вздувались, волосы какъ бы щетинились, а глаза — наливались кровью.

Не напрасно завывалъ Венедъ.

Вой этотъ былъ призывнымъ, условнымъ знакомъ для Венедовъ.

Всякій изъ Венедовъ, кто заслышивалъ его, шелъ на одну изъ условныхъ лѣсныхъ полянъ, гдѣ происходили тайныя совѣщанія.

Ходить по хижинамъ, собирая на совѣщанія, не было никакой возможности: хижины Венедовъ были раскиданы по берегамъ Нѣмана въ такихъ чащахъ, въ такой глуши, что только одни хозяева ихъ и знали, какъ пробраться къ нимъ, и гдѣ ихъ отыскать. У каждаго были свои особыя примѣты, по которымъ онъ пролагалъ тропинки къ жилищу своему. А звуки трубы всякій слышалъ и зналъ, что они значатъ.

Въ городахъ Венедскихъ и большихъ весяхъ — преобладали Готы.

Венеды бѣжали изъ городовъ и весей, предпочитая глушь лѣсную Готскому насилію. Готы не противились переселенію. Это было согласно съ ихъ политикой. Разрозненный народъ, по ихъ понятію, былъ не опасенъ. Рабовъ же, рабынь и дань имъ доставляли безпрекословно.

Между тѣмъ, въ лѣсахъ-то и скоплялась сила, которая могла ринуться дальше и могла противустать Готскому владычеству.

Точно также надъ лѣсомъ скопляются тучи, чтобы потомъ, разносимыя вѣтромъ, прошумѣть буйной грозою и надъ жилищами человѣческими...

Не напрасно завывалъ Венедъ.

Когда онъ вынырнулъ на условную поляну, тамъ уже, на пняхъ, сидѣло нѣсколько человѣкъ сѣдоволосыхъ Венедовъ, которые вели между собою тихую бесѣду.

Венедъ трубачъ снова нырнулъ въ чащу лѣса и снова завылъ. И долго еще, то тамъ, то сямъ, слышалось его завываніе. Наконецъ, завываніе замерло гдѣ-то, застыло, и дебря успокоилась.

На полянѣ уже была цѣлая толпа Венедовъ.

Собрались все больше сѣдобородые старики. Молодыхъ было мало.

На лицахъ собравшихся изображалось уныніе и отчаяніе. Всѣмъ было тежело. Всѣ знали, что на другомъ берегу Нѣмана распинаютъ ихъ собратій. Всѣ знали, что въ это время, многіе изъ ихъ собратій испускаютъ духъ свой.

Невыносимо то чувство, когда человѣкъ хочетъ, но не можетъ помочь любимому существу. Чувство это часто превращается или въ безнадежное отчаяніе, или въ звѣрское остервененіе.

У собравшихся Венедовъ было то и другое. На лицѣ — отчаяніе, на душѣ — пучина.

Скрытность и «себѣ на умѣ» — отличительная черта Славянскихъ племенъ.

Славянинъ больше молчитъ. Подъ оболочкой молчанія всегда скрывается глубокая дума. Онъ терпѣливъ. Онъ упоренъ. Но откуда то и другое? Гдѣ начало этого терпѣнія и упорства? Начало въ думѣ. Откуда славянскій разумъ? Что это за мощь, безъ границъ, безъ предѣла? Откуда это добродушіе? Откуда этотъ огонь? Дума, глубокая славянская дума, порождаетъ и разгулъ до забвенія, и мощь, безъ границъ, безъ предѣла, и добродушіе, и огонь. Славянская натура — вулканъ. Молчитъ вулканъ до поры до времени, только легкій дымокъ носится надъ его поверхностью. Кто къ нему не подходитъ? Всѣмъ дорога, всѣмъ путь, всякій любопытствуетъ и смѣло заглядываетъ въ его темное, бездонное жерло. Никому и въ голову не приходитъ, что вотъ-вотъ дрогнетъ земля, что вотъ-вотъ взорвется пламя и польется всесокрушающая, пламенная лава. Помнятъ попирающіе вулканъ ногами, что онъ клокоталъ когда-то, шумѣлъ, гремѣлъ, разносилъ гибель, но — теперь онъ молчитъ, и, Богъ вѣсть, когда еще снова затрепещетъ и заклокочетъ...

Венедовъ тяготила дума. Всѣ думали, тихо переговаривались между собой и чего-то ждали. Видимо, недоставало кого-то. Наконецъ, этотъ «кто-то» появился.

Изъ лѣсу вышелъ старикъ. Онъ шелъ не одинъ. За руку его велъ юный отрокъ.

Вошедшій былъ Будли, старѣйшій изъ князей Венедскихъ, когда-то знаменитый, храбрый. А теперь онъ жилъ въ глухихъ дебряхъ Нѣмана, на спокоѣ. Онъ, какъ и другіе князья Венедскіе, скрывался отъ Готовъ. Но не самъ онъ скрывался: его скрывали любимые слуги. Старику уже было поздно жалѣть себя: ему было уже за девяносто лѣтъ. Но онъ, однако, былъ крѣпокъ и свѣжъ. Бодрый, сѣдой, князь уподоблялся дубу, опушившемуся свѣжимъ инеемъ. Годы согнули князя, какъ волны морскія сгибаютъ весло рыболова, но князь не сломился. Длинные, бѣлоснѣжные волосы падали на крѣпкія плечи его. Лобъ былъ широкъ и открытъ. Только глазами былъ плохъ князь Венедскій. Видно было, что онъ слѣпъ, но чувствовалось, однако, что онъ видитъ. На князѣ была

длинная, бѣлая рубаха; голова его была открыта. Князья уважали народъ, и потому стояли передъ нимъ съ открытой головой.

При появленіи Будли, толпа замолкла.

Тихо, беззвучно приблизился князь Будли къ толпѣ. Отрокъ стоялъ подлѣ него. Отрокъ этотъ былъ внукъ Будли. Онъ былъ коротенькій, головастый мальченка, лѣтъ восьми. Широкія плечи — обѣщали въ немъ будущаго силача, сверкающіе глазенки — обличали въ немъ умъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, какую-то странную дерзость и рѣшительную отвагу. Двигался онъ неуклюже. Смотрѣлъ все больше въ землю.

Постоявъ немного, князь Будли заговорилъ:

— Всѣ-ли собрались наши?

— Всѣ! было ему отвѣтомъ.

Будли поднялъ голову.

— Братья! задрожалъ его голосъ надъ толпой. — Мы гибнемъ! Что намъ дѣлать?

Всѣ молчали.

— Гибнемъ! гибнемъ!

Старый князь закрылъ лицо руками.

Въ толпѣ послышался чуть слышный говоръ:

— Гибнемъ, батя, гибнемъ! Кто насъ поратуетъ?

Стихли. Молчаніе царило надъ толпой.

Дряхлый князь, казалось, собирался съ духомъ, чтобы сказать нѣчто рѣшительное, нѣчто неожиданное...

А толпа все молчала, какъ одинъ человѣкъ. Чудилось, что это не люди стояли, съ душой и сердцемъ, не люди, которыхъ гнела одна мысль, одно горе, одна бѣда, а заколдованные дубы-подростки, принявшіе человѣческіе образы.

Князь, наконецъ, открылъ лицо и поднялъ свою обремененную сѣдинами голову.

— Братья! сказалъ онъ тихо, будто очнувшись отъ долгаго забытья, — братья! Послушайте старика!

— Слушаемъ, батя, слушаемъ! прогудѣла толпа.

— Девять десятковъ лѣтъ, — продолжалъ князь ровнымъ, окрѣпшимъ голосомъ, — пронеслось надъ моей головой. Скоро десятому конецъ будетъ. Видѣлъ я горе, видѣлъ радости. У меня было двадцать шесть сыновей, вдвое больше внуковъ. Всѣ они росли,

всѣ они любили родину свою дорогую, и всѣ они положили головы свои за нее. Положили потому, что мы скованы по рукамъ и по ногамъ. Знаменитое и вольноо племя наше, племя Венедовъ, потеряло свою волю, потеряло свои города, веси, земли, женъ, дочерей, сыновей. Мы скрываемся въ лѣсахъ, какъ звѣри дикіе, чтобы Готы не видѣли и не мучили насъ. У насъ берутъ тяжелую дань. Берутъ все, что мы имѣемъ: и хлѣбъ, и одежду, и питье. Берутъ у насъ въ неволю красавицъ-дочерей, сыновей-подростковъ. Все у насъ берутъ. Что же намъ дѣлать? Куда намъ дѣваться? Ужели мы должны погибнуть? Ужели племя наше должно исчезнуть навсегда?

Будли остановился.

Толпа поняла, что онъ требуетъ отвѣта, и загудѣла:

— Нѣтъ, нѣтъ, батя, не должно исчезнуть племени нашему!

— А коли не должно, такъ слушайте же меня, старика, что я скажу вамъ! А я вотъ что скажу. Племя наше — великое племя. Нѣтъ племени равнаго ему. Племя наше существуетъ болѣе четырехъ тысячъ лѣтъ. Мы вышли изъ далекой земли, съ востока, и поселились здѣсь, когда еще здѣсь никакихъ народовъ не было. По сказаніямъ нашихъ мудрецовъ, по сказаніямъ святымъ и истиннымъ, мы вышли изъ Индукуша. Родоначальниками нашего племени были Парси, народъ сильный и воинственный. Мы не одни оттуда вышли. Оттуда было шестнадцать выселковъ. Нашъ выселокъ былъ семнадцатый. Но всѣ эти шестнадцать выселковъ произвели народовъ недостойныхъ. Первый выселокъ было въ Бактрію; но тамъ народъ узналъ непотребное, гадливое зло: мужи сожительствовали съ мужами, жены въ женами. Вторый выселокъ построилъ городъ Согду, богатую домашнимъ скотомъ, и скоты были ему дороже женъ.[1] Третій выселокъ основалъ городъ Мервь; тамъ любили мальчиковъ.[2] Четвертый выселокъ основалъ городъ Балхъ: тамъ любили неподвижность.[3] Пятый выселокъ основалъ

---

[1] Въ Индіи, въ королевствѣ Ассамскомъ, есть городъ Содія. Не бывшая ли это Согда?

[2] Мервь и теперь существуетъ между Персіей и Аравіей.

[3] Есть двѣ мѣстности, носящія названія, какъ бы производныя отъ слова «Балхъ». Это — озеро Балхашъ въ Зюнгаріи и Балканская горная цѣпь, которую древніе называли Балханъ.

городъ Ниссу; но тамъ злой духъ научилъ людей считать Бо
преходящимъ.[4]) Шестой выселокъ основалъ городъ Эратъ; в
тамъ люди начали заниматься набѣгами.[5]) Седьмой выселокъ осн
валъ городъ Веекередъ: тамъ начали казнить вертящимися ору
діями. Осьмой выселокъ основалъ городъ Урву, но тамъ зло
духъ ввелъ богинь любви. Девятый выселокъ основалъ невѣдомы
городъ, гдѣ злой духъ ввелъ грѣхъ, неимѣющій прощенія.
Десятый выселокъ основалъ городъ Герехетъ; но тамъ зло
духъ ввелъ сожиганіе труповъ.[7]) Одиннадцатый выселокъ ос
новалъ городъ Геймеонтъ; но тамъ народъ предался колдовств
и у него было четыре ложныхъ мудреца, увлекшихъ многих
къ превратнымъ понятіямъ. Двѣнадцатый выселокъ основалъ го
родъ Раггу съ тремя пригородами; но народъ сдѣлался тамъ упрям
и лживъ. Тринадцатый выселокъ основалъ городъ Чехру; но там
люди, какъ и въ Герехетѣ, ввели сожиганіе труповъ.[8]) Четы
надцатый выселокъ основалъ Верену, но тамъ люди ввели весе
лыя дома женщинъ, которыя выманивали у мущинъ деньги.
Пятнадцатый выселокъ основался на Семи Индахъ; но злой дух
ввелъ тамъ похотливыхъ женщинъ, отъ которыхъ произошли болѣзн
Шестнадцатый выселокъ основалъ Рангу; но злой духъ навелъ н
жителей его сильнаго властителя, который обиралъ у всѣхъ деньги. *
Семнадцатый выселокъ основалъ городъ Винету. Венды произошл
отъ этихъ выселенцевъ. Но у насъ нѣтъ грѣховъ нашихъ собра
тій. Мы только трудимся, мѣняемъ свои товары и любимъ игр
на гусляхъ. За что же насъ терзаютъ Готы? Долго-ли мы будем
подъ ихъ владычествомъ? Силъ нашихъ не хватаетъ терпѣть болѣе
Что день, то рѣдѣютъ веси наши и города, что день, то льетс

---

4) Древняя Нисса, а нынѣ Ницца.

5) Можетъ быть, это Арадъ, который находится въ Малой Азіи.

6) Мужеложство.

7) Гередъ въ Азіатской Турціи.

8) Названіе это напоминаетъ Чехію. У Чеховъ существовалъ обычай сожига
нія труповъ. Чехи даже поклонялись огню.

9) Въ Азіи городъ Варанаши, въ Иллиріи Варанашъ, въ Италіи Верона,
насъ — Воронежъ. Который изъ этихъ городовъ — опредѣлить трудно.

*) Можетъ быть, это славянское племя Раны, которое когда-то было богат
сильно и устрашало всѣхъ въ битвахъ на водѣ.

кровь Венедская, что день — исчезають наши владѣтельные роды, что день, то мы приходимъ въ большее и большее уныніе. Если еще такъ пройдетъ нѣсколько лѣтъ, то останется одинъ Венедъ, и скажетъ: «мое племя погибло!» и разобьетъ, въ унынiи, голову свою о камень прибережный... О, горе, горе намъ!

Дряхлый князь тихо заплакалъ.

Какъ серебристыя капли дождя, скатывающіеся по серебристымъ листьямъ тополи, бѣгутъ одна за другою, крупныя, беззвучныя, такъ изъ глазъ княжескихъ, глазъ безцвѣтныхъ, полились слезы горючія...

— Горе, горе! восклицалъ онъ.

А за нимъ и Венеды восклицали:

— Горе, горе! Но что-же намъ дѣлать, батя? Много насъ, но силъ у насъ нѣтъ. Нѣтъ предводителей. Готы проклятые всѣхъ переловили и перевѣшали. Ты только одинъ у насъ и остался. Помоги, батя! Что ты скажешь, то мы и сдѣлаемъ! Помоги!

— Пòмочь моя вотъ какая, братья, заговорилъ, успокоившись, князь: мы должны покинуть свою родину и искать, подобно своимъ предкамъ, новыхъ поселеній. Одна часть Венедовъ пусть идетъ къ Понтійскому морю, другая въ Галлію, а третья нà полночь, за море. Есть много свободныхъ земель по Днѣпру, есть много ихъ и въ Галліи, есть много ихъ и на полуночи. Пусть въ Галлію ведетъ князь Радогостъ. На полуночь князь Олимеръ. Къ Понтійскому морю изъ васъ кто нибудь. Изъ князей у насъ только и остались Родогостъ и Олимеръ.

— Да будетъ такъ, батя! отвѣчали, какъ одинъ человѣкъ, Венеды. Пусть гонцы разнесутъ эту вѣсть по городамъ и весямъ Венедскимъ. Пусть народъ готовится къ выселенію. Да будетъ такъ, батя! Слово твое — святое слово!

Дряхлый князь низко поклонился Венедамъ.

— Спасибо вамъ, братья честные, что еще вѣрите старику хилому. А лучшаго дѣла намъ не выдумать.

Толпа заволновалась и заговорила между собою.

Въ это время внукъ надѣлъ на дряхлаго князя шапку и осторожно повелъ его въ лѣсъ по той-же тропинкѣ, по которой вывелъ его.

Въ князѣ, повидимому, миновалась надобность. Его дѣло было только сказать, дѣло другихъ — исполнить.

Когда князь съ внукомъ своимъ отошелъ довольно далеко отъ поляны, молчавшій всё время внукъ, вдругъ обратился къ дѣду:

— Дѣдушка, а дѣдушка!

— Что тебѣ, дитятко?

— А мы съ тобой, дѣдушка, выселяться будемъ?

— Куда намъ съ тобой выселяться, дитятко? Я старъ, ты младъ — оба никуда не годимся. Поживемъ покуда и здѣсь. Я помру. Ты подростешь, — вотъ тогда и дѣлай, что знаешь, и иди, куда хочешь.

— Я, дѣдушка, тебя не покину. Только мнѣ очень хочется побывать въ чужихъ сторонахъ. Я бы побывалъ во всѣхъ тѣхъ городахъ, про которые ты разсказывалъ. Тамъ, должно быть, совсѣмъ другіе люди живутъ.

— Нѣтъ, дитятко, все такіе же люди, какъ и мы съ тобой. Только въ одномъ мѣстѣ злые люди, въ другомъ — добрые. А больше все злые. Хуже Готовъ.

— Готы собаки, дѣдушка. Кабы моя воля была, я бы ихъ всѣхъ перерѣзалъ.

— Трудно ихъ перерѣзать, дитятко: Готы народъ сильный.

— А ужъ сильнѣе Готовъ и нѣтъ, дѣдушка, никого больше?

— Нѣтъ. Они многими землями володѣютъ. Одинъ только римскій императоръ и не покорствуетъ передъ ними. Да и тотъ боится ихъ. Готы, дитятко, страшный и сильный народъ.

— Когда я выросту, дѣдушка, плохо отъ меня будетъ Готамъ.

— Охъ, ты витязь мой, витязь! засмѣялся добродушно старикъ, и погладилъ внука по головѣ.

Внукъ, между тѣмъ, насупился. Видимо, въ его дѣтской груди уже накипѣла затаенная злоба противу ненавистнаго ему племени. Дѣтская злоба его была похожа на маленькую, бѣлую тучку, появляющуюся въ ясный, зимній день на горизонтѣ, раскинувшемся надъ снѣжной, пустынной степью. Тучка эта, легкая, прозрачная вьющаяся барашками, есть предвѣстница неумолимаго, снѣжнаго урагана, который все губитъ и все заметаетъ попадающееся ему на пути...

Страшенъ снѣжный ураганъ; но злоба человѣческая — еще страшнѣе. Прошумитъ, прогудитъ ураганъ, и смолкнетъ. Послѣ

урагана степь еще свѣтлѣй покажется. Злоба человѣческая растетъ долго и упорно. Ураганъ оставитъ по себѣ десятки жертвъ, злоба — тысячи. Стонъ слышится за стономъ, кровь льется за кровью. Стряхнетъ кровавыя капли трава, смоетъ ихъ роса вечерняя, высушитъ ихъ мѣсяцъ свѣтлорогій, а на утро — опять кровь, опять злоба оттачиваетъ ножъ свой. «Смерти, смерти!» кричитъ она, безпредѣльная, безсердечная, жаждущая. И смерть стоитъ передъ нею, ожидая мановенія руки ея. Мановеніе дано. И гибнутъ люди, не зная за что, про что. А злоба торжествуетъ. Зароютъ несчастныхъ въ одну могилу, зароютъ праваго и виноватаго. Злоба совершитъ надъ ними тризну и забудетъ ихъ. И гремитъ имя злобы изъ вѣка въ вѣкъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Ей поются пѣсни, ей воздвигаются обелиски, пирамиды, памятники. А надъ безъимянной могилой — лѣсъ выростаетъ, или гуляютъ вѣтры перелетные. Лѣсъ выростетъ — споетъ ей пѣсню кукушка вѣщая, степь разстелется — загудутъ бури безпокойныя. Новое поколѣніе — новая кровь. А между тѣмъ, жизнь для человѣка хороша. Человѣку жить хочется. Хочется дышать, ходить, волноваться. Тѣло его дрожитъ, трепещетъ, упруго вздрагиваетъ, краснѣетъ, блѣднѣетъ, чувствуетъ боль. Это кровъ въ человѣкѣ живетъ. Кровь для человѣка — все. Безъ крови человѣкъ — трупъ. Застынетъ кровь, застынетъ и человѣкъ. Не этимъ ли объясняется и любовь его къ брани, которая извлекаетъ кровь. Человѣкъ всегда, или, по крайней мѣрѣ, иногда, хочетъ имѣть предъ глазами то, что ему любо. Кровь ему люба: онъ ищетъ крови. Ужасъ его не страшитъ. Ужасъ имѣетъ свою долю привлекательности. Опасность — тоже. Когда мы стоимъ на какой нибудь вершинѣ, намъ всегда хочется кинуться внизъ. Чѣмъ это объяснить? Въ Мюнхенѣ есть картина. Это голова Медузы Ронданини. Смертельная красота этой Медузы приводитъ въ ужасъ каждаго воспріимчиваго зрителя и, вмѣстѣ съ тѣмъ, восторгаетъ...

Долго внукъ и дѣдъ шли по лѣсной тропинкѣ. Молчалъ внукъ, молчалъ и дѣдъ. Внукъ, какъ умѣлъ, поддерживалъ старика. Старикъ еле передвигалъ ноги и часто спотыкался. Наконецъ, передъ ними показалось нѣсколько хижинъ, ютившихся подъ сѣнью липъ на глухой лѣсной луговинѣ. Жилища эти скорѣе походили на берлоги звѣрей, чѣмъ на дома человѣческіе.

Едва внукъ и дѣдъ приблизились къ нимъ, какъ откуда-то, точно изъ подъ земли, выбѣжала молодая дѣвушка. Легкая, улыбающаяся, въ бѣлой длинной сорочкѣ, перехваченной по стану тонкимъ пояскомъ, длинноволосая, голубоглазая, она подбѣжала къ старику и обхватила шею его своими пухлыми, гибкими ручёнками.

— Дѣдушка! дѣдушка! радовалась она, цѣлуя старика то въ лобъ, то въ щеки. — Что ты такъ долго не приходилъ? А я-то ждала, а я-то ждала...

— Вотъ и дождалась, вотъ я и пришелъ, говорилъ ласково дѣдушка, и тоже нѣсколько разъ поцѣловалъ молодую рѣзвушку въ голову.

— А что же ты-то, братецъ, не привелъ пораньше дѣдушку? обратилась она къ юному провожатому, который стоялъ насупившись.

— Не тронь его, не тронь! онъ у меня всѣхъ Готовъ перебить хочетъ! — шутилъ старый князь.

— Ахъ, какой страшный! вскрикнула дѣвушка, и засмѣялась, откидывая обѣими руками за плечи свои длинные, русые волосы, которые легкими прядями повисали надъ ея овальнымъ, раскраснѣвшимся личикомъ.

Внукъ, изъ подъ бровей, поглядѣлъ на дѣвушку и еще больше надулся. Дѣвушка засмѣялась еще сильнѣе, глядя на разсердившагося брата.

Это были внукъ и внучка стараго Венедскаго князя Будли.

Внукъ — Аттила.

Внучка — Юрица.

ГЛАВА IV.

ПОГРЕБЕНІЕ КНЯЗЕЙ.

Была уже совершенная ночь, и мѣсяцъ, полный, явственный, плылъ уже высоко по небу, когда нѣсколько тяжелыхъ и неуклюжихъ венедскихъ лодокъ показались на водахъ Нѣмана. Лодки венедскія двигались тихо, едва замѣтно. Пловцы, видимо, опаса-

лись чего-то и придерживались больше береговъ, находившихся въ тѣни, которая ложилась по нимъ отъ высокаго береговаго лѣса.

Плавать у этихъ береговъ было не совсѣмъ безопасно: все пространство ихъ было завалено отжившими свой вѣкъ гигантами лѣсовъ — дубами, березами, клёнами. Голые сучья ихъ, черные, влажные, покрытые зеленымъ мхомъ, нерѣдко высоко поднимались надъ водою. Плывущій по рѣкѣ соръ, — листья, сучья вѣтки, плѣсень, — останавливались у этихъ береговыхъ преградъ, прирастали, присасывались къ нимъ, покрывались новыми наплывами, и составляли иногда самыя крѣпкія, самыя непроницаемыя плотины, разрушить которыя не хватало даже силъ и у воды, не смотря на то, что она бѣшено, какъ бы съ озлобленіемъ, набѣгала на нихъ, силясь ихъ раздробить и разнести, вертѣлась, кружилась, пѣнилась, и, въ концѣ концовъ, встрѣчая неодолимую твердыню, принуждена была далеко обѣгать ихъ. Кое-гдѣ гигантское дерево, дитя десятковъ лѣтъ, упавъ Богъ вѣсть когда и какъ, лежало поперегъ береговаго затишья, занимая нѣсколько саженей пространства. Крѣпкія и испытанныя вѣтви его упирались въ илистое дно и держали надъ водой корявый, почернѣвшій стволъ. Шумно и звонко перекатывалась вода черезъ эту недвижимую груду, чтобы черезъ нѣсколько саженей встрѣтить, можетъ быть, новую такую же груду и снова же уступить ей. Мѣстами деревья повисали надъ самой водой. И днемъ подъ этими навѣсами могучими царила сырая и подавляющая мгла, а ночью — навѣсы эти казались какими-то заколдованными обиталищами лѣсныхъ демоновъ: такъ подъ ними было темно, такъ было холодно, жутко. Даже всплески волнъ не оживляли ихъ. Какъ очарованные, стояли навѣсы эти надъ водой. Склонившись къ ней, они сумрачно, какъ бы размышляя, глядѣлись въ холодныя струи ея, точно стараясь постигнуть сокровенныя думы этихъ вѣчно движущихся и вѣчно шепчущихъ о чемъ-то волнъ. Во время бурь и непогодъ, навѣсы эти, качаясь и торопливо шелестя, со скрипомъ и рокотомъ, купались въ самой водѣ, и звонко роняли въ воду захваченныя ими въ водѣ же крупныя и свѣтлыя ея капли. Тогда мнилось, что они плакали о чемъ-то. Такъ года проходили за годами. Одинъ навѣсъ, одряхлѣвъ, незамѣтно исчезалъ, другой такъ же незамѣтно зарождался, чтобы, въ свою очередь, когда нибудь уступить мѣсто новому поколѣнію

побѣговъ. Въ теченіе многихъ лѣтъ ничто не заглядывало подъ эти навѣсы неприступные; развѣ старый воронъ, возвращаясь съ добычи, тяжело опускался иногда на толстый сукъ навѣсовъ и, каркнувъ разъ-другой-третій, снова взмахивалъ своими грузными крылами и летѣлъ далѣе. Мѣстами по этимъ берегамъ, изъ самой воды, поднимались цѣлыя группы низкорослыхъ ивъ. Ивы казались растущими на водѣ. Мѣстами берега были покрыты сплошной массой высокихъ и густыхъ тростниковъ, низкаго кустарника и сѣтчатаго водоросля. Все это служило хорошимъ и неприступнымъ обиталищемъ пернатой дичи; но для пловца представляло тяжелыя преграды.

Преграды эти, однако, не пугали позднихъ пловцовъ. Они все-таки придерживались береговъ и успѣшно огибали, попадавшіеся на пути, и густые тростники, и кустарники, и водоросли, и торчащія изъ воды корчаги. Пловцамъ, безъ сомнѣнія, мѣста хорошо были извѣстны.

Пловцы эти были Венеды, отправлявшіеся на мѣсто недавней казни, чтобы убрать тѣла своихъ несчастныхъ собратьевъ и совершить надъ ихъ могилами достойную тризну.

Въ лодкахъ сидѣло человѣкъ двадцать Венедовъ. Венеды были въ бѣлыхъ, длинныхъ, холщевыхъ, на подобіе рубахъ, свиткахъ, или панёвахъ. Головы ихъ, по обыкновенію принѣманскихъ Венедовъ, были покрыты рысьими шапками. Въ передней лодкѣ, кромѣ Венедовъ-мужчинъ, сидѣли еще двѣ венедскія женщины и жрецъ. Жрецъ былъ въ синемъ длинномъ балахонѣ съ металлическими пуговицами, въ высокой конусообразной шапкѣ на головѣ. Сидя, онъ покачивалъ головой и что-то многозначительно шепталъ. Онъ былъ старъ, сѣдъ, но тученъ. Одна изъ женщинъ, повидимому, еще очень молодая, была вся покрыта длинной и широкой холстиной. Изъ-подъ холстины вырисовывалась ея опущенная на грудь голова и сложенныя на колѣняхъ руки. Другая женщина, старая, худая, съ гадливыми чертами лица, сидѣла рядомъ съ нею, какъ мумія. Голова ея была окутана цвѣтной холстиной, на подобіе чалмы. На груди, на длинномъ шнуркѣ, висѣло нѣсколько серебряныхъ изображеній: коня, вола, собаки, брони и оружія. Изображенія были выкованы изъ круглыхъ, въ родѣ современныхъ рублей, слитковъ серебра. Онѣ считались священными и служили

эмблемой богатствъ человѣка, которыя необходимы ему даже и въ загробной жизни. Женщина, носившая эти изображенія, была не простая женщина. Такую женщину называли Деванича, что значитъ: божество града ночи. Она, какъ и жрецъ, принимала участіе во всѣхъ торжествахъ, касавшихся языческихъ обрядовъ, особенно роль ея была значительна при погребеніяхъ и тризнахъ. Для божества града ночи выбирали всегда женщину старую и, по возможности, отвратительную. Ее уважали, боялись, носили ей дары и бѣгали отъ нея. Деванича жила одиноко. Она очень хорошо знала, что ее ненавидятъ, и поэтому сама скрывалась отъ людей. Деванича всегда жила гдѣ нибудь въ трущобѣ. Посѣщали ее только тѣ, у кого въ домѣ оказывался покойникъ, или тѣ, кого постигало какое нибудь страшное горе. Деваничу считали вѣщей и думали, что она бесѣдуетъ съ чистыми и нечистыми духами, а потому знаетъ, отъ чего произошло извѣстное несчастіе. На Деваничѣ была длинная, бѣлая рубаха, подпоясанная широкимъ поясомъ, на которомъ висѣлъ широкій, короткій ножъ. Ножъ этотъ употреблялся для зарѣзыванія, при погребеніяхъ, обреченной дѣвы. Сидѣвшая рядомъ съ Деванича женщина, подъ холщевымъ покрываломъ, и была обреченная дѣва.

Плаваніе Венедовъ продолжалось при общемъ безмолвіи. Только и слышно было легкое всплескиваніе воды, разсѣкаемой веслами.

Три лодки двигались одна за другой, гуськомъ. Взмахивая веслами, Венеды, казалось, не торопились на мѣсто грозной казни. Взоры ихъ были потуплены. Только одинъ Венедъ зорко смотрѣлъ на берега. Венеды опасались встрѣтиться съ Готами, которые иногда, совершивъ казнь и зная, что придутъ убирать тѣла казненныхъ, ради шутки, прятались вблизи и потомъ перебивали пришедшихъ. На этотъ разъ Венедамъ опасаться было нечего. Готы давно уже ускакали.

Вскорѣ Венеды увидѣли издали поляну казни. Поляна ярко была освѣщена мѣсяцемъ и на ней явственно виднѣлись кресты. Лодки врѣзались въ густые камыши и остановились. Одинъ изъ Венедовъ сошелъ въ воду и, пробираясь камышами по топкимъ кочкамъ и наростамъ, тихо вышелъ на берегъ и началъ, присѣдая, прокрадываться на поляну. Поляна была тиха. Венедъ все оглядѣлъ во-

кругъ. Готовъ не было. Были только ихъ страшные слѣды. Тогда Венедъ снова приблизился къ берегу и пронзительно засвисталъ.

Чрезъ нѣкоторое время, отъ берега потянулись и остальные Венеды.

Впереди всѣхъ шелъ жрецъ. За нимъ шла Деванича. Вслѣдъ за ними человѣкъ пять Венедовъ несли разныя орудія погребенія. Послѣ всѣхъ, въ сопровожденіи двухъ Венедовъ, шла обреченная дѣва.

Вскорѣ эта таинственная процессія, освѣщаемая яркой луной, двигаясь молча, какъ привидѣнія, появилась на самой полянѣ и тамъ остановилась въ безмолвіи. Безмолвіе ея было торжественно и зловѣще:

И здѣсь жрецъ былъ впереди.

Постоявъ немного, жрецъ вдругъ началъ размахивать руками и возопилъ:

— Мàра! мàра! лòка свадàна васу! *).

Сказавъ это, жрецъ опустился на землю и приникъ головой къ травѣ.

Онъ не вставалъ. Венеды въ это время раздѣлились. Одни начали снимать съ крестòвъ распятыхъ, другіе — складывали огромный костеръ и маленькій срубъ изъ тонкихъ бревенъ, третьи — начали рыть могилу. Только Деванича и обреченная дѣва не принимали ни въ чемъ никакого участія. Онѣ стояли отдѣльно. Дѣва подъ своимъ покрываломъ, Деванича со своими символическими изображеніями на груди. Вскорѣ распятые были сняты, срубъ былъ готовъ, и зажженный костеръ началъ понемногу разгораться. Глубокая могила была тоже готова. Вокругъ разгоравшагося костра начали собираться всѣ Венеды. Собравшись, они всѣ безмольвно поцѣловались, потомъ начали обрѣзать волосы свои и терзать свое лицо, чтобъ оплакать погибшихъ героевъ не слезами и воздыханіями, подобно женамъ, а кровью, какъ слѣдуетъ мужамъ.

А одинъ изъ мужей, терзая свое лицо, говорилъ въ это время:

— Князья наши, великаго народа господари, погибли отъ рукъ недостойнаго и проклятаго племени, Готовъ. Но погибла ли вѣра

*) Въ переводѣ съ санскритскаго языка на русскій: Смерть! смерть! Человѣкъ — снѣдь всего!

наша? Погибли ли Венеды, народъ, на которомъ никто не ищетъ возмездія? Нѣтъ, не погибли. А потому мы и должны достойно почтить героевъ нашихъ, павшихъ отъ рукъ нечестивцевъ, чтобы тѣмъ утѣшить тѣхъ, кому еще отъ рукъ Готовъ погибнуть должно...

Венеды безмолвно его слушали...

ГЛАВА V.

ОБЫЧАИ ПОГРЕБЕНІЙ.

У сѣверо-восточныхъ Венедовъ не было обычая сожигать всѣ вообще трупы умершихъ. Сожигали только особенно прославившихся князей. Но обычай сожженія труповъ у Славянъ за-Лабскихъ, то есть жившихъ между Рейномъ и Эльбой (Эльба называлась Лабой), и у Славянъ, жившихъ на Волгѣ, былъ въ полной силѣ. У Славянъ за-Лабскихъ онъ продолжался до 8-го столѣтія. У Славянъ Волжскихъ — до принятія христіанства Владиміромъ Равноапостольнымъ.

Обычай погребенія состоялъ въ слѣдующемъ:

Когда кто нибудь умиралъ, вся родня и знакомые хранили тѣло его до сожженія, въ продолженіи мѣсяца, двухъ, и даже до полгода, если умершій былъ князь или какой нибудь знаменитый человѣкъ. Тѣло лежало въ домѣ, распростертое на землѣ, обложенное предохранительными отъ гніенія составами. Во все это время, родные и пріятели покойнаго пили и веселились до самаго дня сожженія тѣла. Въ этотъ день несли его на костеръ. Потомъ дѣлили имущество его на пять или на шесть частей, а иногда больше, смотря по цѣнности. Всѣ эти доли размѣщались на конъ за городомъ, на разныхъ разстояніяхъ. Лучшіе доли далѣе. Меньшей цѣнности ближе. Послѣ этого приглашали изъ окрестныхъ мѣстъ всѣхъ тѣхъ, у кого были отличныя лошади, дла участія въ скачкѣ. Кто первый перегонялъ прочихъ, тотъ получалъ дальнѣйшую и лучшую долю. Такимъ же образомъ пріобрѣтались по очереди и прочія доли. Когда все имѣніе покойнаго

разбиралось съ кону, тѣло его выносили изъ дому для сожженія вмѣстѣ съ его оружіемъ и одеждой.

За 10-ть столѣтій до Р. Х. былъ такой же обычай сожженія труповъ и у Троянъ. Обычай этотъ у Троянъ былъ во многомъ сходенъ со Славянскимъ обычаемъ. Погребеніе праха Патрокла, описанное Гомеромъ, служитъ тому доказательствомъ.

Вотъ что Гомеръ говоритъ въ XXIII пѣснѣ «Иліады»:

Тѣло Патрокла возложили посреди поля на одръ. Когда Пелидъ назначилъ отданіе ему послѣдняго долга, вся дружина облачилась въ доспѣхи, собралась, и, по обряду, трижды обскакала вокругъ тѣла со слезами и возглашеніемъ къ умершему:

— Радуйся, Патроклъ! радуйся и въ обители Аида!

Потомъ всѣ сложили броню и совершена была вечерняя трапеза на поставленномъ у одра мѣдномъ треножникѣ, принесены были жертвы и совершено было омовеніе отъ бреннаго праха и крови. Душа Патрокла явилась Ахиллу во время ночи и возвала о пріобщеніи его къ огню, и чтобы кости его погребены были въ златомъ горнѣ,*) и въ той же гробницѣ, въ которой ляжетъ и Ахиллъ.

— О, боги! воскликнулъ Ахиллъ, воистинну и въ обитель Аида переходитъ душа въ образѣ, но въ образѣ безплотномъ!

На другой день, съ зарею, ратники ѣдутъ на холмы Иды, рубятъ дубовый лѣсъ для костра и свозятъ его на назначенное мѣсто. Потомъ, облачась въ броню, всѣ они возсѣли вокругъ одра и, посидѣвъ мало, встали, обрѣзали волосы свои, обложили ими тѣло Патрокла и понесли его къ мѣсту погребенія, гдѣ сооруженъ уже былъ изъ бревенъ стоступенный срубъ. На этотъ костеръ взнесли тѣло Патрокла, послѣ чего закололи подлѣ костра множество тучныхъ овецъ и огромныхъ круторогихъ туровъ, обложили

---

*) Горнъ, горнецъ—горшокъ, откуда латинское—урна. Руно по русски значитъ, кромѣ шерсти овецъ, рухло, рухлядь—развалины, руина. Рунные камни тоже, что руинные, хронные, похоронные, могильные. Хронныя надписи, называемыя на сѣверѣ рунами, приняли неизвѣстно почему значеніе собственно древнихъ письменъ Готскихъ. Есть еще соотвѣтствующее рунамъ слово ронить, которое по русски значитъ косить траву, рубить лѣсъ.

обрѣзаннымъ тукомъ *) ихъ тѣло Патрокла съ ногъ до головы, а вокругъ одра поставили сосуды съ медомъ и елеемъ. Потомъ взвалили на срубъ четырехъ коней Патрокла и двухъ любимыхъ, обезглавленныхъ псовъ его. Сверхъ того, въ отмщеніе за смерть Патрокла, были убиты двѣнадцать плѣнныхъ Троянскихъ юношей.

По изготовленіи жертвъ, зажгли костеръ, но онъ не возгорался. Тогда дивный Ахиллъ возвалъ къ вѣтрамъ и, обѣщая принести имъ жертвы, возливалъ кубкомъ вино.

Вѣтеръ подулъ и костеръ вспыхнулъ. Въ продолженіе всей ночи горѣлъ онъ. А между тѣмъ, Ахиллъ черпалъ кружкой вино изъ золотаго сосуда и орошалъ вокругъ костра.

Къ утру срубъ подъ Патрокломъ истлѣлъ. Остатки огня подъ пепломъ оросили краснымъ виномъ, бѣлыя кости Патрокла собрали, вложили въ золотой сосудъ, обложили тукомъ, поставили на одръ и покрыли тонкой пеленой. Потомъ очертили окружность и насыпали могилу. Между тѣмъ, Ахиллъ вынесъ награды на конъ для игрищъ.

Первой наградой были назначены: рукодѣльная юная дѣва, мѣдная лахань, рукомойникъ, 2 таланта золота и золотой кубокъ.

Игрища состояли изъ семи отдѣленій.

I. Бѣгъ на колесницахъ, по жребіямъ, которые вынимались изъ шлема. На кону была быстроногая кобылица.

II. Кулачный бой. На кону мѣдный треножникъ, цѣной въ двѣнадцать воловъ, и плѣнная дѣва, цѣной въ четыре вола.

III. Борьба. При этомъ случаѣ Одиссей употребилъ ловкость подгибать борющагося съ нимъ ногой. На кону серебряный великолѣпный сосудъ Сидонскаго издѣлья, помрачившій своей красотой всѣ извѣстныя въ то время по искусству издѣлія чаши.

IV. Бѣгъ въ запуски.

V. Поединокъ.

VI. Бросаніе желѣзной самородной глыбы.

VII. Стрѣльба изъ лука по выпущенной на привязи голубкѣ.

---

*) Тукъ—жиръ, сало. Отъ слова—тучность.

Не есть ли это сходство обрядовыхъ торжествъ Троянъ и Славянъ намёкомъ на ихъ родство.

Нѣкоторые изъ нашихъ изслѣдователей славянскихъ древностей и стараются доказать это.

Они опираются на нѣкоторыя историческія данныя.

ГЛАВА VI.

СЛАВЯНСКІЯ ДРЕВНОСТИ.

Исторію покоренія Трои писалъ нѣкто Дитъ, Грекъ, и Дарій, а по нѣкоторымъ сказаніямъ, Даретъ, Фригіецъ. Оба они были личными свидѣтелями этой битвы и оба утверждаютъ, что Трояне не знали греческаго языка до Язона. Этимъ опредѣляется, что Трояне не греческаго племени, а, стало быть, и Троя не могла быть греческой провинціей. Трояне назывались сперва Пеласгами, потомъ Ѳракійцами, послѣ того Тевкрами, затѣмъ Дарданами и, наконецъ, Троянами, а остатки ихъ, послѣ паденія Трои, Пергамлянами и Кемеянами. Кемъ и Пергамъ построилъ Эней послѣ паденія Трои и въ нихъ поселились Трояне, избѣжавшіе гибели въ Иліонѣ. Греки называли Троянъ Ѳракійцами. Ѳракійцы происходятъ отъ Пеласговъ. А у Ѳракійцевъ, равно какъ и у Пеласговъ, встрѣчается множество племенныхъ названій, чисто славянскихъ. Геродотъ говоритъ, что между Ѳракійцами есть Руссы и Руссины. Кромѣ того, Ѳракійцы носили чубы, какъ наши современные, сперва запорожцы, а теперь малороссіяне. Могилы у нихъ дѣлались насыпью, какъ вообще у всѣхъ Славянъ. При погребеніи покойниковъ соблюдались всѣ славянскіе обряды. На бой они выходили преимущественно пѣшіе. Вооруженіе у нихъ было славянское. Это подтверждается всѣми древними историками. Слѣдовательно, Ѳракійцы должны были быть Славяне. По выводамъ нѣкоторыхъ историковъ, Ѳракійцы и Македоняне говорили даже славянскимъ языкомъ.—

Въ Троянскихъ владѣніяхъ была рѣка Рса, или Ра̀са. Вездѣ, гдѣ сидѣли Руссы, находится рѣка этого имени. Нынѣшній Араксъ, на Кавказѣ, есть древняя Рса̀. По географіи того времени означаютъ на ней народъ Рось и страну того-же имени, названныхъ впослѣдствіи Скиѳами. Араксъ назывался Арабами Эль-Расъ; Монголами Арсай и Расха; Греками Расса и Ѳросъ; Волга также называлась Рсою. Это же имя сохранила рѣка Руса или Порусье, въ Новгородской губерніи, гдѣ сидѣла древнѣйшая Русь. Рѣка Рось, впадающая въ Днѣпръ, гдѣ сидѣла Русь Днѣпровская. Черное море, гдѣ была Русь Черная. Рѣка Руса, въ Моравіи, гдѣ сидятъ и теперь Русняки. Рѣка Руса, составляющая правый рукавъ Нѣмана.

Это заставляетъ заключить, что и въ Троянскихъ земляхъ сидѣла нѣкогда Русь; слѣдовательно, хотя часть Троянъ была Славянскаго племени. Въ числѣ сыновей Пріама, четверо носили славянскія имена. Это — Троилъ, Дій, Самборъ и Парисъ. Имя Троилъ, какъ славянское, сохранилось у насъ на пушкѣ, стоящей въ Московскомъ Кремлѣ. *) Имя Дій извѣстно въ славянской миѳологіи. Имя Самборъ повторяется неоднократно въ числѣ князей Венедскихъ, Моравскихъ и Хорватскихъ. А Парисъ долженъ быть Борисъ, потому что древніе Славяне хотя и имѣли особую букву б, но и буква п была двоякая, твердая и мягкая. Древнее славянское б выражалось знакомъ L, а п знаками Г Ⅰ. Грекамъ не мудрено было перемѣшать знаки эти и, по сходству произношенія ихъ, принять одну вмѣсто другой. Кромѣ того, Греки не имѣютъ въ своемъ алфавитѣ буквы, которая бы соотвѣтствовала въ произношеніи славянскому б. А что Греки написали Παρις вмѣсто Πορις, то весьма естественно: и сами Руссы писали прежде вмѣсто Россія— Рассія. Имя самаго Пріама производятъ отъ чисто славянскихъ словъ — пріемленный, пріятный. Пріамъ назывался прежде Лаѳмедонтомъ. По выкупѣ его изъ плѣна, Трояне назвали его Пріамомъ. Доказываютъ даже, имѣя довольно вѣскіе доводы, что и Гомеръ. творецъ Илліады, былъ Славяниномъ, по крайней мѣрѣ, не Грекъ. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ языка, на которомъ написана Илліада, онъ не составляетъ одного чистаго греческаго нарѣчія, а распа-

*) Она отлита въ 1590 году московскимъ художникомъ Андреемъ Чеховымъ.

дается на семь разныхъ говоровъ. Вслѣдствіе этого, задаютъ вопросъ: ужели Гомеръ писалъ свою Илліаду на семи нарѣчіяхъ? И говорятъ, что оригиналъ Илліады былъ написанъ не на греческомъ языкѣ, а переведенъ отдѣльными главами на семь греческихъ нарѣчій. Ликургъ, собравъ эти переводные отрывки въ семи разныхъ городахъ греческихъ, составилъ изъ нихъ, какъ только возможно было, одно цѣлое. Въ послѣдствіи, когда уже забыты были имена переводчиковъ, каждое нарѣчіе въ сборной Илліадѣ нашло своихъ партизановъ въ какомъ либо городѣ, оспаривавшихъ мѣсто рожденія творца ея, тогда какъ въ сущности тотъ городъ былъ только мѣсторожденіемъ перевода одного отрывка изъ всего творенія. Да и не мудрено было забыть не только имена переводчиковъ, но и то, что эти главы были переводныя: по прошествіи уже трехъ сотъ лѣтъ отъ событія, были собраны отрывки эти. Первыя 8 пѣсенъ Ликургъ нашелъ въ Троянскомъ городѣ Кеми, построенномъ разоренными Троянами. Изъ всего этого выводятъ, что Гомеръ могъ быть родомъ и не Грекъ. Сами Греки называютъ его Кеміяниномъ, и говорятъ, что слово Гомеръ, или Оміръ, не есть имя пѣвца, а означаетъ на Кеміянскомъ языкѣ — слѣпецъ. Задается вопросъ: какъ могло иностранное для Грековъ слово, означающее не болѣе какъ слѣпца, попасть въ оглавленіе греческаго стихотворенія? Потомъ: неужели Илліада въ теченіе трехъ сотъ лѣтъ могла укрываться отъ Грековъ, еслибъ была ихъ туземная? Что же касается Кеми, мѣста рожденія Илліады, то имя это не только чуждо славянскому міру, но даже повторяется въ разныхъ мѣстахъ, и въ самой Россіи. Есть Кем-пно, городокъ въ Познанскомъ округѣ; Кемъ-тендей, рѣка въ Иркутскѣ; Кемь, уѣздный городъ въ Архангельской губерніи; озеро Кемское и рѣчка Кемь въ той же губерніи, и нѣсколько деревень того же имени.

Наконецъ, нѣкоторые изслѣдователи славянскихъ древностей не бездоказательно увѣряютъ, что и Эней былъ чистый Славянинъ. Они опираются на могильный памятникъ Энея. Памятникъ этотъ найденъ близъ Креччіо, въ Италіи, въ октябрѣ 1846 года. Подъ памятникомъ находилась камера со сводомъ, которая была вскрыта. Замѣчательно, что на памятникѣ Энея надпись чисто славянская.

Вотъ она:

Рески вес Бог, выш Віма и Діма, Езменю Расіей,
Им-же опеце дом и децес, лепейен Езмень!
Екатезин далечим; до долу зем поежею;
Тоци веро-веро ес! какоем, Еней цар-роде.
Сидеіз с Ладоім въ Елишом, Лейты поймез, забывлаез;
Ой! дорогі, хорошій!

Въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ слѣдующее:

Райскій всѣхъ Боже, выше Вима *) и Дима, **) Езмень ты России,
Возьми въ опеку мой домъ и дѣтей, наилучшій Езмень! ***)
Гекаты царство далече; до долу земли выѣзжаю;
Точно, ей, ей, такъ есть! Какъ я Эней, царь-родомъ!
Сидя съ Ладомъ въ Елисеѣ, Леты черпнешь и забудешь.
О! дорогой, хорошій!

Надписѣ эта, по всѣмъ свидѣтельствамъ, сдѣлана почти за 3000 лѣтъ до нашего времени. Ни въ одномъ изъ существующихъ языковъ нельзя найти всѣхъ словъ этой надписи. Слово «хорошій» осталось въ одномъ только русскомъ языкѣ. Чехи, вмѣсто слова «хорошій», говорятъ: «выборный». Слово надписи: «веро-веро» по русски значитъ: «воистинну» или «ей, ей». «Веро-веро» осталось только въ чешскомъ языкѣ. Поляки говорятъ: «заправде».

Вполнѣ ли доказывается подобнаго рода выводами изслѣдователей наше родство съ Троянами, судить трудно: дѣло спорное и темное. Одно можно сказать, что Славяне — одно изъ древнѣйшихъ осѣдлыхъ племенъ, и что мы, Русскіе, опутанные многими пристрастными историческими разсказами, совершенно ошибочно счита-

---

*) Вима—Индійское божество, которое почиталось и у Славянъ.

**) Дима есть обоготворенный сынъ древняго Троянскаго героя Дардана.

***) Езмень или Есмунъ—имя древняго божества, почитавшееся у Египтянъ и Финикіянъ. Есмулъ былъ высочайшее божество и считался богомъ неба и всего міра. Есмунъ назывался также Ясень, Ясмень, Ясмунъ, Яшмунъ и Шмунъ.

емъ начало своего государства съ 862 года, то есть съ призванія князей. Славянскія общины, вполнѣ организованныя, существовали болѣе чѣмъ за тысячу лѣтъ до мнимаго призванія Варяговъ. На страницахъ нашего повѣствованія, далѣе, объ этомъ будетъ особая рѣчь...

ГЛАВА VII.

ОБРЕЧЕННАЯ ДѢВА.

Похороны у Волжскихъ Славянъ совершались немного иначе, чѣмъ у Славянъ прибалтійскихъ.

Славяне Волжскіе сожигали всѣхъ вообще умершихъ. Тѣло умершаго лежало въ шатрѣ въ продолженіи десяти дней, во время которыхъ родные предавались печали и изготовляли для покойника одежду. Если умиралъ бѣдный человѣкъ, то его просто сожигали въ колодѣ. Если же покойникъ былъ богатъ, то имущество его, до сожженія, раздѣлялось на три части. Одна часть поступала въ наслѣдіе его семьѣ, на другую шили одежду, на третью покупались напитки. Когда наступалъ день сожженія, родные отправлялись на рѣку. Тамъ они облачали покойнаго въ сапоги, въ парчевой кафтанъ съ золотыми пуговицами и въ парчевую же шапку, обложенную соболемъ. По облаченіи, покойника переносили на устроенный на ладьѣ, на подмосткахъ, одръ, подъ навѣсомъ, а принесенные напитки, плоды, душистыя травы, хлѣбъ, мясо и лукъ, ставили передъ покойникомъ. Потомъ приводили собаку, разрубали её пополамъ и кидали въ ладью. Броню и оружіе умершаго клали около него. Потомъ приводили двухъ коней, которыхъ передъ этимъ упаривали скачкой, разрубали ихъ мечами и складывали въ ладью. Потомъ разрубали также двухъ воловъ, пѣтуха и курицу. Далѣе обрядъ погребенія совершался также, какъ и у прибалтійскихъ Славянъ-Венедовъ. Не было только жреца. Мѣсто жреца занимала Деванича.

Когда Венедъ, терзая свое лицо и обрѣзывая волосы, окончилъ у костра свою рѣчь, лежавшій ницъ на землѣ жрецъ, всталъ и приблизился къ костру. Венеды разступились. Жрецъ таинственно

началъ молиться надъ огнемъ. Помолившись, онъ отправился къ срубу. Одинъ изъ Венедовъ подалъ ему деревянныя изображенія боговъ. Жрецъ поставилъ этихъ боговъ по сторонамъ сруба. Другіе Венеды въ это время начали сносить погибшихъ въ срубъ, гдѣ клали ихъ на кучи сложеннаго хворосту. Всѣ погибшіе были внесены въ срубъ. Тогда къ срубу приблизилась Деванича съ обреченной дѣвой. Дѣва осталась у сруба. Деванича вошла въ него и начала покрыватъ покойниковь холстинами, заранѣе для того приготовленными. Потомъ она вышла и сняла съ дѣвы покрывало. Дѣвушка была молодая, пригожая. На ней были золотые поручни и крупное янтарное ожерелье. Дѣвушка эта, называвшаяся обреченной дѣвой, сама вызвалась погибнуть въ срубѣ вмѣстѣ съ однимъ дорогимъ ей покойникомъ. Когда у Славянъ умиралъ кто нибудь, тогда спрашивали у его родныхъ, близкихъ и челяденцевъ: кто желаетъ умереть съ господиномъ? По большей части вызывались на смерть дѣвушки. Вызвавшаяся на смерть дѣвушка, до дня погребенія, сопровождаемая двумя подругами, всегда угощалась, пѣла и радовалась, что ей суждено погибнуть за дорогаго господина. Такова была и эта несчастная венедская дѣвушка. Она вызвалась погибнуть за своего любимца, князя Болемира, распятаго вмѣстѣ съ другими на береговой полянѣ Нѣмана. Она была княжна и готовилась быть невѣстой Болемира. Покидая её, Болѐмиръ сказалъ: «Я иду искать свободы для моей родины; если я погибну, невѣста моя, погибни и ты на моемъ трупѣ: ты мнѣ всюду будешь дорога». Дѣвушка, цѣлуя пóлы кафтана отъѣзжающаго жениха, обѣщалась исполнить его волю и сдержала свое дѣвичье слово. Она первая вызвалась погибнуть на трупѣ своего любимаго князя.

Поставивъ около сруба изображеніе боговъ, жрецъ, глядя на срубъ, возопилъ:

— Пурàнна, махаджà, дивьянъ, сурабгѝ, бгу́ васу́, дайвàнъ набхàса, сàйлья гѝри, чару́ суну́, чару́ масàсъ, чару́ гау́, бгану́ дàкша! Намадха—мелана, на вѝра, и сàнна, и чàнна на! *)

---

*) Переводъ съ санскритскаго на русскій языкъ: Предвѣчный, мощный, дивный, прославленный, плоть всего, судьба небесъ, твердость горъ, краса солнца, краса мѣсяца, краса земли, господинъ даровъ земныхъ! возьми даръ—моленье! возьми жертвенный огонь, и почесть и воздаяніе возьми!

Послѣ этого обычнаго жреческаго восклицанія, три дюжихъ Венеда начали передъ срубомъ поднимать на рукахъ обреченную дѣвушку. Они поднимали её три раза.

Въ это время дѣвушка громко и отчетливо говорила:

— Вотъ вижу я моего отца и мать мою. Вотъ вижу я всѣхъ моихъ предковъ. Вотъ вижу я моего господина: онъ возсѣдаетъ въ свѣтломъ, цвѣтущемъ вертоградѣ, зоветъ меня! Пустите меня къ нему!

Переставъ поднимать обреченную, Венеды подвели ее къ срубу. Она сняла поручни и ожерелье и отдала ихъ старухѣ, Деванича.

Въ это время нѣкоторые изъ Венедовъ взяли щиты и палицы. Одинъ изъ щитоносцевъ налилъ чашу меду и подалъ дѣвушкѣ.

Дѣвушка выпила и проговорила:

— Прощаюсь со всѣми: съ милыми и съ дорогими!

Потомъ подали ей другую чашу.

Она выпила и запѣла протяжно и уныло:

Взвою я, молодая дѣвица,
По дорогомъ моемъ, по излюбленномъ.
Много радостей сулилъ на землѣ
Мнѣ мой властитель храбрѣйшій.
Гдѣ-жъ ты теперь, великій любимецъ?
Чтожъ ты меня къ себѣ не берешь?
Жду не дождуся я встрѣчи съ тобой!

Во время пѣнія, Деванича ввела дѣвушку въ срубъ. Едва только онѣ скрылись въ срубѣ, какъ Венеды сильно ударили въ щиты. Это дѣлалось для того, чтобы не особенно громко слышенъ былъ голосъ зарѣзываемой дѣвушки. Въ срубѣ ее зарѣзывала старуха.

Войдя въ срубъ, Деванича быстро схватила дѣвушку зà волосы, опрокинула голову ея назадъ и шарахнула по горлу ножемъ. Несчастная начала биться и кричать. Старуха нанесла ей другой ударъ. Кровь дѣвичья хлынула на хворостъ, на трупы, а сама она упала на близъ лежащее тѣло. Вытеревъ ея рубахой окровавленный ножъ, старуха хотѣла уже выйдти изъ сруба, какъ вдругъ

испуганно остановилась и приросла къ землѣ. Тѣло, на которое упала дѣвушка, начало шевелиться подъ покрываломъ и подниматься, и старуха услышала мужской голосъ: «пить! пить!»

Быстро выбѣжала она изъ сруба и закричала:

— Живъ кто-то! Пить проситъ!

Звукъ ударовъ въ щиты смолкъ. Двое Венедовъ, съ зажженными лучинами въ рукахъ, кинулись въ срубъ.

Только что зарѣзанная дѣвушка, истекая кровью, лежала безъ движенія. Но возлѣ нея лежало другое тѣло съ открытыми глазами. Едва замѣтно двигалъ лежащій одной рукой, какъ бы силясь приподняться, и шевелилъ губами, на которыхъ виднѣлась черная запекшаяся кровь.

Вбѣжавшіе Венеды узнали въ ожившемъ своего князя Болемира.

— Болемиръ! Болемиръ! закричали они.

Въ срубъ вошло еще нѣсколько Венедовъ. Одинъ изъ нихъ внесъ въ чашѣ воду. Осторожно омылъ и омочилъ онъ водой губы князя и влилъ ему въ ротъ нѣсколько капель воды. Князь тихо вздохнулъ и шевельнулся всѣмъ тѣломъ.

— Живъ, живъ, радостно шептали между собой Венеды.

Князя осторожно положили на полотно, вынесли изъ сруба и понесли къ лодкамъ.

Пересмотрѣли и другихъ распятыхъ: нѣтъ ли живыхъ. Но всѣ остальные были такъ истерзаны, что на тѣлѣ ихъ не оставалось ни одного мѣста безъ смертельныхъ ранъ.

Прерванный обрядъ погребенія снова началъ продолжаться.

Жрецъ взялъ пукъ лучины, зажегъ ее у костра, приблизился къ срубу и, восклицая: «Мара! мара!» зажегъ его.

Потомъ тоже сдѣлала Деванича.

За нею и всѣ прочіе подходили съ огнемъ къ срубу и бросали его туда.

Быстро загорѣлся сухой хворостъ; за нимъ вспыхнулъ срубъ, а наконецъ и все покрылось яркимъ пламенемъ: и срубъ, и покойники, и зарѣзанная дѣвица.

Цѣлую ночь горѣлъ срубъ, пуская во всѣ стороны искры и густые столбы дыма.

Къ утру все превратилось въ золу.

Венеды собрали эту золу, уложили ее въ тридцать девять горшковъ и зарыли ихъ въ могилу вмѣстѣ съ грудою мечей, остовами нѣскольких убитыхъ тутъ же коней, собакъ, вмѣстѣ съ другими мелкими украшеніями конской сбруи и княжеской нарядной одежды...

ГЛАВА VIII.

МОГИЛЬНЫЕ ПАМЯТНИКИ.

По всей западной Европѣ: во Франціи, Великобританіи, Даніи, Швеціи, Германіи, въ Сиріи, къ сѣверу отъ Тира, въ Аравіи, въ Перу, въ Индіи, и въ сѣверной части Африки, вездѣ разбросаны, въ огромномъ количествѣ, такъ называемые, мегалитическіе памятники.

Памятники эти вездѣ и всегда обращали на себя вниманіе не только какъ интересные остатки древнихъ временъ, остатки непохожіе на все, что строитъ человѣкъ теперь и что онъ строилъ въ ближайшую отъ насъ эпоху, но и какъ памятники, важные для исторіи первыхъ временъ человѣчества.

Мегалитическіе памятники бываютъ весьма разнообразны: одни состоятъ изъ громадныхъ, грубо вытесанныхъ столбовъ, въ видѣ пилястровъ; ихъ называютъ менгирами и пельвенами.*) Другіе имѣютъ видъ невысокихъ, грубыхъ стойловъ, составленныхъ изъ пяти камней: четыре плиты, обыкновенно неотесанныя, стоятъ ребромъ и неглубоко врыты въ землю, а поверхъ ихъ лежитъ пятая плита, которая бываетъ больше ребровыхъ плитъ. Этотъ родъ памятниковъ называютъ долменами.**)

---

*) «Менгиръ» происходитъ отъ кельтскихъ словъ: Maen — камень и hir — высокій, длинный.

**) «Долменъ» происходитъ отъ кельтскихъ словъ: Daul — столъ и Maen — камень.

Менгиры имѣютъ иногда отъ 10 до 12 футовъ въ окружности, и даже болѣе, а иногда и до 50 футовъ вышины; къ верху они всегда съуживаются. Менгиры часто составляютъ цѣлыя ограды въ два и въ три ряда, и тогда ими окружены насыпи и курганы: нижніе ряды менгиръ обходятъ основаніе кургана, второй рядъ обводитъ его среднюю часть, и, наконецъ, третій рядъ стоитъ еще выше; на самой же высотѣ кургана находятся обыкновенно долмены. Иногда менгиры стоятъ длинными рядами и образуютъ цѣлыя аллеи, а иногда они образуютъ сооруженія въ видѣ воротъ, тогда на столбахъ лежитъ каменная перекладина. Въ Бретани, гдѣ мегалитическихъ памятниковъ чрезвычайно много, такихъ воротъ находится до 150-ти, расположенныхъ вмѣстѣ. Мегалитическіе памятники, образующіе кольца изъ необтесанныхъ стоячихъ, круглыхъ камней, расположенныхъ на извѣстномъ разстояніи одинъ отъ другаго и образующихъ въ совокупности одинъ или нѣсколько круговъ, — называются кромлехами. *)

Въ Бретани кромлехи попадаются вездѣ; на одномъ изъ береговъ моря они тянутся на двѣ географическія мили.

Четвертый видъ мегалитическихъ памятниковъ, это — тумулусы, то есть могильные курганы. Тумулусовъ вездѣ чрезвычайно много.

Цѣль сооруженія менгиръ неизвѣстна. Можетъ быть, это памятники народныхъ торжествъ, побѣдъ, а можетъ быть, они поставлены и въ честь другихъ какихъ либо народныхъ событій. Надписей на менгирахъ нѣтъ и подъ ними ничего не находили.

Совсѣмъ другое дѣло долмены, кромлехи и тулумусы. Они, по изысканіямъ, всегда служили гробницами: подъ ними почти всегда находятъ человѣческія кости, каменныя орудія, бронзу, желѣзныя вещи, даже золото. Изъ этого можно заключить, что долмены, менгиры, кромлехи и тулумусы воздвигались во всѣ періоды человѣческаго существованія и, кромѣ того, не однимъ, а многими народами, хотя нѣкоторые ученые и археологи и приписываютъ ихъ преимущественно Кельтамъ.

---

*) «Кромлехъ» — отъ Crom — кругъ и Lech — камень.

Въ Библіи упоминается о такого рода памятникахъ. Лаванъ, на рубежѣ своей земли и земли Іакова, поставилъ столбъ; Моисей поставилъ 12-ть столбовъ у Синайской горы; въ память перехода черезъ Іорданъ, Іисусъ Навинъ воздвигъ нѣсколько столбовъ. Надъ прахомъ побитыхъ каменьями, Ахава и его семейства, была навалена куча камней. Надъ могилой короля Аи воздвигнута была каменная насыпь. Авессаломъ, сынъ Давидовъ, еще до своей смерти приготовилъ себѣ каменный памятникъ. Семирамида похоронила своего мужа, Нина, въ оградѣ дворца и приказала сдѣлать на его могилѣ огромный земляной холмъ. *) На могилѣ Лая, отца Эдипа, навалена была груда камней. **) Могильный холмъ, содержавшій въ себѣ остатки Лидійскаго царя Аліата, отца Креза, былъ сдѣланъ изъ камней и земли и имѣлъ въ окружности около четверти мили. ***) Во время Троянской войны, Тидей и Ликусъ, были погребены подъ двумя земляными холмами. Ахиллъ, надъ пепломъ своего друга Патрокла, воздвигнулъ такой же холмъ. Олегъ сдѣлалъ насыпь на могилѣ Аскольда и Дира. Ольга, почтивъ память своего мужа, Игоря, тризной, велѣла сдѣлать надъ его могилой насыпь.

У насъ, въ Россіи, существуютъ всѣ роды мегалитическихъ памятниковъ.

Въ средней полосѣ Россіи, въ сѣверной ея части, въ Остзейскихъ губерніяхъ и въ Польшѣ, долмены и менгиры встрѣчаются рѣдко. Но зато много ихъ въ Крыму, въ Байдарской долинѣ, близъ Судака, Кооса, на Фонарійской косѣ и близъ Корсуня.

Южная Россія изобилуетъ еще другаго рода памятниками— курганами, со стоящими на нихъ истуканами.

Если ѣхать отъ Москвы на югъ къ Харькову, то первые курганы встрѣчаются въ Курской губерніи, около Обояни. Отсюда, къ югу, по направленію къ Азовскому морю и къ Новороссійскому краю, число ихъ увеличивается, и самые курганы становятся больше. Бо̀льшею частію они расположены группами, иногда въ извѣ-

*) Діодоръ.
**) Павзаній.
***) Ксенофонтъ.

стномъ порядкѣ; въ другихъ же случаяхъ, въ расположеніи ихъ нѣтъ никакой правильности. На многихъ изъ этихъ кургановъ находятся каменныя изваянія, представляющія фигуру человѣка. Ихъ называютъ бабами. Всего болѣе такихъ бабъ сохранилось въ Екатеринославской губерніи, но онѣ встрѣчаются и въ другихъ частяхъ Россіи. Онѣ есть въ Ставропольской губерніи, въ землѣ Черноморскихъ казаковъ, и по берегамъ рѣки Кача, близъ Бахчисарая. На западъ онѣ встрѣчаются въ Подольской губерніи, на сѣверѣ — въ Минской. Эта граница ихъ идетъ чрезъ южные уѣзды Курской губерніи, Ахтырскій уѣздъ, Харьковской губерніи. Воронежскую, Балашевскій и Аткарскій уѣзды, Саратовской — до береговъ рѣки Самары, въ Бузулукскомъ уѣздѣ, Самарской губерніи. Далѣе на сѣверъ каменныхъ бабъ не встрѣчается; но на востокѣ онѣ снова появляются въ Сибири, въ верховьяхъ рѣки Енисея, въ Минусинскомъ краѣ, на Алтаѣ, по ту сторону Алтая и Саяна, въ степяхъ Киргизскихъ, и наконецъ—близъ озера Иссыкъ-Куля. Нѣкоторыя изъ этихъ бабъ весьма грубы и представляютъ простые обрубки камня, иногда обтесанные, на верхней части которыхъ представлена голова человѣка. Другіе истуканы изваяны болѣе отчетливо и представляютъ женскія или мужскія фигуры. иногда стоячія, иногда сидячія, нагія или одѣтыя, бо̀льшею частію съ руками держащими чашу, съ остроконечной шапкой на головѣ, съ волосами, заплетенными назади въ ко̀сы, иногда съ оружіемъ на боку и съ различными украшеніями на тѣлѣ...

Эти памятники ставились надъ прахомъ болѣе достойныхъ умершихъ людей и ставились всѣми народами, которые въ смутныя эпохи населяли пространства нынѣшней Россіи и Сибири.

Надъ прахомъ своихъ отцовъ и предводителей ставили памятники и прибалтійскіе Венеды...

И вотъ—черезъ нѣсколько дней—на мѣстѣ погребенія князей Венедскихъ, высился уже высокій, свѣжій курганъ, и на немъ тяжелый долменъ, окруженный тремя рядами низкихъ, широкихъ, каменныхъ столбовъ...

Сурово смотрѣли эти сѣрыя, каменныя глыбы на окружающую ихъ цвѣтущую поляну, на могучій боръ, на берега Нѣмана...

Урчалъ и плескался Нѣманъ по прежнему, могучій боръ по прежнему смотрѣлся въ его свѣтлыя, невозмутимыя, какъ и прибрежные лѣса, воды, но печальна уже была цвѣтущая поляна— она была обагрена кровью, была мѣстомъ пытокъ, казни, была страдальческимъ кладбищемъ...

КНИГА ВТОРАЯ.

ЖЕРТВЕННЫЙ КОСТЕРЪ.

ГЛАВА I.

ВѢСТИ О ВЫСЕЛЕНІИ.

Болемира принесли въ хижину Будли.

Князь находился въ совершенномъ безпамятствѣ, когда его уложили на покойную и мягкую постель, которая состояла изъ мѣшка, набитаго медвѣжьей шерстью и покрытаго рысьимъ мѣхомъ. Достаточные Венеды, вообще, устраивали подобнаго рода постели.

Юрица, Аттила, и самъ старый князь Будли, начали ухаживать за больнымъ. Больше всѣхъ хлопотала Юрица. Какъ только больного уложили въ постель, она, своими маленькими рученками, обмыла раны князя, спрыснула его лицо, грудь и ноги настоемъ изъ душистыхъ травъ, покрыла бѣлой, легкой холстиной и сѣла у его изголовья, ожидая, когда больной князь очнется. Цѣлую ночь просидѣла она надъ больнымъ, не смыкая своихъ голобыхъ очей. Къ утру больной началъ бредить и шевелиться. Обрадованная Юрица чутко начала прислушиваться къ словамъ больного, надѣясь уловить въ нихъ его желаніе. Но о чемъ бредилъ больной князь, разобрать было трудно. Юрица снова омыла его раны и снова спрыснула настоемъ изъ душистыхъ травъ. Такое не мудре-

ное лечене, повидимому, освѣжило князя. Князь открылъ глаза. Но они у него были такіе безцвѣтные, такіе безжизненные, что робкая дѣвушка, заглянувъ въ нихъ, даже испугалась. Она не выдержала ихъ полуоткрытаго, мертвеннаго взгляда, отскочила отъ княжеской постели и, боязливо взглядывая по сторонамъ, прижалась къ стѣнѣ. Глаза князя не закрывались, и Юрицѣ показалось, что они еще болѣе расширяются и какъ будто хотятъ выскочить изъ-подъ густыхъ княжескихъ бровей. Юрица окончательно испугалась и выбѣжала вонъ. Старый князь съ внукомъ находились въ отдѣльной клѣти, куда они перебрались, чтобы не безпокоить больного Болемира. Дѣвушка кинулась въ клѣть. Будли съ внукомъ, Аттилой, еще спали. Юрица прежде всего начала будить брата, который, разметавшись, спалъ на полу клѣти.

— Братецъ! будила Аттилу Юрица, — встань, голубчикъ, поднимись! Погляди, какія у хвораго князя страшныя очи.

Но братецъ спалъ точно убитый. Какъ не толкала его, въ бока и въ грудь, маленькая рученка дѣвушки, но Аттила не просыпался. Расталкиванье, казалось, еще болѣе убаюкивало его. Съ открытой грудью, съ раскраснѣвшимися щеками, онъ, видимо, услаждался какимъ-то чарующимъ сновидѣніемъ.

На голосъ Юрицы проснулся старый князь.

— Кто тутъ? спросилъ онъ съ просонья.

— Я, дѣдушка.

— Что тебѣ?

— У хвораго князя очи открылись.

— Ну чтожъ... Ладно...

— Ахъ, дѣдушка... Очи такія страшныя... Я убѣжала...

Старый князь заворочался, закряхтѣлъ и началъ подниматься.

— Что ты, внучка, что ты! Подь сюда.

Юрица подошла къ дѣдушкѣ. Старикъ поцѣловалъ ее въ голову и погладилъ.

— Побуди братца. Пойдемъ къ хворому. Коли очи открылъ, стало — оживетъ. Побуди.

— Да онъ не встаетъ, дѣдушка. Я будила.

— Побуди. Встанетъ.

Въ это время, начавшій было что-то бредить, Аттила, вдругъ

вскрикнулъ, проснулся и быстро привсталъ, пугливо оглядываясь по сторонамъ.

— Внучекъ! Аль ты пробудился? Поди скорѣй съ Юрицей къ хворому князю. Ожилъ.

Аттила, не торопясь, всталъ и накинулъ на себя свитку. Постоявъ немного, онъ потеръ себѣ рукою лобъ, какъ бы припоминая что-то тяжелое, давящее, и обратился съ вопросомъ къ Будли:

— Тутъ, дѣдушка, Готовъ не было?

— Какіе Готы! Зачѣмъ сюда придутъ Готы!

— Я видѣлъ, дѣдушка, Готовъ. Они били меня, заковали въ цѣпи и хотѣли распять на крестѣ.

— Тебѣ все это привидѣлось, внучекъ. Кровь-то молодая — сны въ голову и лѣзутъ. Поди-ко вотъ къ хворому князю. Юрица одна боится съ нимъ быть.

— Ахъ, боюсь! дѣдушко, и ты поди съ нами.

Всѣ трое, Будли, Юрица и Аттила, вошли въ изобку, гдѣ лежалъ Болемиръ. Больной въ это время не только лежалъ съ открытыми глазами, но даже какъ-то странно приподнялся и старался привстать на постели. Увидавъ больнаго князя приподнявшимся, Юрица и Аттила остановились въ изумленіи. Слѣпой Будли не видѣлъ больнаго и, предполагая, что онъ все еще находится въ безсознательномъ состояніи, проговорилъ:

— Охъ, кабы очнулся князь.

— Да князь всталъ, дѣдушка, проговорили и Юрица и Аттила вмѣстѣ.

— Всталъ... да... Гдѣ я?... Простоналъ больной, очевидно, находившійся въ полусознаніи...

— У Будли, у Будли! вскрикнулъ радостно старый князь. — У Будли!

— У Будли?... не то удивился, не то обрадовался больной, и лицо его, казалось, просіяло. Блѣдныя губы вздрогнули, въ глазахъ промелькнулъ едва замѣтный блескъ, на впалыхъ щекахъ показался легкій румянецъ, который сейчасъ же исчезъ, замѣнившись изжелто-сѣроватой блѣдностью.

Видно, больному князю стоило не малыхъ усилій приподняться и проговорить нѣсколько словъ, потому что онъ послѣ этого

какъ-то сразу упалъ на постель, закрылъ глаза, тихо простоналъ и поблѣднѣлъ еще болѣе.

Юрица, успѣвшая уже оправиться отъ своего испуга, первая подбѣжала къ нему и начала поправлять его голову, которая, при паденіи, склонилась на сторону. Братъ ея окутывалъ холстиной ноги больнаго. Старикъ Будли стоялъ на одномъ мѣстѣ, уставивъ свои безжизненные глаза на то мѣсто, гдѣ стояла постель.

— Что, внучата? Что съ княземъ-то? спрашивалъ онъ у нихъ, чуя, что они надъ чѣмъ-то хлопочутъ.

— Ничего, дѣдушка, лёгъ, отвѣчала ему шепототъ Юрица.

— Охъ, кабы ожилъ князь, ладно было бы намъ, говорилъ Будли. Ладно было бы. У насъ только одного князя и не достаетъ, чтобы идти на поиски новыхъ мѣстъ. Только одного и не достаетъ. Оживетъ онъ — оживетъ племя наше Венедское. Болемиръ храбрый князь.

— Оживетъ, дѣдушка, я знаю, говорила Юрица. Я буду день и ночь сидѣть надъ нимъ, дѣдушка, и онъ оживетъ. Вотъ сегодня я цѣлую ночь просидѣла надъ нимъ, и онъ поднялся. Оживетъ, рѐдный, право оживетъ.

— Охъ, кабы ожилъ! вздохнулъ старый князь.

Аттила все время молчалъ почему-то. Видимо, что-то бродило въ его головѣ и созрѣвало. Не по лѣтамъ серьезный и суровый, онъ, занятый своими мыслями, казалось, не обращалъ на все окружающее ни малѣйшаго вниманія. Юрица, не смотря на унылую обстановку изобки, гдѣ лежалъ больной, при взглядѣ на своего суроваго братца, едва удерживалась отъ смѣха. Молодой рѣзвушкѣ, не знавшей ни жизни, ни людей, ни тѣхъ чудовищныхъ тайнъ природы, которыя даже въ младенца кладутъ задатокъ мыслей и величія, казалось странной и смѣшной суровая задумчивость брата, который лѣтъ на восемь былъ моложе ея. Восьмилѣтній Аттила на сестрины улыбки съ достоинствомъ отмалчивался и по прежнему оставался невозмутимо задумчивымъ.

Къ полдню въ изобку Будли собралось нѣсколько Венедовъ. Обрадованные извѣстіемъ, что Болемиръ вставалъ и даже проговорилъ нѣсколько словъ, — что подавало надежду на его выздоровленіе, — они порѣшили, когда онъ оправится, поручить ему выселеніе Венедовъ къ Понтійскому морю, въ степи приднѣпровья.

Погоревавъ о погибшихъ собратьяхъ, Венеды разошлись.

Въ тотъ же самый день, съ береговъ Нѣмана, во всѣ края Венедской земли, къ Вислѣ, къ Балтійскому прибрежью, на̀ полночь, вплоть до поселеній Куронъ, поскакали тайные гонцы, съ извѣстіемъ о выселеніи: въ Галлію, къ Понтійскому морю и на̀ полночь, за̀ море. Гонцы должны были обскакать города, погосты, веси, вообще всѣ поселенія и мѣста, гдѣ только ступала нога Венеда-славянина, объявить имена предводителей: Радогоста, Олимера и Болемира, и внушить народу о необходимости выселенія.

Выполнить это было не трудно, потому что угнетаемый Готами народъ давно уже ожидалъ чего-то и даже роптал̂ъ на своихъ, оставшихся въ живыхъ, князей за то, что они для спасенія его не принимаютъ никакихъ мѣръ. Всякая мѣра для народа была хороша и выполнима, а тѣмъ болѣе — выселеніе. Передъ глазами Венедовъ были примѣры выселеній, которыя избавляли народъ отъ гнета побѣдителей и неурожаевъ земли лучше всякихъ молитвъ, жертвоприношеній и даже общихъ возстаній на своихъ враговъ.

Фродо III-й, король Гото-Даціанскій, владѣвшій Даціанами, водворившимися въ 1-мъ столѣтіи по Р. Хр. на островѣ Зеландіи, по совѣту своихъ 12-ти Діаровъ,*) захотѣлъ жениться на дочери Славянскаго князя Гано. Фродо отправилъ къ Гано своихъ пословъ, которые, по обычаю, до объявленія причины посольства, три дня угощались при дворѣ щедраго Гано. На четвертый день послы объявили причину своего пріѣзда: они просили руки его дочери, Гануци, за своего короля, Фродо. Красавица Гануця почему-то не хотѣла выходить замужъ за Фродо. Послы, по сказаніямъ историковъ, употребили въ дѣло колдунью, которая и приворожила Гануцю къ Фродо, описавъ его молодцомъ на обѣ руки. Отъ этого союза Даціанскіе Діары ожидали почему-то великихъ благъ для своего народа. Но ожиданія ихъ не оправдались. Ганущю вскорѣ оклеветали, и Фродо женился на Альвальдѣ, дочери Норвежскаго или Норицскаго князя, Готора. Оскорбленный князь Гано собралъ огромную сухопутную и морскую рать. Съ нимъ поднялись, по однимъ сказаніямъ 69, а по другимъ 170 и даже 200 князей съ дру-

*) Діарами у Даціанъ назывались верховные судьи.

жинами своими, составлявшими 900,000 воиновъ. Морскими силами начальствовалъ князь Олимиръ. Началась между Славянами и Готами-Даціанами страшная битва. Семь дней продолжалась она безъ перерыву. Черезъ три дня рѣки, гдѣ происходила битва, можно было переходить по трупамъ, какъ по мосту. Наконецъ, съ помощію воеводы своего, Эрика Норвежскаго, Фродо разбилъ силу Славянскую. Съ этихъ поръ Славяне ослабѣли и склонили свои головы передъ Готскимъ величіемъ.

Примѣръ еще былъ слишкомъ свѣжъ въ памяти народной, чтобы снова подняться всѣми силами на Готовъ. Можетъ быть, это новое усиліе народа будетъ стоить того, что народъ, побѣжденный въ другой разъ, навсегда утратитъ свою независимость и разсѣется безслѣдно по лицу земли.

Не лучше ли переселеніе? переселеніе на мѣста глухія, привольныя, изобилующія пастбищами и водными сообщеніями?

Переселялись же другія племена.

Повсемѣстные неурожаи, продолжавшіеся нѣсколько лѣтъ въ Лидіи, были причиною выселенія части народа, по жребію, въ Италію. Переселенцы, подъ предводительствомъ царскаго сына Турроса, прибыли туда на нѣсколькихъ корабляхъ, заняли пустынныя мѣста; удѣлъ ихъ получалъ названіе Туринскаго, и они зажили тамъ хорошо. Такое же бѣдствіе постигло Савліянъ Итальянскихъ и сѣверъ Германіи въ началѣ IV-го столѣтія. Савліяне, въ день своего народнаго праздника, по жребію же, рѣшили выселеніе молодаго поколѣнія туда, куда Богъ приведетъ. Предводителемъ выселенцевъ былъ князь, по имени Туръ. Дерманы, имѣвшіе много родственнаго со Славянами, собравшись въ городѣ Ситунѣ, на сборъ, чтобы помочь своему бѣдствію, рѣшили принести сначала очистительную жертву. Жертва не помогла. Голодъ продолжался. Тогда было рѣшено принести людскую жертву изъ молодаго поколѣнія. Принесли и эту жертву. Но боги не умилостивились. Гнѣвъ божій продолжался. Рѣшено было еще принести человѣческую жертву, но только изъ княжескаго рода. Жребій палъ на самого князя Домальда. И принесли въ жертву гнѣвнымъ богамъ князя Домальда, страшнаго гонителя Готовъ. Но и эта тяжелая жертва не помогла. Послѣ этого, народъ надумалъ выселеніе. Выселеніе помогло лучше всякихъ жертвъ.

Зная объ этихъ удачныхъ выселеніяхъ, Венеды радовались извѣстіямъ, разносимымъ съ береговъ Нѣмана неутомимыми гонцами.

Вскорѣ всѣ поселенія Венедскія, малыя и большія, города, веси и усадьбы, знали о рѣшеніи тайнаго сборища. Сельбища Венедскія закипѣли, какъ муравейники. Начались сборы къ выселенію. Сначала сборы производились тайно, но потомъ, мало по малу, они начали производиться слишкомъ даже явно. Все дѣлалось на глазахъ Готовъ, которые сначала недоумѣвали, не понимая значенія этого домашняго, вовсе не угрожающаго имъ движенія, но потомъ, когда они узнали причину его, начали принимать свои обычныя мѣры къ прекращенію выселенія. Но мѣры ихъ ни къ чему не повели. Эта была не сила, стоявшая на полѣ битвы, гдѣ брало верхъ превосходство силы надъ силой и гдѣ одна изъ силъ совершенно изнемогала, или исчезала. Нѣтъ, это была другая сила: сила безпрерывнаго наплыва.

Кто горстями, хотя бы даже гигантскими и чудовищными, исчерпаетъ влагу морскую? Милліоны почерпнутыхъ струй замѣнятся новыми милліонами, извлеченные новые милліоны — пополнятся такими же струями. Устанетъ гигантская рука и обезсилѣетъ. А струя морская все будетъ такъ же сильна, такъ же непобѣдима, какъ и прежде.

Движущіеся народы уподобляются этой непобѣдимой, неисчерпаемой струѣ.

Гигантская и строгая рука Готовъ не въ силахъ была остановить поднимавшейся тучи.

Туча собиралась, густо сплачивалась и готова была двинуться на невѣдомый горизонтъ. Она ждала только вѣтровъ-двигателей. А эти вѣтры-двигатели уже поднимались...

ГЛАВА II.

ГРЕЗЫ И ПѢСНЯ.

Терпѣливо и съ любовью начала ухаживать Юрица за хворымъ княземъ. Она слѣдила за каждымъ его движеніемъ, за каждымъ вздохомъ, предупреждая малѣйшія его безсознательныя, какъ больного, желанія. Болемиръ, однако, выздоравливалъ медленно. Только черезъ двѣ недѣли послѣ того, какъ его принесли въ хижину Будли, онъ пришелъ въ сознаніе.

Это было рано утромъ, когда Юрица только-что обмыла его лицо теплою водою и приложила къ его ранамъ какія-то снадобья доставляемыя ей старой Деваничей. Снадобье это, замѣтно, помо гало князю.

Сидя у распахнутаго окошечка, въ которое назойливо врывался и свѣжій вешній, пропитанный запахами травъ и деревъ, вѣтерокъ, и голосъ иволги, усѣвшейся на сосѣдней липѣ, и торжественный, какъ бы сдерживаемый кѣмъ-то, шумъ могучаго бора, — Юрица мурлыкала про себя пѣсенку, ежеминутно оглядываясь на лежавшаго безъ движенія князя, который, казалось ей, спалъ еще.

Но князь уже не только не спалъ, но даже и очнулся отъ того болѣзненнаго забытья, которое томило его со дня ужасной казни: сознаніе начало понемногу работать въ его головѣ.

Не открывая глазъ и не шевелясь, прислушивался князь къ любовной, дѣвичьей пѣснѣ Юрицы, и, понемногу, сначала смутно, потомъ все яснѣе и яснѣе, сталъ понимать ее; голосъ пѣсни показался ему знакомымъ: онъ слышалъ его гдѣ-то и когда-то; но это было давно, очень давно, какъ будто тогда еще, когда онъ былъ маленькимъ и бѣгалъ по хмурымъ лѣсамъ своей родины, отыскивая бѣличьи гнѣзда.

Князь началъ припоминать: когда и гдѣ онъ слышалъ подобную пѣсню. Кто ему пѣлъ ее? и кто теперь поетъ?

Но въ головѣ у него все путалось, мѣшалось, и онъ никакъ не могъ припомнить, кто и когда напѣвалъ ему такую пѣсню, да и кто теперь поетъ — тоже не знаетъ; но какъ будто видитъ, откуда исходятъ эти успокаивающіе его звуки...

Онъ видитъ еще поле: на полѣ тихо и глухо бѣгаютъ тѣни — не то людей, не то какихъ-то длиннокрылыхъ птицъ, не то кресты передвигаются съ мѣста на мѣсто; кругомъ дремучій боръ, густой, высокій, темный; а вблизи гдѣ-то какъ будто ручей журчитъ... Князю хочется отыскать этотъ таинственно журчащій ручеекъ, онъ силится шагнуть къ нему, но ноги его вдругъ повисли въ воздухѣ, а кто-то сверху сильно, до боли, схватилъ его за руки... Князь хочетъ крикнуть, позвать кого нибудь на помощь; но языкъ его не ворочается; въ это же время его что-то начинаетъ качать въ воздухѣ, все сильнѣе, сильнѣе и вдругъ — его куда-то кинуло и больно придавило. И чувствуетъ онъ, что начинаетъ задыхаться, въ глазахъ блещутъ огни, искры, цвѣтные круги, а вокругъ — все стучатъ, все стучатъ... Кто?... гдѣ?... онъ разобрать не можетъ... Тутъ ужъ онъ какъ будто подбѣжалъ къ ручью, глотнулъ нѣсколько капель холодной воды и успокоился; только въ ушахъ его долго долго гудѣло что-то, не то стонъ, не то плачъ зъ завываньями, не то шумъ отдаленной битвы. Потомъ стонъ этотъ, плачъ и гулъ начали постепенно смолкать, дѣлаться все тише и пріятнѣе, и, наконецъ, превратились въ тихую, любовную пѣсню, которую теперь поетъ кто-то; слова пѣсни и напѣвъ знакомы ему, любы, глубоко западаютъ въ его душу, и онъ хочетъ, чтобы она, пѣсня эта, не смолкала...

Но кто же поетъ её?... гдѣ онъ теперь?...

Князь началъ припоминать, гдѣ онъ, почему онъ лежитъ, но и этого не могъ припомнить: въ головѣ его было смутно, тяжело, ему казалось, что онъ только что вышелъ откуда-то, гдѣ его держали въ темнотѣ, но какъ долго — не знаетъ. Время это какъ будто кануло куда-то, исчезло навсегда, и онъ снова началъ оживать. Изъ этого темнаго времени у него въ умѣ только и осталось одно слово: «начинай». Остальное всё странно, смутно, непонятно...

Что же это такое?..

А пѣсня все льется и льется, какъ будто ей и конца нѣтъ.

Кто же это поетъ? гдѣ?

Князь поднялъ отяжелѣвшія вѣки, и глаза его встрѣтились съ другими глазами: кротко и ясно смотрѣли они на него, и какъ будто о чемъ-то спрашивали. Крупные, ясные, съ длинными рѣсницами, они, чудилось ему, обдавали его, какъ солнцемъ, своими

лучистыми взглядами. Сначала князь видѣлъ одни только эти глаза; но потомъ онъ разсмотрѣлъ и русую маленькую головку. И хорошо ему было смотрѣть на эту русую, маленькую головку, и на эти крупныя, ясныя очи...

— Кто ты? спросилъ князь, впиваясь взорами въ это стоящее передъ нимъ прекрасное видѣніе.

— Юрица, послышалось ему въ отвѣтъ, — внучка Будли, стараго князя. Ты у насъ.

Князь молчалъ.

Но онъ хорошо зналъ стараго князя Будли, благословившаго его на бой съ поработителями родины; онъ даже помнилъ ту минуту, когда старый князь, впиваясь въ него своими безжизненными глазами, какъ бы хотѣлъ постигнуть его сокровенныя мысли, измѣрить силу его воли для предстоящей борьбы, и потомъ, тихо положивъ на его голову старческую свою руку, знаменательно проговорилъ:

«Мы погибнемъ, но дѣти наши, Славяне, создадутъ великое царство и будутъ великимъ народомъ. Прольемъ же для дѣтей нашихъ кровь свою, дабы они польстились нашимъ примѣромъ и не забыли насъ!»

Слова стараго князя глубоко запали въ душу Болемира.

Поднимая возстаніе противу Готовъ, Болемиръ шелъ на вѣрную смерть.

Мысли Болемира, при этомъ воспоминаніи, вдругъ прояснились: ему стало понятно, почему онъ такъ долго находился въ забытьи, чувствовалъ боль въ рукахъ, ногахъ, въ груди, и почему въ головѣ его проходили такія странныя, подавляющія душу, мысли и виды.

Болемиръ зналъ Готскую расправу: онъ былъ распятъ.

Но по какому же случаю онъ живъ? Кто спасъ его? Неужели старый князь Будли? или еще кто-то: та, которая сейчасъ говорила съ нимъ, пѣла ему такую сладостную пѣсню и склоняла надъ нимъ свою русую головку, съ большими ясными очами?

Но князь не помнитъ ее... И жаль ему стало, что онъ прежде не зналъ этой русой головки, и почему то досадно, что, глядя на нее, передъ нимъ невольно возставалъ другой образъ, менѣе прекрасный, но болѣе близкій ему: князь вспомнилъ о своей невѣстѣ...

Гдѣ же она теперь? мелькало въ головѣ князя, — зачѣмъ она не подлѣ меня?...

А русая головка все стоитъ надъ нимъ, а ясныя очи все глядятъ на него...

— Можетъ, ты хочешь чего? Скажи — я принесу, — заговорила Юрица, которой сдѣлалось жутко отъ несводимаго съ нея взгляда хвораго князя.

Князь какъ бы понялъ испугъ дѣвушки, закрылъ глаза, и тихо, съ разстановкой, проговорилъ:

— Что же ты не поешь? Пой... Мнѣ хорошо...

Невыразимо пріятно сдѣлалось Юрицѣ отъ этой незначительной и почти безсознательной просьбы Болемира: она вся, неизвѣстно почему, вспыхнула, застыдилась и робко посмотрѣла на дверь.

У дверей никого не было; но ей показалось, будто кто-то подглядываетъ за ней. Сердце ея, между тѣмъ, билось, какъ пойманная птичка.

Радостная, смущенная, Юрица сѣла подлѣ князя и запѣла свою прежнюю пѣсню; но не такъ уже тихо и безсознательно, какъ прежде; она запѣла ее, стараясь уже, въ глубинѣ души своей, нравиться князю.

Юрица пѣла:

Залилась слезами красна дѣвица.
Во слезахъ она слово молвила:
Ахъ ты, милый мой, ненаглядный мой!
Не жилица я на бѣломъ свѣтѣ
Безъ тебя, моя надеженька!
Нѣтъ у горлинки двухъ голубчиковъ,
У лебедушки двухъ лебедиковъ,
У меня не быть двумъ милымъ дружкамъ!...

Юрица перестала пѣть, и глядѣла на князя, какъ бы ожидая отъ него какого-то слова.

Князь молчалъ, даже не открылъ глазъ своихъ; но Юрица поняла князя: лицо князя выражало неизъяснимое удовольствіе. Всегда, какъ у больного, изжелто-блѣдное, худое, страдальческое,

лицо его вдругъ какъ будто просіяло: легкій румянецъ покрылъ его, края губъ сложились въ пріятную улыбку, подбородокъ дрогнулъ...

Хороша пѣсня Славянская...

Кто бы не пѣлъ ее, какъ бы не пѣлъ, — она всегда оставляетъ по себѣ въ сердцѣ что-то такое, что̀ долго не забывается. Грусть-ли безпредѣльная, горе ли жгучее, или тоска, или жалоба, или вопль высказывается въ ней; исполнены ли слова ея тихой радостью, или шумнымъ, не знающимъ предѣла, разгуломъ, — всегда она одна и таже — хватаетъ зà сердце, и не забываетя: это ея достоинство...

Всякій Славянинъ — пѣвецъ.

Пройдите всѣ славянскія населенія: Россію, Польшу, Болгарію, Сербію, Черныя горы, Герцеговину, Чехію, — онѣ всѣ поютъ. Поютъ въ го̀рѣ, поютъ въ радости. Поетъ Славянинъ за сохой, нà полѣ, поетъ въ минуты отдыха, у своего домашняго очага, поетъ и въ минуты веселой пирушки, за стаканомъ пива, вина, ракіи...

Что же касается достоинствъ Славянскихъ мелодій: онѣ признаны давно и не разъ вдохновляли собой величайшихъ композиторовъ.

Русскіе мотивы служатъ темой въ квартетахъ Бетховена, слышатся въ финалѣ Россиніевскаго «Цирульника».

Чешскія пѣсни вошли въ «Донъ-Жуанъ» Моцарта, въ Motrimonio segreto Чимарозы.

Наивныя пѣсни Венгерскихъ Словаковъ вошли въ квартеты Гайдна, Чешскія — въ оперы Глюка.

Одна изъ любимѣйшихъ Чешскихъ пѣсенъ «Horo, horo vysoka jsi!» встрѣчается въ концертѣ Бетховена для скрипки съ оркестромъ.

Польская пѣсня, перешедшая въ полонезъ Огинскаго, превратилась подъ перомъ Россини въ прелестную музыку «Благословеніе дѣтей», въ первомъ актѣ «Зоры.» «Ахъ, подруженьки» въ «Аскольдовой могилѣ» есть отраженіе той же польской пѣсни.

Говорятъ, что Славяне въ области музыки не произвели ничего необычайнаго и даже, судя по современному положенію дѣлъ, врядъ ли могутъ что произвести.

Правда.

Но эти строгіе судьи славянской музыки забываютъ, что даже тѣ изъ славянскихъ племенъ, которыя пользуются передъ всѣми

остальными музыкальною извѣстностью, какъ, напримѣръ, Чехи, только недавно очнулись послѣ долгаго гнета, когда преслѣдовалась малѣйшая попытка народнаго творчества, когда художники отрекались отъ своей народности, поступали къ нѣмецкимъ аристократамъ управлять ихъ капеллами, сочиняя къ праздникамъ чистенькія варіаціи на приличную тему, для поднесенія меценату, или, и это большая часть, покидала родину, и, развиваясь вчужѣ. писала итальянскія оперы, симфоніи и сонаты въ нѣмецкомъ стилѣ.

А въ южномъ славянствѣ: въ Болгаріи, Сербіи, на Черной горѣ, развѣ можно искать развитія музыки, міровыхъ произведеній, когда, богато надѣленныя отъ природы, эти несчастныя племена, были досѐлѣ обречены на невѣжество, чуя надъ собой турецкій ятаганъ?..

И, наконецъ, если забыть, будто чудомъ создавшійся стиль Глинки, пробившійся среди тьмы общей апатіи, чего можно было ожидать отъ необъятной Руси, когда, богатая пѣснями, голосами, талантами, скрывающимися въ разныхъ закоулкахъ ея глуши, она не вѣдаетъ своихъ пѣсенъ, русскую оперу отдаетъ въ руки иностранцевъ, начинающемуся таланту виртуоза или пѣвца не даетъ возможности развиться на родинѣ, — до послѣдняго времени не имѣла почти ни одного порядочнаго музыкальнаго инструмента, а въ провинціи почти ни малѣйшаго музыкальнаго образованія...

Можно ли, на основаніи грустныхъ фактовъ прошедшаго, смѣло рисовать безотрадную будущность...

Живое движеніе музыки во всѣхъ самыхъ мелкихъ славянскихъ земляхъ, цѣлыя сотни пѣвческихъ обществъ, возраждающаяся Чешская и Польская опера, Русская музыка, которая въ состояніи уже заручиться именемъ Глинки, — развѣ это не яркій просвѣтъ въ будущее, не признакъ пробужденія!

На безыскуственной, дѣтской степени развитія стоитъ музыка у южныхъ турецкихъ Славянъ: въ Болгаріи, Сербіи, Герцеговинѣ, на Черной горѣ. Но богатыми музыкальными данными одарены и эти мелкія племена.

Несмѣтное количество пѣсенъ ростетъ и теперь среди вѣчно безпокойной жизни турецкаго Славянства, богатой воинственными подвигами, мгновенно отражающимися въ поэтическихъ сказаніяхъ.

Въ Босніи, Герцеговинѣ, южныхъ окраинахъ Сербіи, царствуетъ въ цѣломъ народѣ игра на «гуслѣ», струнномъ инструментѣ, похо-

жемъ на скрипку: трудно сыскать тамъ человѣка, который не смогъ бы хорошо аккомпанировать своей пѣснѣ, не говоря уже объ исполненіи отдѣльныхъ, мелодическихъ піесокъ. Почти въ каждомъ домѣ висятъ на стѣнѣ гусли; гусли предлагаютъ всякому гостю, всякому проѣзжему, завернувшему на ночлегъ; и, взявшись за гусли, онъ долженъ спѣть хозяевамъ что нибудь о своемъ путешествіи, или разсказать про старину.

Юнацкимъ пѣснямъ Сербовъ всегда предшествуютъ нѣсколько аккордовъ на гусляхъ. Возбудивъ этимъ вступленіемъ желаемое настроеніе въ слушателяхъ, для послѣдующаго эпическаго речитатива, звуки гуслей умолкаютъ, оставляя пѣсню выступать въ своей безыскуственной простотѣ. Часто пѣвецъ разнообразитъ интонацію, останавливаясь долѣе на отдѣльныхъ слогахъ, протяжно, таинственно замедляя движеніе цѣлыхъ періодовъ.

Нѣкоторые сближаютъ мелодическое вступленіе Сербскихъ пѣсенъ съ запѣвомъ Греческихъ рапсодовъ, и видятъ въ немъ слѣды глубокой древности.

Когда изъ раздолья пріадріатической природы перенесемся въ другой далекій славянскій уголокъ, въ тихую Лужицу, какимъ-то чудомъ сберегшую остатокъ своего славянскаго прошедшаго въ нарѣчіи и пѣсняхъ, среди тѣсно охватившаго ее чуждаго населенія, — и тутъ съ удивленіемъ замѣтимъ проблескъ попытки національнаго возрожденія въ музыкѣ.

Грустно-наивны Лужицкія пѣсни, но сколько въ нихъ души, сколько жизни!

На болѣе высокой ступени развитія, сравнительно съ южнымъ славянствомъ и сосѣднею Лужицей, стоитъ музыка въ Польшѣ. Довольно того, что Польша дала намъ такіе таланты, какъ Шопенъ, Монюшко, Мартинъ, Мюнхгеймеръ.

Сколько неподдѣльнаго творчества въ неисчислимыхъ, разнообразныхъ мазуркахъ Шопена, то грустныхъ, то беззаботно-веселыхъ, то фантастическихъ, и по мысли и по фактурѣ! Сколько роскоши въ полонезахъ и въ типическихъ польскихъ пѣсняхъ! Какъ хороша, напримѣръ, пѣсня, представляющая картину развеселаго пира, съ опьяняющимъ раскатомъ веселья, разгульными криками гостей, шумомъ толпы, звономъ чашъ, въ которыя вдругъ, среди самаго раздолья моря звуковъ, влетаетъ странная, совсѣмъ иная по ритму,

плясовая мелодія, исчезающая среди новой волны бурнаго веселья! И нельзя болѣе вѣрно подмѣтить этой ритмической разладицы, любимаго, намѣреннаго украшенія многихъ славянскихъ пѣсенъ.

Грустнаго строя страдающей души Шопена не хватило на созданіе чего-нибудь цѣлаго, но на немъ воспитались другіе.

Монюшко, отъ романсовъ въ стилѣ Шопена, отъ красивыхъ, мелкихъ піесокъ для оркестра и разныхъ торжественныхъ кантатъ, разомъ перешелъ къ цѣлой оперѣ изъ народнаго быта, съ содержаньемъ не затѣйливымъ, но грустнымъ и драматическимъ. Въ его «Галькѣ» нѣтъ пейзанъ, красиво отплясывающихъ краковякъ, а есть настоящій, деревенскій бытъ; нѣтъ пріятныхъ аріетокъ для модной примадонны, а есть грустные стоны покинутой, страдающей дѣвушки.

Правдивый тонъ всего сказанія, простота завязки и развитія темы, и искреннее, задушевное чувство, которымъ проникнуто все произведеніе, сближаетъ Монюшку съ родственнымъ ему литовскимъ поэтомъ, Кондратовичемъ *), съ его деревенскою свѣжестью чувства и съ грустною мечтательностью, вскормленною таинственнымъ шумомъ первобытныхъ лѣсовъ Литвы, его родины...

А его родина, его Литва — та самая страна, тѣ самые берега Нѣмана, которые въ годину, о которой идетъ повѣствованіе, обливались кровью и слезами человѣческими...

Не эта ли кровь, не эти ли слезы, переходя изъ рода въ родъ, изъ поколѣнія въ поколѣніе, создали и нынѣшнюю бѣлорусскую пѣсню, пѣсню грустную, однообразную, безотрадно-тяжелую!...

Должно быть, что такъ...

ГЛАВА III.

ПРОБУЖДАЮЩАЯСЯ СИЛА.

Вскорѣ Болемиръ совсѣмъ оправился: онъ началъ вставать и ходить. Радостно встрѣтилъ выздоровленіе его старый князь Будли.

Въ хижину Будли, на поклонъ къ ожившему, приходили уже и другіе Венеды, и между ними часто велись долгія бесѣды, касавшіяся выселенія.

*) Владиславъ Сырокомля.

Болемиръ слушалъ всѣхъ, давалъ клятвы исполнить волю народную, и только ждалъ, чтобы совсѣмъ оправиться и двинуть народъ къ Понтійскому морю, гдѣ въ то время тоже преобладали Готы, переселившіеся туда около 189 года по Р. Х.; но еще много оставалось незаселенныхъ мѣстъ, по которымъ блуждали разные кочевые народы, выходцы изъ Азіи и Закавказскихъ земель.

Было положено взять Кыевъ, городъ на Днѣпрѣ, и основать тамъ столицу Венедскую.

На совѣты стариковъ-Венедовъ каждый разъ пробирался и внукъ Будли, Аттила.

Въ то время, когда старики, усѣвшись въ кружокъ, вели свою тихую бесѣду, передумывали, вспоминали, раскидывали умомъ-разумомъ, какъ дѣлу лучше быть, — Аттила забирался въ уголъ хижины и жадно прислушивался къ рѣчамъ стариковъ.

Старики, по ходу разговоровъ, часто вспоминали о притѣсненіяхъ своихъ гонителей, Готовъ, проклинали это, невѣсть откуда явившееся, племя, которое не имѣло ни родины, ни доблестныхъ вождей, вторгалось всюду нежданно-негаданно, все било, рѣзало, рушило, и утверждало свое владычество съ помощію жестокостей.

И отрокъ-Аттила видѣлъ, какъ старики, сами на себѣ испытавшіе эти жестокости, содрогались при этомъ, и въ сотый разъ давали клятвы: или погибнуть, или освободиться изъ-подъ гнета страшилищъ. Отрокъ видѣлъ, какъ его дѣдушка поднималъ при этомъ свою старческую, дрожащую руку, падалъ на колѣни и заклиналъ всѣхъ, заклиналъ своей родиной, дѣтьми, женами, отцами, братьями, сестрами и всѣмъ дорогимъ для каждаго, исполнить данное ими обѣщаніе.

Старики клялись.

Слушая все это, у Аттилы, въ его еще дѣтскомъ существѣ, тоже закипала вражда къ невѣдомымъ пришельцамъ, и онъ тоже давалъ себѣ клятвы, когда подростетъ, жестоко преслѣдовать Готовъ. Къ тому же часто упоминалось и имя его отца, Мундцука, который погибъ въ борьбѣ съ Готами, и имя его родныхъ, погибшихъ или на крестахъ, или въ неволѣ у готскаго короля, Эрманарика.

Говорили старики и о томъ, какъ ихъ отцы, вооруженной рукой, вытѣснили когда-то Готовъ изъ своей земли, и они должны были уйдти отъ нихъ на Днѣстръ, гдѣ они снова усилились, воевали

съ римскимъ императоромъ, Каракаллой, Северомъ, покорили Дацію, Тавриду, переправились за море, возвратились оттуда, и вдругъ, нежданно-негаданно, снова покорили ихъ, Венедовъ, утвердились между ними, и вотъ уже болѣе ста лѣтъ короли ихъ не знають предѣла своимъ жестокостямъ противу Венедовъ, которымъ они мстятъ за одержанную ими когда-то побѣду.

Маленькій Аттила задумывался и спрашивалъ себя:

«Отчего же Венеды теперь не могутъ прогнать отъ себя Готовъ?»

Когда же онъ оставался съ дѣдомъ наединѣ, то и ему задавалъ этотъ вопросъ.

Старый князь молчалъ и печально покачивалъ головой: старикъ тоже не могъ разрѣшить ему такого мудренаго вопроса.

Однажды Аттила, улучивъ минуту, спросилъ даже о томъ и у Болемира.

Странно посмотрѣлъ Болемиръ на внука Будли, долго сидѣлъ молча, потомъ взялъ его за руку и привлекъ къ себѣ.

— Ты хочешь знать, дитя мое, отчего мы теперь слабы и не можемъ побѣдить нашихъ гонителей?

— Отчего, скажи мнѣ?

— Оттого, ласково говорилъ Болемиръ, что у насъ нѣтъ хорошихъ предводителей.

— А ты?

— Я не хорошій: я не умѣю побѣждать. Я вотъ хотѣлъ было выгнать изъ нашей родины Готовъ, да не смогъ. Они поймали меня, а вмѣстѣ со мною и другихъ князей, и распяли насъ. Я вотъ только одинъ и остался живъ.

— Такъ кто же ихъ прогонитъ, скажи?

— Ахъ, дитя мое, дитя! Многое ты хочешь знать! Ты хочешь знать то, чего и мы, люди рослые, не знаемъ.

Аттила потупился и покраснѣлъ: досадно стало ему, отчего это никто ничего не знаетъ.

Глядя на Атиллу, Болемиръ какъ будто понялъ невзгоду, закипѣвшую въ его дѣтскомъ сердечкѣ, потрепалъ его по плечу, и заговорилъ не тѣмъ уже тономъ, которымъ онъ прежде говорилъ, какъ бы поддѣлываясь подъ его дѣтскія понятія, а заговорилъ тѣмъ тономъ суроваго мужа, который вполнѣ чувствуетъ свои силы

разсчитываетъ на вѣрную побѣду. Князь понялъ, что передъ нимъ стоитъ не восьмилѣтній отрокъ, а юноша, въ головѣ котораго бродятъ достойныя мысли и достойные вопросы.

— Я побью Готовъ, говорилъ Болемиръ, — я выгоню ихъ изъ нашей земли и пойду дальше. Я буду громить Римъ, буду громить Ѳракійцевъ! И Римъ и Ѳракійцы — враги наши. Они всегда оттачивали на насъ свое оружіе и считаютъ насъ не людьми, а звѣрями дикими, которыхъ и бить можно, какъ звѣрей дикихъ. Не мы звѣри — они звѣри. Мы не бѣгаемъ за чужимъ добромъ, мы не грабимъ сосѣдей нашихъ, не беремъ ихъ женъ и дочерей въ рабство. А они? они все это дѣлаютъ, и хвастаютъ, что они первые люди въ мірѣ. Изнѣженцы они, а не первые люди! Имъ золото нужно, рабы, безумныя женщины, дѣти для растлѣнія, и кровь человѣческая на аренѣ цирка. Они травятъ людей звѣрями, и рукоплещутъ стонамъ человѣческимъ! Безумцы! Забыли они, что всему бываетъ конецъ. Придетъ конецъ и ихъ безумію. Я вразумлю ихъ. Я напомню имъ, что есть люди, есть цѣлые народы, которые не золотомъ и не дворцами своими сильны, сильны волей, благоразуміемъ и желаніемъ мира. Зачѣмъ всѣ они поработили насъ? Зачѣмъ они отняли богатство наше — земледѣліе и наши янтарные промыслы? У нихъ ли своего золота мало? Нѣтъ, не мы звѣри, они звѣри! Я имъ напомню объ этомъ!

Увлеченный своими мыслями, Болемиръ забылъ, кто передъ нимъ стоитъ, и обращался къ Аттилѣ, какъ къ равному себѣ витязю, испытанному въ бояхъ.

— Да, я имъ напомню объ этомъ! Я всѣхъ за собой поведу! Какъ стая вороновъ поднимается надъ издыхающимъ въ полѣ конемъ, такъ и мы поднимемся надъ издыхающими нашими ворогами Мы всѣхъ заклюемъ! Все наше будетъ! И Готы, и Римъ, Византія, и земли Малоазійскія! Если мы этого не сдѣлаемъ, то племя наше или совсѣмъ будетъ уничтожено, или — мы буде у нихъ вѣчными рабами. А кто изъ насъ предпочтетъ достой смерть низкой неволѣ!

— Никто! утвердительно сказалъ Аттила, сверкая своими скими, выразительными глазенками.

Болемиръ измѣрилъ храбреца взглядомъ, и хотѣлъ улыбн но улыбка почему-то застыла на его губахъ. Въ этомъ дѣ

«никто» Болемиру почудилось нѣчто знаменательное, даже угрожающее; что-то какъ бы роковое и какъ бы грозное прозвучало въ этомъ короткомъ словѣ, произнесённомъ стоящимъ передъ нимъ невзрачнымъ, некрасивымъ существомъ. Сколько въ немъ было твердости, сколько самоувѣренности!

Болемиръ еще разъ посмотрѣлъ на Аттилу внимательно: Аттила стоялъ уже съ потупленнымъ взоромъ, запустивъ правую руку за пазуху; онъ какъ будто удерживалъ порывы своего сердца, и думалъ о чемъ-то.

«Нѣтъ, я еще хворъ» промелькнуло въ головѣ Болемира, — что мнѣ такое почудилось! Мнѣ почудилось, будто отрокъ сей станетъ страшилищемъ всего рода человѣческаго.

— Возьми меня съ собой, князь, когда пойдешь къ морю, — заговорилъ, между тѣмъ, Аттила, — я всюду за тобой ходить буду. Я не оставлю тебя.

— А на кого же ты дѣда покинешь? спросилъ какъ-то сразу князь.

— А ни на кого. Дѣдъ и безъ меня проживетъ.

— А онъ не зрячій.

— Юрица его водить будетъ.

При имени Юрицы, въ сердцѣ Болемира колыхнулось что-то пріятное и, вмѣстѣ съ тѣмъ, жуткое.

«Гдѣ она теперь?» подумалъ князь, — «она въ послѣднюю пору точно боится меня: все убѣгаетъ, какъ увидитъ, и прячется».

— Что же, пойдемъ? допытывался Аттила.

— Пойдемъ! всѣ пойдемъ! крикнулъ вдругъ, какъ бы озлившись на что-то и на кого-то, Болемиръ.

Крикъ этотъ, навѣрное, Аттила почелъ совершенно естественнымъ, потому что стоялъ передъ Болемиромъ, какъ и прежде, гордо, невозмутимо.

А на Болемира, при мысли о Юрицѣ, нахлынуло цѣлымъ потокомъ чувство страшнаго одиночества и горькой тоски. Цѣли родины, о которыхъ онъ только-что говорилъ, какъ будто отодвинулись куда-то на задній планъ и не имѣли для него никакого значенія. Болемиръ видѣлъ одного только себя и чувствовалъ одно

только свое одиночество, которому нуженъ былъ какой либо исходъ, какое либо забытье. Но какое, онъ еще не угадывалъ...

— И я пойду? держался своей прежней мысли Аттила.

— Пойдешь и ты! махнулъ рукой князь.

— Коли такъ, такъ я буду собираться, сказалъ юный храбрецъ, и оставилъ Болемира одного...

ГЛАВА IV.

ЖЕЛАННАЯ ВѢСТЬ.

Загрустила, запечалилась Юрица...

Отчего?

Всегда рѣзвая, веселая, хохотунья на весь лѣсъ, она вдругъ присмирѣла: нигдѣ её не видать, нигдѣ ее не слышно, точно заворожилъ кто Юрицу.

Смирная, робкая, дѣвочка съ ранняго утра убѣгаетъ въ лѣсъ, и сидитъ тамъ гдѣ-то, какъ звѣрекь какой либо.

Что съ ней?

Допрашивалъ дѣдъ, допрашивалъ братецъ, допрашивала старушенка, домоводка княжеская,—никому ничего не говоритъ Юрица: молчитъ да глядитъ на вопрошающихъ тоскливыми очами.

Подойдетъ старушка и разжалобится:

— Дитятко ты мое, дитятко! горькое ты мое, сиротливое! И какая такая напасть на тебя!

Стоитъ Юрица передъ старушенкой и точно вглядывается въ ея морщинистое, маленькое лицо, стараясь разгадать: правду ли говоритъ она, и для чего говоритъ?

А сама все молчитъ.

Тѣмъ временемъ, старушка глядитъ-глядитъ на Юрицу, да и расплачется, причитая что-то ни для Юрицы, ни для нея самой непонятное.

Постоитъ Юрица, и уйдетъ, точно и не о ней рѣчь шла: такая сдѣлалась странная.

Подойдетъ братецъ:

— Юрица, ты чего? спроситъ онъ угрюмо.

Прежде, бывало, Юрица, хохотунья и рѣзвушка, сейчасъ разсмѣется надъ братцемъ, а теперь какъ будто боится его: стоитъ, молчитъ...

Братецъ былъ не разговорчивъ и не любилъ тратить по пусту словъ: не отвѣчали на его вопросъ, онъ и не спрашивалъ болѣе.

Старый князь Будли тоже о грусти-тоскѣ распрашивалъ внучку.

Разъ онъ говорилъ съ ней:

— Внучка, а внучка!

— Чего, дѣдушка?

— Старушка говоритъ: хвора ты. Правда ли, дитятко?

— Нѣту, дѣдушко, я ничего.

— То-то, гляди, ничего... Да не вѣрится мнѣ что-то. Не вижу я тебя, а чуется мнѣ не хорошо тебѣ. Ужъ не испугалась ли ты чего? Мы тутъ собираемся, о войнѣ толкуемъ, о переселеніи, кричимъ, галдимъ: можетъ, боязно?

— Ахъ, нѣтъ, дѣдушко, не боязно.

— Да ты не пугайся. Мы тутъ останемся, мы никуда не пойдемъ. Куда намъ! Да и не покинешь ты меня, внучка, старика хвораго.

— Ахъ, не покину, дѣдушко.

— Вотъ братецъ пойдетъ. Вотъ Болемиръ пойдетъ: Болемиру идти надобно; онъ князь мудрый, храбрый. Онъ много Венедамъ добра сдѣлаетъ, онъ спасетъ насъ отъ Готовъ... Охъ, тяжко, тяжко, дитятко, жить подъ началомъ Готовъ! Мнѣ-то что! Мнѣ ничего! я человѣкъ старый, хворый: не сегодня-завтра помру, да другимъ-то, дитятко, каково! На другихъ, какъ на волахъ, Готы землю пашутъ, дѣтей ихъ продаютъ въ неволю... Охъ, не хорошо имъ, дитятко, не хорошо! А Болемиръ спасетъ ихъ... Онъ поведетъ всѣхъ недовольныхъ въ далекіе края, гдѣ много земли, много воды, много пастбищъ. Тамъ имъ лучше будетъ. Готы уже не будутъ повелѣвать ими тамъ, какъ здѣсь повелѣваютъ. А мы съ тобой тутъ останемся. Намъ незачѣмъ идти, дитятко. Мы и тутъ вѣкъ свой доживемъ. А ты не покинешь меня.

Сказавъ это, старый князь погладилъ молоденькую внучку по головкѣ, и поцѣловалъ её.

— Да, не покинешь, Юрица?

Вмѣсто отвѣта, Юрица вдругъ зарыдала.

Припавъ маленькой своей головкой на плечо стараго князя, она рыдала глухо, неудержимо.

Изумился старый князь: отчего вдругъ завыла дѣвочка? никогда съ ней ничего такого не было.

Покуда Юрица рыдала, всхлипывала, чисто по дѣтски, и прижималась къ исхудалому лицу дѣдушки, — дѣдушка упорно молчалъ. Брови его надвинулись, лицо изображало душевное разстройство. Знать, невѣдомое ему горе дѣвичье глубоко тронуло его.

Выждавъ, когда Юрица пріутихла, выплакавъ первые порывы своей сердечной, дѣвической скорби, Будли кротко, ласково заговорилъ съ ней:

— Дитятко, аль не можется тебѣ?

Юрица не вдругъ отвѣтила: она не знала, что сказать дѣдушкѣ. Немоготы у неё не было, напротивъ, ей даже какъ будто было хорошо, когда она плакала у дѣдушкиной груди. Что-то смутное, жгуче-доброе, заголохнуло у нея въ это время подъ серцемъ и улеглось тамъ, какъ спокойное, пригоженькое дитя улегается въ мягкой постелькѣ, подъ покровомъ любящей его матери.

Юрица только и могла сказать:

— Ахъ, дѣдушко, дѣдушко!

Старый князь, казалось, въ это время обдумывалъ что-то, или догадывался о чемъ-то: странно двигались его безжизненные глаза и блѣдное, морщинистое лицо часто передергивалось едва замѣтной судорогой.

Помолчавъ нѣсколько, тихо, едва слышно, Будли спросилъ внучку:

— Юрица, дитятко, скажи: любъ тебѣ князь Болемиръ?

Юрица, ничего не отвѣчая, нервно вздрогнула и еще сильнѣе прижалась къ плечу дѣдушкиному.

— Чего-жъ ты молчишь? Скажи, не бойся.

— А ты почемъ же знаешь, дѣдушко, что любъ? спрятавъ свое лицо, кротко спросила дѣвушка.

— Какъ, почемъ знаю!

— А почемъ? будто уже заигрывала съ дѣдушкой юная красавица.

— А потомъ-же знаю, что знаю!

— Вотъ и не правда, дѣдушка! Мнѣ Болемиръ вовсе не любъ.

— Охъ ты, бѣлка-рѣзвушка! началъ ласкать внучку успокоившійся вдругъ старый князь. — Ну что же, коли любъ, и ладно. Это хорошо. Пусть любъ. На то ты и дѣвонька, чтобы между храбрецовъ красавца себѣ поизволить. А я думалъ что̀ другое. А коли только это — не бѣда.

— А можетъ, и бѣда, дѣдушка.

— Какая же?

— А меня князь поизволитъ ли?

— Вишь, загово̀рила про что? Такую пригожую, да не поизволитъ!

— А нешто я пригожая, дѣдушка?

— Вѣстимо, пригожая.

— А ты нешто видишь, какая я?

— Теперь не вижу, а прежде видѣлъ.

— Э, дѣдушка! я съ той поры, какъ ты меня видѣлъ, совсѣмъ перемѣнилась...

— Неужто?

— Рябая такая стала, морщинистая, боязно смотрѣть, право...

И Юрица, быстро поцѣловавъ разъ-другой старика, разсмѣялась звонко-звонко и неудержимо, и убѣжала...

— Дѣвкѣ мо̀лодецъ желаненъ, подумалъ старый князь.

А громкій смѣхъ Юрицынъ слышался уже на дворѣ, гдѣ-то за изобкой, который потомъ смѣнился веселой, несмолкаемой дѣвичьей пѣсней...

ГЛАВА V.

ВЪ ЛѢСУ.

Въ тотъ же день старый князь Будли говорилъ съ Болемиромъ. Болемиръ совсѣмъ оправился, нашелъ въ хижинѣ Будли груду всякаго оружія, и выбиралъ себѣ по рукѣ деревянный щитъ.

Деревянный щитъ, стрѣлы, сѣкира, клевецъ, молотъ, двухъсторонній топоръ съ короткой рукоятью, — оружія, которыя употреблялись Венедами, и вообще Славянами, на войнѣ. Конница довольствовалась щитами и двухсторонними топорами, которыми сра-

жались съ руки и отъ руки. Тацитъ называетъ это оружіе framea и говоритъ, что оно было съ узкимъ и короткимъ желѣзомъ; поэтому многіе предполагали, что это было метательное копье. Топоръ этотъ носили при бедрѣ, какъ мечъ, рубили имъ и бросали въ непріятеля. Молотъ тоже, кромѣ рукопашнаго удара, кидали во врага. Въ одномъ древнемъ Чешскомъ стихотвореніи говорится:

И хопи Забой свой млатъ,
И отскочи Людекъ.
Напряже млатъ Забой
И верже по вразѣ.
Лете млатъ,
Разскочися щитъ,
Со щитомъ се разскочиста
Людековы перси.

Клевецъ назывался еще чеканомъ; отсюда слово — чеканить. Пѣхотинцы метали, преимущественно, въ непріятеля стрѣлы; пѣхотинцы, въ большинствѣ случаевъ, ставились впереди. Щитъ признавался чѣмъ-то священнымъ; его украшали цвѣтистыми красками, и бросить на полѣ битвы свой щитъ почиталось величайшимъ безчестіемъ, лишающимъ права присутствовать при жертвоприношеніяхъ. Многіе изъ пережившихъ войну, не переживали этого безчестія и вѣшались.

Когда старый Будли вошелъ къ Болемиру, Болемиръ любовался только-что выбраннымъ по рукѣ тяжеловѣснымъ дубовымъ щитомъ, на которомъ довольно грубо была вырѣзана дубовая вѣтка и по вырѣзанному мѣсту раскрашена ярко-зеленой краской.

Болемиръ взвѣшивалъ щитъ и примѣрялъ его къ плечу.

— Вотъ этотъ будетъ по мнѣ, говорилъ онъ самъ себѣ, я съ нимъ далеко уйду.

Примѣряя щитъ, Болемиръ и не замѣтилъ, какъ вошелъ старый князь.

— Князь, ты туто? окликнулъ его Будли.

Болемиръ обернулся.

— Тутъ, батька, тутъ.

— А коли тутъ — ладно. Коль стоишь — садись, и слушай, что я тебѣ скажу, князь.

— Я стою, батька. Нашелъ я по рукѣ щитъ, и любуюсь имъ. Добрый щитъ!

— А какой?

— Дубовый и съ дубовой же вѣткой на немъ.

— Знаю, знаю. Славный щитъ! Это щитъ сына моего, Мундцука, который погибъ въ битвѣ съ Готами на Вислѣ. Одинъ воинъ, не желая обезчестить князя, сраженнаго вражьимъ топоромъ, вырвалъ щитъ изъ рукъ убійцы и принесъ его ко мнѣ. Что, ты не видишь на немъ, князь, крови?

— Нѣтъ, крови не видно, батька.

— А была. Вѣсь цвѣтокъ былъ обрызганъ кровью, вражьей ли, сыновней ли — не вѣдаю. Знать, время стерло ее.

— Я его возьму, батька.

— Возьми, возьми, князь. Да послужитъ онъ тебѣ залогомъ побѣды надъ врагами нашими. Да поднимутъ тебя вои твои на щитъ этотъ, какъ достойнаго его. Гдѣ онъ? Дай мнѣ осязать его.

Старый князь ощупалъ щитъ, и проговорилъ:

— Сыновній, сыновній щитъ. Узнаю его.

Старикъ сѣлъ; сѣлъ и Болемиръ, положивъ осторожно на лавку облюбованный щитъ.

— Ну, теперь мы будемъ говорить о другомъ, началъ Будли.

— Говори, батька: слушаю тебя.

— Ты теперь не хворъ, князь?

— Нѣту, не хворъ.

— Это хорошо. Коль человѣкъ не хворъ — хорошо. Хворый о хворомъ и думаетъ, а здоровый о здоровомъ. А мы только и ждали, чтобы ты здоровъ сталъ.

— Здоровъ, батька, здоровъ.

— Все сдѣлано, все начато. Вѣстники уже поскакали во всѣ концы Венедской земли, чтобы возвѣстить о переселеніи. Народъ уже забурлилъ: шумитъ, кричитъ, собирается. Мнѣ обо всемъ извѣстно. Пора, князь, подниматься и тебѣ.

— Я готовъ.

— А другіе: Радогостъ и Олимеръ?

— Поднимусь я — поднимутся и они.

— Скорѣй бы, скорѣй бы, Болемиръ.

— Чтожъ, батька, я готовъ хоть завтра же идти къ жертвенному костру.

— А завтра, такъ завтра. Чѣмъ скорѣй, тѣмъ лучше. Теперь скажу тебѣ, Болемиръ, о другомъ.

— Объ чемъ, батька?

— Болемиръ, гляди на меня прямо, и старикъ поднялъ на Болемира свои безжизненные глаза. Казалось, что онъ и самъ хотѣлъ заглянуть въ душу Болемира.

Болемиръ нѣсколько смутился. Странное чувство подсказало ему что-то такое, чего онъ давно уже ожидалъ.

— Глядишь? спросилъ его старикъ.

— Гляжу, князь, отвѣтилъ Болемиръ, и обманулъ старика.

Почудилось Болемиру, что безжизненные, ввалившіеся глаза Будли, видятъ его насквозь, и онъ потупился.

А Будли началъ:

— И не слѣдъ бы говорить о томъ, о чемъ я хочу говорить, не время теперь, да ужъ что дѣлать — скажу. Можетъ, и тебѣ оттого не худо будетъ.

Болемиръ чутко слушалъ старика.

— Вотъ что, Болемиръ: ты храбръ, великъ, много хорошихъ дѣлъ сдѣлалъ, и еще много ихъ сдѣлаешь, если Вишну *) надолго сохранитъ тебя, но всетаки ты человѣкъ, какъ я, какъ и другой. А человѣку по человѣчьи и жить подобаетъ. Люба тебѣ Юрица, князь, аль нѣтъ?

И радостно и неловко сдѣлалось Болемиру отъ такого простого вопроса старика. Стыдно ему было, ему, первѣйшему Венедскому князю, стыдно было сознаться, что русоволосая Юрица люба ему, и крѣпко таки люба. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, ему сдѣлалось невыразимо хорошо. Онъ понялъ старика и ему очень хотѣлось разцѣловать его сѣдины. Старикъ, между тѣмъ, попрежнему сидѣлъ передъ нимъ, недвижимый, спокойный.

— Чтожъ ты молчишь? спросилъ онъ, не получивъ отъ Болемира отвѣта. — Аль не люба? Коль не люба — дальше и говорить не стану. Ты не дитё, князь, о чемъ говорю — понимаешь.

---

*) Вишну — одно изъ языческихъ божествъ, олицетворявшее въ себѣ ликъ всего.

— Какъ не понять, батя! понимаю! тихо проговорилъ Болемиръ

— А коль понимаешъ, то и отвѣчай толкомъ. Не мудренаго отвѣта требую. Рѣчь идетъ о дѣвкѣ; а дѣвка не Готъ: поперегъ горла не станетъ.

— Люба, князь...

— Вишь какой! люба! А молчалъ! Чего-жъ ты молчалъ? Эхъ, князь, князь! Уменъ, храбръ, готовъ въ крови вражей купаться, а зашла рѣчь о дѣвкѣ любой — и оробѣлъ!

— Я ей любъ ли, Юрицѣ-то...

— Ну вотъ! заговорилъ объ чемъ! «я ей любъ ли!» Вѣстимо, любъ. Нешто можно не поважать такого пригожаго и храбраго князя, какъ ты! Тебя всякая дѣвка поважать будетъ — поважай только ты ее. А Юрица, князь, по тебѣ. И родомъ знатна, и собой пригожа — чего тебѣ больше!

— Спасибо тебѣ, князь, что вспомнилъ обо мнѣ.

— О комъ же намъ, старикамъ, и помнить, какъ не объ васъ, молодыхъ!

Вставъ, Будли продолжалъ:

— Ну, теперь, какъ знаешь, такъ и дѣлай, Болемиръ. Хоть сегодня же приготовляй свадебные подарки. Утромъ завтра попируемъ на твоей свадьбѣ, вечеромъ у жертвеннаго костра, а по ночи, на зарѣ, ты попируешь одинъ, со своей княгиней молодой, Юрицей, въ клѣти.

Обрадованный Болемиръ не зналъ что и отвѣтить старику на такія слова. А старикъ потрепавъ его по плечу, проговорилъ на прощанье:

— Поди, радъ? Хе, хе! Знаю, самъ былъ такой же...

Уходя отъ Болемира, Будли прибавилъ серьезно:

— Ну, а все же, какъ знаешь, такъ и дѣлай, мое дѣло — было бы сказано. Поважаешь Юрицу — ладно, нѣтъ — твоя воля.

Болемиръ повожалъ Юрицу, и крѣпко-таки повожалъ.

Разставшись съ Будли, Болемиръ быстро вышелъ изъ хижины и началъ отыскивать Юрицу, чтобы подѣлиться съ ней своею радостью и высказать все, что давно уже накипѣло въ его душѣ.

Но Юрица ушла куда-то.

Поискавъ ее возлѣ жилья, Болемиръ, уже не думая встрѣтить ее, самъ не зная для чего, побрелъ прямо въ лѣсъ.

Въ лѣсу царило весеннее утро, самое сіяющее, самое цвѣтущее. Все въ немъ улыбалось, все ликовало. Дубы и клены, березы и ясени, убравшись въ свѣжую, нѣжную зелень, походили на молодыхъ, пригожихъ невѣстъ, ожидающихъ поцѣлуя своего милаго жениха. Такъ же, какъ и невѣсты, они робко наклонялись, робко перешептывались со своими стыдливыми сосѣдками, и потомъ снова поднимали свои красивыя, прихотливо разубранныя природой, головы, чтобы съ вышины насладиться синевою безоблачнаго неба и яркостью вешняго солнца, которое, переливаясь на нихъ тысячами изумрудныхъ капель, не хотѣло, казалось, покидать ихъ... А какая прохлада! а какъ душисто вокругъ! Запахъ цвѣтовъ, смѣшиваясь съ запахомъ свѣжихъ листьевъ, коры, смолы и еще не совсѣмъ просохшей отъ раннихъ разливовъ водъ, земли, — производили на все живущее опьяняющее дѣйствіе... Кто бы вошелъ туда, тому не захотѣлось бы покидать этой благодати, хотѣлось бы вѣчно дышать этимъ ароматическимъ, оживотворяющимъ воздухомъ...

О, лѣсà, лѣсà! дремучіе лѣсà земли Славянской! Кто, будучи истиннымъ Славяниномъ; истиннымъ сыномъ своей родины, не любитъ васъ, высокіе, частые, величественные! кто, будучи истиннымъ Славяниномъ, хоть разъ въ жизни своей, въ дѣтствѣ ли, въ пору ли мужества, не останавливался передъ вами, и, глядя на васъ, со страхомъ ли дѣтскаго любопытства, съ глубокой ли думой созерцателя, — не удивлялся на ваши могучія, темныя вершины, тихо качаемыя откуда-то издалека набѣжавшимъ вѣтеркомъ!...

Какъ бы гигантская рука раскинула васъ на всемъ пространствѣ земли Славянской, отъ края до края, и стояли вы, стояли десятки, сотни лѣтъ, и сумрачно взирали на приходящія и уходящія поколѣнія людей, какъ бы не замѣчая ихъ существованія... А люди, между тѣмъ, вокругъ васъ сновали, шумѣли, волновались, искали чего-то, надѣялись на что-то... И вдругъ — въ рукахъ ихъ загремѣли сѣкира и топоръ, послышались ихъ голоса, буйные, воинственные, и вы, лѣсà, лѣса синіе, непроглядные, начали рѣдѣть: начали подрубаться твои могучіе стволы, начали ломаться твои кудреватые сучья, и все рѣже и рѣже становилась твоя когда-то вовсе непроходимая чаща...

Зачѣмъ!... На что!...

Человѣкъ знаетъ на что...

Вонъ длинными лентами извиваются рѣки Славянскія; вонъ раскинулось на огромномъ пространствѣ одно, другое, третье море Славянское...

Какъ бѣлогрудыя чайки снуютъ надъ водами рѣкъ ладьи Славянскія; а по̀ морю, грузно и спокойно, плывутъ куда-то прочные корабли ихъ... Подивились уцѣлѣвшіе патріархи лѣсовъ мудрости людской, и еще глубже пустили въ землю свои корни крѣпкіе: и поднялись новые стволы сосенъ и елей, и зашумѣли въ вышинѣ новыя вершины ихъ... А человѣкъ, между тѣмъ, не дремлетъ... Прошли десятки лѣтъ, и новые топоры съ ужасающею силою загремѣли въ дебряхъ Славянскихъ, и ужъ не ладьи проворныя и не корабли тучные, а огненныя дымящіеся чудовища начали пожирать ихъ съ невѣроятною быстротой...

Горе же, горе лѣсамъ моей родины... горе!...

И ужели же никто не пожалѣетъ ихъ!...

ГЛАВА VI.

КУКУШКА-ВѢЩУНЬЯ.

Что-то рано поднялась Юрица со своей дѣвичьей постели...

Не спалось ей почему-то въ прошлую ночь: и душно-то было, и какъ будто ей, прямо въ ухо, шепталъ кто-то о чемъ-то, и будто говорили гдѣ-то. А вверху, въ воздухѣ, казалось ей, звенѣли чьи-то, невѣдомые ей, голоса, и такъ хорошо, и такъ тихо звенѣли, что она, сѣвъ въ одной сорочкѣ на постели и вперивъ въ глубину широко открытые глаза, долго съ наслажденіемъ слушала и ловила ихъ. А чуть только занялась заря, она уже незамѣтно скользнула изъ хижины и, сама не зная куда идти, — побѣжала къ лѣсу.

Лѣсъ сразу охватилъ ее своей чарующей прохладой. Трава еще не обсохла и съ листьевъ падала свѣтлая, холодная роса. Раздвигая кусты и подвигаясь куда-то впередъ, Юрица и не замѣчала, какъ роса обдавала ее своими жемчужными, блещущими каплями.

Ей почему-то хотѣлось идти все впередъ и впередъ, и она шла, всей грудью вдыхая пахучій лѣсной воздухъ. Зачѣмъ и куда шла Юрица — она сама не знала, не вѣдала, только ей хотѣлось идти и идти, идти куда нибудь подальше, гдѣ тихо и гдѣ никто не ходитъ... Странная дума томила ее: то вдругъ ей хотѣлось смѣяться, то вдругъ плакать, то вдругъ обнять дѣдушку и его, обоихъ вмѣстѣ. А за что же его-то? за что? мелькало въ ея головкѣ, вѣдь онъ чужой. И образъ этого чужаго, молодой, пригожій, моментально являлся передъ ней и ласково, изъ-подъ бровей, глядя на нее, какъ будто шепталъ ей какія-то непонятныя для нея слова. И чудилось, что слова эти такъ въ душу и просились, такъ и вливались туда легкозвучною волной, и смѣялись-то, и радовались-то чему-то, и какъ будто, оттуда, изъ-за души, нескромно заглядывали въ ея дѣвичьи очи. Идучи, она не разъ даже оглядывалась: ей казалось, что онъ-то именно и идетъ слѣдомъ за нею и такъ нескромно заглядываетъ ей въ очи. Оглянется, постоитъ, поправитъ скатывающіеся на глаза волосы, прислушается, — и нѣтъ никого кругомъ: все лѣсъ, одинъ лѣсъ, и такъ тихо кругомъ, что слышно даже, какъ звенитъ гдѣ-то пчела, шмель гудетъ, а гдѣ-то, далеко-далеко, иволга свищетъ и дятелъ дупло долбитъ...

— Вишь, неотвязный какой! проговоритъ Юрица, и идетъ дальше.

А чѣмъ дальше, тѣмъ лѣсъ гуще и непрогляднѣе. Вотъ ужъ и кустовъ нѣтъ: только и мелькаютъ передъ глазами одни стволы дубовые, толстые, кряковистые. А внизу — мохъ, зеленый-презеленый: такъ и хочется прилечь на него и поваляться на свободѣ. А солнце все больше и больше заглядываетъ въ лѣсъ. Сначала все кругомъ было сумрачно, сѣровато, а теперь вонъ уже краюшекъ бѣлобокой березы такъ и блещетъ на солнцѣ, а верхушка вонъ того кудреватаго клена точно надвинула на себя ярко-золотистую шапку...

— Какъ тутъ хорошо! подумала Юрица и, сама не зная почему, остановилась и поглядѣла вверхъ.

— Ухъ, высоко-то какъ! невольно воскликнула она. — Я тутъ ни разу не бывала. Ау! вдругъ вскрикнула она звонко, и сама испугалась своего голоса: такъ онъ былъ громокъ, и такъ онъ оглушилъ ее.

— Ау! отвѣтило ей эхо по направленію къ полянѣ, гдѣ находилось жилье.

Юрицѣ понравился этотъ глухой, не человѣческій отвѣтъ, и она еще нѣсколько разъ крикнула «ау». Эхо столько же разъ отвѣтило ей своимъ «ау».

Послѣ этого, Юрицѣ показалось, что въ лѣсу сдѣлалось еще глуше.

Шла-шла Юрица, и снова остановилась.

— Ахъ я шалунья! куда-жъ я иду? упрекнула и спросила она самоё себя.

Въ это время, какъ разъ надъ ея головой, сначала крякнула, а потомъ закуковала кукушка.

Юрица вздрогнула.

— Вѣщунья! зачѣмъ ты испугала меня, крикнула Юрица, поднявъ голову по направленію, откуда послышалось «куку».

Но ужъ кукушка перенеслась на другое дерево, дальше. Крикнула одинъ разъ, и смолкла.

— Вотъ хорошо, спрошу у вѣщуньи: сколько мнѣ лѣтъ на свѣтѣ жить.

И Юрица, приложивъ обѣ руки ко рту, громко спросила:

— Кукушка! кукушка! сколько мнѣ лѣтъ на свѣтѣ жить?

Кукушка перелетѣла еще дальше, прокуковала одинъ разъ, да такъ жалобно, такъ тихо, и смолкла.

— Одно лѣто! Ахъ ты, вѣщунья! Ты не правду сказала! Я еще много, много лѣтъ проживу! Вотъ увидишь.

Хотя Юрица и проговорила такъ, однако, ей отъ кукушкиной вѣсти стало не весело. Сначала она вовсе не боялась лѣсной чащи, а тутъ вдругъ ей сдѣлалось въ лѣсу жутко. Почудилось даже, будто ходитъ кто-то, стонетъ, охаетъ, а изъ-за кустовъ — очи чьи-то глядятъ. И Юрица, не оглядываясь, пустилась бѣжать обратно, думая про себя:

— Ахъ, прòклятая птица! ахъ, прòклятая! Одно лѣто!

— Юрица! вдругъ остановилъ ее чей-то голосъ, когда она готова уже была выбѣжать на поляну съ жильемъ.

Юрица оглянулась, и остановилась какъ вкопанная.

Передъ ней стоялъ Болемиръ.

— Куда ты бѣжишь, Юрица? продолжалъ онъ, любовно глядя на нее. — Не отъ меня ли?

Въ головѣ дѣвушки все помутилось. Она забыла лѣсъ, забыла кукушку-вѣщунью, все забыла. Она видѣла передъ собой одного только князя. А князь подошелъ къ ней, и тихо взялъ ее за руку. Рука Юрицы дрогнула въ рукѣ Болемира.

— Юрица, пойдемъ туда, дальше, въ лѣсъ, говорилъ князь.

Юрица не отвѣчала, глядѣла въ землю, и пошла рядомъ съ Болемиромъ, который не выпускалъ руки ея.

— Я искалъ тебя, говорилъ Болемиръ, идучи рядомъ съ Юрицей. — Гдѣ ты была?

— Я была въ бору, рѣшилась отвѣтить дѣвушка.

— И теперь пойдемъ въ боръ: въ бору хорошо. Пойдемъ? заглянулъ онъ въ ея лицо.

Юрица вспыхнула, однако, помолчавъ, чуть слышно, проговорила:

— Пойдемъ, князь, коли ты велишь...

ГЛАВА VII.

СВАДЕБНЫЙ ПИРЪ.

Князь и Юрица долго оставалась въ бору... Только къ вечеру воротились они домой... Князь былъ безмѣрно веселъ, Юрица задумчива, не говорлива, все больше глядѣла въ землю и пряталась... Будли, между тѣмъ, приказалъ приготовить свадебные подарки для невѣсты, приготовить медовъ и хлѣбовъ для пира и очистить для молодыхъ лучшую клѣть.

У Венедовъ существовалъ обычай, что не жена несла мужу подарки, а, на оборотъ, мужъ несъ ихъ женѣ.

Подарки мужнины женѣ заключались въ слѣдующемъ:

Мужъ дарилъ женѣ вола, снаряженнаго коня, щитъ, сѣкиру и мечъ.

Все это дарилось для того, чтобы жена не считала себя чуж-

дой мужества и не была безучастной къ войнѣ. Подарки эти предупреждали ее, что она становится подругой, сораздѣляющей труды и опасности, счастіе и несчастіе, какъ во время мира, такъ и во время войны. Это значеніе имѣли для нея и заярмованные волы, и осѣдланный конь, и оружіе, какъ при жизни, такъ и по смерти. Принимая эти дары, она должна была передать ихъ ненарушимо и достойно дѣтямъ, отъ которыхъ примутъ невѣстки и, въ свою очередь, передадутъ внукамъ.

Молодая, если хотѣла, только и дарила мужа какимъ нибудь оружіемъ.

Въ этомъ заключался союзъ супруговъ, священный обрядъ и воля боговъ, покровителей супружества.

Въ этотъ же день, отъ Будли, оповѣщено было по всѣмъ Венедскимъ весямъ Нѣмана, что назначенъ свадебный пиръ, въ жильѣ стараго князя, и что виновники этого пира —Юрица и Болемиръ. Оповѣщено было также и о томъ, что насталъ день, когда Венеды должны дать у жертвеннаго костра обѣтъ: жить и умереть за свою родину, которая гибнетъ отъ рукъ пришельцевъ-Готовъ.

Весь вечеръ и вся ночь прошли въ приготовленіяхъ къ свадебному пиру и къ жертвоприношенію по случаю обѣта. Уже съ вечера Венеды начали собираться въ хижину Будли. Всѣ поздравляли: и стараго князя, и Болемира, и Юрицу. Юрица все это время была покрыта густымъ, бѣлымъ покрываломъ, и пряла пряжу. На привѣтствія и поздравленія, какъ невѣсты, она должна была отвѣчать низкими поклонами, молча, медленно. Поклонившись, она снова садилась за пряжу. Болемиръ во все это время долженъ былъ запречь въ ярмо вола, снарядить коня и вычистить оружіе, которое предназначалось для княгини. Совершалось это медленно, спокойно. Волъ долженъ былъ быть цвѣту чернаго съ бѣлыми пятнами: эмблема зла и добра, которыя живутъ среди человѣчества. Конь — вороной.

Сбруя, по возможности, дѣлалась пышная, яркая.

Молодые въ ночь передъ свадьбой не должны были спать. Это дѣлалось для того, чтобы первая ночь молодыхъ, вмѣстѣ, была крѣпка и спокойна. Не спокойная ночь — считалась нехорошимъ признакомъ. А чтобы развлекать молодыхъ: къ жениху являлись молодые витязи, къ невѣстѣ — молодыя дѣвушки. Витязи обязаны

были развлекать молодаго витязными разсказами, а дѣвушки невѣсту— пѣснями. Такъ и было: къ Болемиру пришло нѣсколько молодыхъ Венедовъ, къ Юрицѣ — дѣвушекъ.

До самаго утра они развлекали молодыхъ. До самаго утра слышны были разсказы о геройскихъ подвигахъ витязей и дѣвичьи пѣсни о томъ, какъ будетъ хорошо молодой княжнѣ за своимъ молодымъ княземъ, какъ они долго будутъ жить, радоваться, разрабатывать вмѣстѣ землю и ходить вмѣстѣ на войну, какъ пойдутъ потомъ у нихъ дѣти — сынки-богатыри, дочки-красавицы: что ни сынъ, то солнце красное, что ни дочь, то звѣздочка ясная...

«Ахъ, княжна, пригожая, ясная,
Поважай меня молодца добраго.»

—пѣли дѣвушки молчаливой Юрицѣ.

«Добрый, ласковый мой князь, поважай меня княжну-дѣвицу, сиротливую: нѣту у меня ни отца, ни матери, есть только родъ да племя!»—разсказывали Болемиру витязи удалые...

Слушалъ Болемиръ витязей, слушала Юрица дѣвушекъ, и такъ слушали до яснаго утра.

А только что настало утро — у Будли уже не было и мѣста для гостей: такъ ихъ много собралось.

Попить, поиграть Венеды были не прочь, да кромѣ того, и дѣло важное рѣшалось. Обѣтъ на защиту родины считался однимъ изъ священнѣйшихъ обѣтовъ. На обѣтахъ обязанъ былъ присутствовать всякій, кто только чувствовалъ силу ходить, не исключая даже и женщинъ, дѣвицъ, дѣтей, стариковъ. Поэтому, всѣ, кто могъ, считали святою обязанностію присутствовать на обѣтахъ. Какъ одно изъ необходимыхъ лицъ, явился и жрецъ.

И вотъ — только что разсвѣло — вся поляна, на которой находилось жилье Будли, покрылась дубовыми столами, скамейками, короткими и длинными, обрубками широкихъ стволовъ дуба и ясеней, служившихъ вмѣсто столовъ. Все это задернулось скатертями, столешниками, всѣмъ, что только нашлось у Будли́ холстиноваго или парчеваго.

Не богатъ былъ старый князь Будли, да и не такое время шло, чтобы думать о богатствѣ да роскоши, да и какая роскошь могла быть въ лѣсу, среди природы, среди звѣрей, гдѣ все скрывалось, все пряталось! На что она? Можно прожить и безъ роскошниче-

ства, особливо, когда родина стонетъ подъ игомъ иноплеменника. И Будли не роскошничалъ, не смотря на то, что, по одному его слову, къ нему были бы нанесены вѣрными Венедами цѣлыя груды всякаго рода домашняго скарба. Въ свое время, однако, въ молодости, когда князь былъ въ силѣ и не скрывался, какъ звѣрь лѣсной въ трущобѣ, у него было не мало всякаго добра. Готы ограбили его. Но все же у него кое-что еще осталось, спасенное и припрятанное вѣрными слугами.

И все это оставшееся старый князь приказалъ вынести и выкатить.

И все было вынесено, и выкачено.

У князя оказалось не мало старыхъ медовъ, не мало старыхъ брагъ и квасовъ. А до этихъ напитковъ Венеды были не малые охотники.

И начался у Будли пиръ горой.

Пиршество открылъ самъ Будли.

Когда всѣ усѣлись за столы, Будли, во все время не появлявшійся среди гостей, тихо и торжественно вышелъ изъ избы, ведя правой рукой жениха, лѣвой — невѣсту.

Юрица была одѣта въ длинную, бѣлую рубаху, которая почти что волочилась по землѣ, безъ рукавовъ, почему руки ея, до самыхъ плечъ, были голы. Рубаха по стану была перехвачена широчайшимъ поясомъ изъ греческой парчи. Волосы ея на головѣ были собраны въ клубокъ, который обхватывался кускомъ тонкой и узкой холстины зеленаго цвѣта. Въ ушахъ висѣли необыкновенной величины янтарныя серьги, грубо отдѣланныя въ золото. На голыхъ ногахъ — подобіе сандалій, привязанныхъ къ пяткѣ и икрамъ, до колѣнъ, двумя, крестообразно вившимися, ремнями. Лицо ея было покрыто легкой холстиной.

Болемиръ одѣтъ былъ въ шерстяной кафтанъ, изъ бѣлой шерсти, изузоренный по краямъ красной тесьмой, съ золотой запоной у шеи. Рукова у кафтана были необыкновенно широки. На головѣ, не смотря на вешнее прекрасное, теплое утро, надвинута была высокая, облоухая рысья шапка. Кафтанъ по стану былъ перехваченъ кускомъ серебристой, съ зеленью, греческой матеріи. На ногахъ грубое подобіе сапогъ изъ выдѣланной, однако, кожи.

Старый князь Будли былъ просто въ бѣлой рубахѣ.

Когда онъ вышелъ, двое Венедовъ разложили на землѣ медвѣжью шкуру, шерстью вверхъ. Будли вошелъ на эту шкуру, въ сопровожденіи Болемира и Юрицы, и остановился.

Гости молчали. Рѣчь была за старымъ княземъ, и князь тихо заговорилъ:

— Братья-Венеды, простите меня, старика! И не слѣдъ бы въ такую тяжелую пору задумывать свадьбу, а я вотъ, старый, слѣпой воронъ, задумалъ. Простите меня, старика!

Будли поклонился гостямъ. Поклонились гостямъ и Болемиръ съ Юрицей.

Старѣйшій изъ гостей отвѣтилъ.

— Ахъ, князь, князь! Слово твое — великое слово, и не намъ, людишкамъ мелкимъ, судить о дѣлахъ твоихъ. Твое дѣло — повелѣть, наше дѣло — сдѣлать.

— Твое дѣло — повелѣть, наше дѣло — сдѣлать, проговорили въ одинъ голосъ всѣ гости, и отвѣсили поклонъ Будли и молодымъ.

— А коль такъ, сказалъ Будли, то и добро вамъ! Добро и вамъ, и мнѣ, и славной нашей родинѣ!

— Добро! добро! загудѣли гости, и снова отвѣсили и Будли и молодымъ низкій поклонъ.

Послѣ этого, Будли, съ Болемиромъ и Юрицей, сошелъ съ медвѣжьей шкуры, и подошелъ къ столу.

На столѣ стоялъ цѣлый зажаренный кабанъ. Онъ отрѣзалъ отъ него часть: подалъ Болемиру, и самъ съѣлъ. Это дѣлалось для того, чтобы женихъ былъ хорошій охотникъ и не боялся дикихъ звѣрей. Потомъ Будли подошелъ къ цѣлому зажаренному ягненку, отрѣзалъ часть его: подалъ его Юрицѣ, и самъ съѣлъ. Это дѣлалось для того, чтобы молодая была хорошей домоводкой.

Во все это время стоявшіе гости хранили глубокое молчаніе.

Далѣе Будли налилъ большую чару меду и подалъ Болемиру. Болемиръ хлебнулъ меду и передалъ его Юрицѣ. Юрица смочила губы и передала дѣдушкѣ. Самъ Будли тоже откушалъ. Это дѣлалось для того, чтобы жизнь молодыхъ была сладка и хмѣльна какъ медъ.

Окончивъ этотъ обычный обрядъ, Будли обратился къ гостямъ:

— Ну, гости мои дорогіе, пейте и гуляйте, какъ хотите: теперь ваша воля, а не моя.

Гости зашумѣли:

— Спасибо, князь, спасибо!

Юрица и Болемиръ посадили стараго князя за столъ, и сами сѣли напротивъ его.

Когда всѣ усѣлись, одинъ изъ старѣйшихъ гостей началъ наливать въ чары изъ ведеръ медъ, и подавалъ его гостямъ. Гости пили и закусывали. Въ это время изъ клѣти, которая предназначена была для молодыхъ, вышла толпа дѣвушекъ, а двое дюжихъ Венедовъ вывели заярмованнаго вола, осѣдланную лошадь, и оружіе. Тогда старѣйшій изъ Венедовъ всталъ и, глядя на подарки, заговорилъ:

— Вижу, вижу: подарки добрые! Молодой хорошо заживется.

Молодая встала.

Старѣйшій продолжалъ:

— Вижу, вижу: подарки добрые. Молодому хорошо заживется.

Молодой всталъ.

— А что же мы княжны-то не видимъ? спрашивалъ тотъ же старѣйшина. — Покажи намъ ее, князь.

Болемиръ снялъ съ головы Юрицы покрывало.

Юрица стояла съ опущенными рѣсницами и рдѣлась какъ заря.

Гости ахнули:

— Ахъ, какая пригожая, да складная!

И въ самомъ дѣлѣ, можно было отчего ахнуть: Юрица была обворожительно хороша.

А вышедшія изъ клѣти дѣвушки, между тѣмъ, запѣли:

То ровня, то ровня
Сочеталася,
Имъ люди, люди
Дивовалися,
Что хорошіе, что дородные
Уродилися.
Не дивуйтеся вы, люди
Людишки —

Вы сами люди
Таковы были.
Запружу я хмѣлемъ
Рѣчушку,
Загоню я стадо
Бѣлыхъ лебедей,
Выберу я лебедя
Князя,
Выберу бѣлаго —
Славнаго,
Выберу я лебедушку —
Дѣвушку,
Дѣвушку-княжну
Молодую.

Молодые поцѣловались и сѣли.

Изъ-за толпы дѣвушекъ вышла домоводка княжеская, старушка, и начала, вмѣсто матери, причитать:

Яблонька моя
Садовенькая!
Я тебя садила,
Поливала,
Животъ-сердце
Надрывала!
Не велѣла дочкѣ
По садику ходить,
По зеленому гулять,
Сладки яблочки
Рвать,
Къ милу дружку носить
Во высокъ теремъ.
Милъ, примешь ли?
Милъ, откажешь ли?
Не отказалъ милъ:
Съѣлъ яблочко.

— Ахъ я, горькая! ахъ я несчастливая! уже плакала старуха, и обратилась къ невѣстѣ:

— Милая доченька моя! каково тебѣ, повѣдай мнѣ по правдѣ, не скрываючись? Каково тебѣ? повѣдай мнѣ, милая моя.

Юрица встала и, кланяясь всѣмъ гостямъ, тихо заговорила:

— Хорошо мнѣ, гости дорогіе! ахъ, какъ хорошо! Кабы не хорошо было, не сидѣла бы я съ княземъ за столомъ однимъ, не глядѣла бы я на него, на мое солнце красное, не повожала бы я его, красавца моего!

Среди гостей послышались голоса:

— Ладно! ладно! Ай да невѣстушка-пригожница! Не солгала передъ нами, передъ стариками, о своей зазнобушкѣ сердечной.

Юрица сѣла. Ея рѣчью окончился обычный обрядъ, необходимый при бракосочетаніи.

Замѣчательно, что при бракосочетаніяхъ у Венедовъ, жрецъ не принималъ никакого участія. Онъ оставался въ сторонѣ. Для него отвели особую клѣть, гдѣ онъ и угощался одинъ, какъ хотѣлъ. Вообще, не смотря на то, что жрецъ считался вездѣ однимъ изъ почетнѣйшихъ и важнѣйшихъ лицъ, его всетаки чуждались. Да и самъ онъ, по исключительности своего положенія, не искалъ сообщества съ другими.

Къ полдню головы гостей немного охмѣлѣли. Поднялись оживленныя рѣчи, закипѣли неизбѣжные споры, и даже началась игра въ кости.

Игра въ кости у всѣхъ вообще Славянскихъ племенъ прежняго времени считалась одною изъ занимательнѣйшихъ, и они ею, преимущественно на пирахъ, всегда увлекались; и увлеченіе это доходило до того, что, проигравъ все, нерѣдко пускались на ставку свобода и даже самая личность. Побѣжденный, въ такомъ случаѣ, безпрекословно подчинялся рабству, давалъ себя связывать и продавать. Этотъ поступокъ считался честнымъ. Выигранныхъ невольниковъ, въ большинствѣ случаевъ, не пользуясь ими лично, продавали, чтобъ избавиться отъ стыда подобнаго выигрыша. Игра въ кости не всегда оканчивалась перебранкой, а чаще всего убоемъ и ранами.

Законъ за такое убійство не преслѣдовалъ преступника. Имѣлъ право преслѣдовать родственникъ убитаго.

Даже въ позднѣйшихъ законахъ Славянскихъ законодателей, на

примѣръ, въ «Русской Правдѣ» Ярослава, за убійство на пиру, отвѣтственность уменьшалась на половину.

Въ «Правдѣ» сказано:

«Аще кто ударитъ мечемъ въ незъ,*) то ві**) гривнѣ продажи да обиду; не терпя противу тому ударитъ мечемъ, то вины ему въ томъ нѣтъ. Оже будетъ убилъ, или въ свадѣ или въ пиру явленъ, то тако ему платити полвервіины.» ***)

Сами ли Славяне изобрѣли игру эту, или она къ нимъ занесена была съ востока — трудно сказать. Скорѣе всего, что она была занесена къ Венедамъ Финикіянами, которые вели съ ними постоянную торговлю и, по необходимости, знакомили съ удовольствіями своей родины.

На свадебномъ пиру у стараго князя, хотя Венеды и играли въ кости, и довольно шумно играли, однако — никто не хватался за оружіе, чтобы наказать противника. Всѣ обходились другъ съ другомъ и сановито, и хорошо. У всѣхъ было одно въ головѣ: предстоящее переселеніе. О чемъ бы Венеды не говорили, о чемъ бы не спорили, всегда рѣчь сводилась на занимающій ихъ вопросъ переселенія.

Только Юрица и Болемиръ оставались на пиру безмолвными слушателями и зрителями всего того, что вокругъ нихъ происходило, не смотря на то, что во всѣхъ спорахъ, во всѣхъ совѣтахъ, имя Болемира не сходило ни у кого съ языка. Таковъ былъ обычай страны; таково было требованіе бракосочетанія. Впрочемъ, Юрица и Болемиръ были на столько счастливы и довольны другъ другомъ, что условное молчаніе нисколько ихъ не стѣсняло, а на оборотъ — внутреннимъ чувствамъ ихъ давался полный просторъ, и каждый изъ нихъ могъ наслаждаться наступившимъ, наконецъ, для него счастьемъ, какъ ему было угодно. Изрѣдка, однако, Болемиръ и Юрица переговаривались между собой, — на это они имѣли право, — но коротки были рѣчи ихъ. Они больше говорили душевнымъ языкомъ, какъ вообще говорятъ всѣ счастливые и довольные.

---

*) То-есть вонзя.

**) Двѣнадцать.

***) То-есть 40 гривенъ серебра въ замѣнъ петли. Вира составляла П (80) гривенъ.

Старый князь тоже былъ не особенно разговорчивъ. Венедскіе старики вели себя на пирахъ, вообще, важно и спокойно. Шумѣла и бурлила большею частью молодежъ, которой, въ этомъ случаѣ, давался полный просторъ. Но за то въ дѣлахъ, которыя требовали совѣта и обсужденія, старики занимали первое и почетное мѣсто. Ихъ слово было закономъ. А общественный законъ даже не судилъ старика за преступленіе. Старикъ только лишался уваженія отъ молодежи, и это было ему тяжелѣ всякихъ наказаній. Когда стариковъ встрѣчали внѣ дома, имъ давали дорогу и кланялись имъ, какъ кто хотѣлъ, смотря по степени, которую занималъ почитаемый старикъ. Если случалось какое либо недоразумѣніе: ссора, драка, и встрѣчали старика — всѣ сейчасъ же съ охотой отдавались на его судъ, суду его вѣрили, и тотчасъ же исполняли то, что онъ совѣтывалъ. Рѣдко случалось, что старики злоупотребляли тѣмъ довѣріемъ, которымъ они пользовались. А если случалось—то старикъ прятался отъ людей, или оканчивалъ постыдную жизнь свою тайнымъ самоубійствомъ. Искупительнымъ самоубійствомъ, въ этомъ случаѣ, считалось самоубійство — зарѣзаться жертвеннмъ ножемъ, т. е. ножемъ, которымъ жрецъ, принося на алтарь своего бога жертву, поражалъ вола, ягненка, гуся.

Такъ какъ къ вечеру положено было отправиться на мѣсто казни Венедскихъ князей и принести тамъ обѣтъ на защиту племени Венедскаго, то, едва начало смеркаться, всѣ стали вставать изъ-за пиршественныхъ столовъ и напоминать другъ другу о великомъ обѣтѣ.

— Брате, слышались голоса, не пей больше меду, будетъ: сейчасъ пойдемъ на поляну—обѣтъ дадимъ.

— Дадимъ, дадимъ, брате!

Всталъ и старый князь Будли; всталъ и заговорилъ, обращаясь ко всѣмъ. А всѣ тоже встали, и тоже, въ свою очередь, обратились къ старику, ожидая отъ него мудрой рѣчи.

Будли заговорилъ:

— Братья, вдоволь-ли вами попито, вдоволь-ли вами поѣдено?

— Вдоволь, князь! вдоволь! отвѣчало ему множество хмѣльныхъ, но бордыхъ голосовъ.

— А коль такъ, а коль вы по правдѣ говорите, то и я вамъ скажу правдивое слово.

— Слушаемъ, князь, твоего слова.

— Мое слово коротко. Положили мы, братья, принести нынче обѣтъ на защиту племени Венедскаго, такъ не пора ли намъ исполнить его?

— Пора, пора, князь!

Съ этими словами, толпа гостей окончательно повылѣзала изъ-за столовъ, повылѣзала то бодро, то немного, а то и очень много пошатываясь; а нѣкоторые и совсѣмъ не вылѣзали, потому что какъ сидѣли, такъ и заснули, черезъ-чуръ ужъ напитавшись крѣпкими медами и разными ячменными напитками. Хмѣль, однако, нисколько не помѣшалъ гостямъ стараго князя Будли, поблагодаривъ его за-хлѣбъ, за-соль, а молодымъ пожелавъ искренно всякаго рода счастія и благополучія, тотчасъ же отправиться гурьбой на условленную поляну.

Жертвенные бараны и другія принадлежности жертвоприношенія были отправлены туда еще заранѣе; вмѣстѣ съ ними отправился и жрецъ.

Мало-по-малу жилье стараго князя опустѣло: всѣ ушли на поляну, и старый, и малый. Осталась въ жильѣ одна только старуха, домоводка княжеская, которая долго еще причитала о сиротской долѣ княжны-красавицы, Юрицы...

Даже пиршественные столы остались, подъ деревьями, неубранными: такъ всѣ торопились на новый пиръ...

ГЛАВА VIII.

У КОСТРА.

Тамъ же, гдѣ не такъ давно мстительные Готы распинали Венедскихъ князей, на томъ же самомъ берегу Нѣмана, Венеды воздвигли и свой жертвенный костеръ.

Костеръ уже пылалъ вокругъ жертвеннаго камня, когда къ нему, съ ножемъ въ рукахъ, приблизился жрецъ. Всѣ собравшіеся на поляну Венеды, мужчины и женщины, стояли вокругъ костра, съ зажженными смоляными палками въ рукахъ. Впереди всѣхъ

стояли: Болемиръ, Радогость, Олимеръ и Будли. Радогость и Олимеръ были дюжіе, крѣпкіе парни, но очень еще молодые, и, повидимому, мало подавали надеждъ быть защитниками своей родины и править такимъ дѣломъ, какъ переселеніе народа съ одного мѣста на другое. Но у Венедовъ не было подъ руками другихъ испытанныхъ князей, и молодые князья, какъ бы по необходимости, были избраны въ предводители. Вся надежда переселенцевъ возлагалась на Болемира, котораго съ береговъ Вислы до береговъ Нѣмана, всѣ знали какъ храбрѣйшаго и знаменитѣйшаго князя. И въ самомъ дѣлѣ, на Болемира можно было понадѣяться: не смотря на вынесенную имъ пытку, онъ, высокій, статный и плечистый, выглядывалъ такимъ молодцомъ, что любо было смотрѣть. Находившаяся вмѣстѣ съ другими у костра, Юрица, замирала отъ удовольствія, при взглядѣ на своего пригожаго мужа, и съ нетерпѣніемъ ждала окончанія жертвоприношенія.

А жертвоприношеніе только что еще началось.

Приблизившись къ жертвенному камню, который состоялъ изъ четыреугольнаго куска сѣраго гранита, съ символическими знаками, жрецъ взмахнулъ надъ нимъ ножемъ, и громко сказалъ:

— Ви́ра, ви́ра — матхà бгу̑! *)

Вся толпа повторила за жрецомъ:

— Ви́ра, ви́ра!

Жрецъ, послѣ этого, засучилъ рукава своей одежды, а передъ нимъ положили связаннаго ягненка и барана: онъ долженъ былъ ихъ зарѣзать. Двумя взмахами ножа, зарѣзавъ сначала ягненка, потомъ барана, онъ, не снимая съ нихъ шкуры, съ кровью, капавшей на его одежду и на землю, кинулъ ихъ на жертвенный камень. Огонь быстро охватилъ кинутыя жертвы, а жрецъ, ставъ на колѣно и склонивъ голову, сталъ шептать, одному ему извѣстныя, тайныя, религіозныя молитвы. Въ это время каждый изъ присутствующихъ старался смочить кровью жертвъ край своей одежды. Жрецъ молился до тѣхъ поръ, пока жертвенныя животныя не обуглились на камнѣ. Тогда онъ всталъ, снялъ вилами жертву и началъ рѣзать ее на части.

---

*) Съ санскритскаго: жертвенный огнь — дань бытію!

Болемиръ, Радогость и Олимеръ подошли къ жрецу.

Первый кусокъ онъ подалъ Болемиру, второй—Радогосту, третій—Олимеру. Всѣ трое начали ѣсть обуглившееся, почти еще сырое, мясо ягненка и барана. Это значило, что они, посредствомъ пищи, освятившейся на жертвенномъ кострѣ, соединяются съ обителью божествъ, дѣлаются высшими между людей, посвящаются въ верховную власть — су́ра, *) и дѣлаются предводителями силъ — ганàсъ.

Когда посвященные съѣли свои доли, жрецъ, поочередно, подвелъ ихъ къ самому костру, склонилъ передъ костромъ ихъ головы и накрылъ ихъ грубой холстиной. Всѣ присутствующіе стали на колѣно. А жрецъ, вынувъ изъ своей одежды восьмиугольный кусокъ лубка, на которомъ былъ вырѣзанъ обрядовый законъ, началъ читать:

«Принявшій посвященіе, по обряду, да заботится охранять справедливостію все подвластное ему».

«Міръ, безъ владыкъ, былъ отвсюду потрясаемъ ужасомъ: и потому Господь создалъ царя».

«Принявъ вѣчныя частицы восьми божественныхъ силъ міра, и заключая въ себѣ ихъ, онъ превосходитъ по освященію всѣхъ смертныхъ»,

«Онъ, по могуществу, есть огнь, воздухъ, свѣтъ солнца, блескъ луны, царь правды, богатства, божество водъ, и властитель земли».

«Никто да не осмѣлится сказать: «онъ также человѣкъ», ибо онъ есть высочайшее божество въ образѣ человѣка».

Послѣ этого, Болемиръ, Радогость и Олимеръ — сами сняли съ головъ своихъ покрывала, а присутствующіе поднялись съ колѣнъ, поочередно подходили къ жертвѣ, отрѣзывали себѣ жертвеннымъ ножемъ маленькую частицу жертвъ; и ѣли. Когда отъ жертвы остались однѣ только кости и внутренности, ихъ бросили въ огонь, а каждый изъ присутствующихъ подходилъ къ посвященнымъ и, проговоривъ: «амарата», *) — цѣловалъ край ихъ одежды. Первымъ

---

*) Сура — обоготвореніе, обоготворенный, соотвѣтствуетъ слову царь.

**) Т.-е. пріявшій безсмертіе.

подошелъ Будли, послѣдней — Юрица. Въ то время, какъ она цѣловала край одежды своего мужа, склонясь потомъ до самой земли, Болемиръ слегка коснулся своей ногой ея шеи. Это значило то, что она одна изъ первыхъ должна склонить свою выю передъ своимъ верховнымъ повелителемъ.

Этимъ обрядъ посвященія и оканчивался. Далѣе начинались игры и пляска вокругъ костра въ честь бога бытія всего — Сивы.

Сива — божество чисто Индійское, и поклоненіе Сивѣ занесено въ Европу развѣтвленіемъ Индійскихъ племенъ, такъ что Сиваизмъ былъ въ Европѣ первой гражданской религіей. *) Названіе божествъ и многія слова, напримѣръ: civilis, civicus, civis, civitas, доказываютъ, что и первоначальное гражданство Рима было подъ ея вліяніемъ.

Поклонники Сивы — носили названіе Сайвовъ и Сайванъ.

Когда Буддизмъ, зародившись въ Индіи, распространился въ разныхъ видоизмѣненіяхъ по Азіи, проникъ въ Грецію и потомъ въ Римъ, Тримуртическое **) вѣрованіе въ Сиву неизмѣнно сохранилось только въ племенахъ, не покорившихся Риму, и выселившихся въ Иллирію, въ Альпы, въ Галлію, за Рейнъ и за Дунай. Къ числу ихъ принадлежали и Венеды. Общее религіозное названіе ихъ, Сайвани, измѣнилось и по нарѣчіямъ и по произношенію чуждыхъ народовъ, въ Savini, Sabini, Sevini, Savelli. Потомъ, по нарѣчію, приближающемуся къ Сербскому, въ которомъ вмѣсто *славъ*, произносится *савъ*—Suevi, Suavi и, наконецъ, Slavi и Slavini. ***)

Всѣ ихъ божества, кромѣ придуманныхъ послѣ, безъ исключенія принадлежали къ Тримуртическому вѣрованію и поклоненію Сивѣ.

Перунъ, Проно, Паромъ. Въ вѣрованіи Индіи: пранна — предній, древній, пуранна — первый, предвѣчный, — было названіе верховнаго таинственнаго божества Парабрамы или Праннава. ****)

*) У Славянъ — Жива, Сѣва, Жибогъ.

**) Тримуртизмъ — тріобразность: духъ всего, ликъ всего бытіе всего, Брама, Вишну, Сива.

***) Неопровергая тѣхъ, кто производитъ слово *Славяне* отъ *слово* и *славы*, предлагаю обратить вниманіе и на настоящее происхожденіе слова *Славяне*.

****) Праннинада — значитъ ударъ, звукъ грома, и составлено изъ пранна и нада — звукъ. Слѣдовательно: Перуній звукъ, гласъ Перуна. Еще: Паранджа — стрѣла Индры, громовая стрѣла, составлено изъ пранна и придаточнаго джа — порожденіе, происхожденіе. Слѣдовательно — Перуничъ, въ Славянскомъ языкѣ (Польск.) Piorunek.

Триглавъ. Праннава, проявленный въ тройственности, въ ликѣ трехъ временъ: прошедшаго, настоящаго, и будущаго — носилъ названіе Трикалавидъ, т.-е. тривременный. Въ значеніи же изображенія: три-образный, три-главый, по санскритски Тримурдгъ.

Ютробогъ. Четыреглавое изображеніе четырехъ стихій, четырехъ странъ свѣта, *) четырехъ временъ дня, четырехъ временъ года.

Свѣтовидъ. Верховное божество въ стихійномъ проявленіи. По санскритски — свѣтовасъ, т.-е. свѣтоконный.

Даждь-богъ. Богъ земли въ свойствѣ произрастенія. Отъ санскритскаго: даждь — дождь, какъ даръ.

Волосъ, Велесъ. Богъ-хранитель стада.

Мокошъ, Махошъ. Богъ суда и смерти. Отъ санскритскаго: махи — земля.

Игры свои Венеды начали съ плясокъ около костра: участвовали всѣ, кто только могъ участвовать. Сначала всякій, мужчина и женщина, плясалъ отдѣльно, и плясалъ необыкновенно тихо. Сперва пляшущіе покачивали свои корпуса вправо и влѣво, а потомъ — отбивали ногами извѣстныя колѣна и обороты. Неучаствовавшіе въ пляскѣ должны были какъ можно болѣе разложить костровъ и зажечь смоляныхъ палокъ, чтобы пляшущимъ было свѣтло. Поплясавъ отдѣльно, всѣ, мало-по-малу, соединялись, хватая другъ друга за руки, и тогда происходила уже общая пляска, носившая названіе свада. **)

Пляска производилась подъ звуки нѣсколькихъ гуслей, которыя въ этомъ случаѣ бренчали безъ умолку, сопровождаемыя возгласами гусляровъ:

— Лёла! Лёла! Лёла! ***)

Костры горѣли все ярче и ярче, а пляшущіе, освѣщаемые ими, все болѣе и болѣе оживлялись, такъ что, потомъ, вся пиршественная поляна покрылась несмолкаемымъ гуломъ веселья. Голоса смѣшивались съ голосами, звуки гуслей съ другими подобными же

---

*) Понятно, пятая часть свѣта не была извѣстна.

**) Свада — пиръ, веселье.

***) Лёла — названіе богини любви и счастія. Лёла превратилась впослѣдствіи у Славянъ въ Ладо, можетъ быть, отъ слова — ладъ, ладить, въ ладу, т.-е. пріятное сообщество.

звуками, и далеко по окрестности разносился этотъ гамъ славянскаго неудержимаго веселья.

Въ числѣ пляшущихъ находилась и Юрица. Разгоряченная быстрыми движеніями, веселая, зардѣвшаяся, она приблизилась къ Болемиру, который, по праву высшаго, не участвовалъ въ пляскѣ, а только любовался ею.

Приблизившись къ нему, Юрица остановилась, какъ бы желая что-то сказать. Счастливый супругъ привлекъ ее къ себѣ и покрылъ ея лицо поцѣлуями.

— Милый, ладный! страстно шептала Юрица, крѣпко прижимаясь къ нему, — неужто ты повожаешь меня, такую непригожую!

Болемиръ молчалъ и сильно сжималъ ее по стану своей богатырской рукой.

— Ой, князь! ой, князь! добродушно замѣчалъ видѣвшій все это Будли.

Затѣмъ, Болемиръ и Юрица куда-то исчезли. Впрочемъ, исчезали куда-то и другіе, особенно молодые парнюги и дѣвоньки. Нѣкоторые совсѣмъ не возвращались, нѣкоторые же возвращались, и снова начинали и пляски, и веселыя игры.

Такъ все продолжалось до утра.

Утромъ нѣкоторые, утомленные, обезсиленные, заснули, гдѣ стояли, а тѣ, которые были пободрѣе — начали разбредаться по домамъ.

Угрюмо смотрѣлъ на все это могильный курганъ замученныхъ князей, еще угрюмѣе смотрѣли его сѣрые камни, а Нѣманъ — тихо-тихо урчалъ имъ всѣмъ свою однообразную, но многодумною пѣсню-сказаніе. Никто не понималъ его сказанія-пѣсни, а пѣсня его была — великая пѣсня. Пѣсню эту урчитъ онъ и теперь, и долго еще урчать будетъ, будетъ урчать не годы, а тѣсячалѣтія, и все она будетъ одна и таже: все пройдетъ, все минетъ, ничего не останется...

О, какая грустная пѣсня!...

Возвратясь въ свое жилье, старый князѣ Будли прежде всего подошелъ къ клѣти, предназначенной для молодыхъ.

— Тутъ ли? постучалъ онъ въ запертую изнутри дверь.

Нѣкоторое время отвѣта не было.

Будли повторилъ свой вопросъ:

— Тутъ ли?

Послышался легкій шорохъ, а потомъ и голосокъ Юрицынъ, тихій, добрый, счастливый:

— Тутъ, дѣдушка... А что?

— А Болемиръ тутъ?

Отвѣта почему-то не послѣдовало...

~~~~~~~~~
~~~~~~~~~

КНИГА ТРЕТЬЯ.

ПЕРЕСЕЛЕНІЕ НАРОДОВЪ.

Все лѣто и всю зиму 375 года, Венеды приготовлялись къ выселенію.

Къ веснѣ же 376 года, всѣ, кто только хотѣлъ куда либо выселяться, были уже готовы.

Поднявшіеся Венеды раздѣлились на три орды.

Одной изъ нихъ, которая избрала новымъ своимъ мѣстопребываніемъ крайній сѣверъ, управлялъ князь Олимеръ.

Другой, которая предположила направить путь свой къ западу, за Эльбу, князь Радогостъ.

Третья, и самая главная, которая должна была двинуться къ Черноморскому побережью, находилась подъ управленіемъ князя Болемира.

Всѣ эти три орды, составили не менѣе восьмисотъ тысячъ семей.

Наконецъ — насталъ моментъ — и всѣ эти три орды выселенцевъ, какъ тучи, двинулись съ береговъ Нѣмана и Балтійскаго побережья на новыя мѣста: сѣверъ, западъ и югъ...

Двинулись — и все передъ ними разступилось, все удивилось имъ, какъ новому чуду, все боязливо отступило и дрогнуло, чуя нѣчто грозное и величественное. Странная молва пробѣжала среди народовъ запада, и надолго застыла въ нихъ, чтобъ и будущимъ поколѣніямъ своимъ завѣщать и свой страхъ, и свое удивленіе передъ впервые очнувшейся страшной силой славянской...

И что же? Сила эта и по настоящее время остается еще для народовъ запада загадкой. Но — ударитъ часъ — и загадка эта для нихъ разрѣшится...

Шире же дорогу народу Славянскому!...

ГЛАВА I.

НА СѢВЕРЪ.

Глубокій сѣверъ—тайна, которую тщетно стараются постигнуть мудрецы нашего вѣка.

Сотни тысячъ лѣтъ заковали этотъ край въ ледяныя громады, которыя пугаютъ умъ человѣческій своимъ величіемъ и своею неприступностью.

А между тѣмъ, слѣды какого-то давняго, нопоняттаго существованія, попадаются тамъ на каждомъ шагу.

Нынѣшніе обитатели сѣвера, моржи и медвѣди, съ тѣми отдаленными обитателями не имѣютъ ничего общаго. Молчаливая полярная лисица, блуждающая по снѣжнымъ сугробамъ, не напоминаетъ прежнихъ, грандіозныхъ обитателей сѣвера. Все глухо. Все пусто. Голосъ природы не говоритъ тамъ ничего утѣшительнаго для сердца и не представляетъ ничего такого, что тѣсно бы вязалось съ исторіею человѣческаго рода.

А между тѣмъ, сѣверъ богатъ.

Немногіе изъ богатѣйшихъ въ мірѣ рудниковъ доставляли людямъ столько сокровищъ, сколько доставляетъ при малыхъ, сравнительно, издержкахъ арктическая китовая ловля.

Народы сѣверной Европы болѣе двухъ-сотъ лѣтъ производятъ ее съ бо̀льшимъ или меньшимъ успѣхомъ. Каждый китъ даетъ болѣе трехъ тысячъ рублей прибыли. Думаютъ, что китъ достигаетъ полнаго своего развитія въ сто лѣтъ. Самка кита производитъ за-разъ рѣдко болѣе одного дѣтеныша. Китовая ловля съ каждымъ годомъ уменьшается. Киты, однако, не исчезаютъ. Они приплываютъ откуда-то. Есть предположеніе, что это животное родится и размножается гдѣ-то близь полюса. Другое богатство сѣвера—сельди. Сельди—сами отдаются въ руки человѣка, не требуя почти ни трудовъ, ни издержекъ. Рыба эта совершаетъ ежегодные переходы съ сѣвера на югъ. Она направляется изъ Сѣвернаго океана къ югу

вдоль Америки, Европы и Великобританскихъ острововъ. Эмиграція сельдей достойна удивленія. Обыкновенно онѣ идутъ густыми стадами, простирающимися иногда въ длину отъ сорока до пятидесяти миль, въ ширину—отъ четырехъ до пяти, въ глубину—отъ тысячи до тысячи трехъ-сотъ футовъ. Путь сельдей обозначается, днемъ—рябью на поверхности моря, ночью – фосфорическимъ блескомъ воды. Эти несмѣтныя полчища сельдей, выплывая изъ морей при температурѣ много ниже точки замерзанія, ежегодно, во время эмиграціи, безвредно проходятъ черезъ полсотни степеней теплоты. Другія рыбы живутъ до извѣстныхъ градусовъ. Два богатства эти примиряютъ насъ съ сѣверомъ.

Но, несомнѣнно, была пора — сѣверъ представлялъ совершенно другую картину. Онъ былъ надѣленъ всѣми естественными благами тропическихъ странъ, всѣмъ возможнымъ плодородіемъ почвъ и благораствореніемъ климата.

Вмѣсто молчаливыхъ лисицъ, тамъ блуждали носороги, вмѣсто медвѣдей — исчезнувшіе мамонты, вмѣсто поднимающихся теперь высокихъ айсборговъ—поднимались высокіе пальмы.

Весь берегъ Сибири усѣянъ мамонтовыми костями. Ляховскіе острова — это цѣлое кладбище первобытныхъ обитателей міра. Ляховскіе острова лежатъ близъ Ледовитаго океана и открыты русскими казаками въ 1776 году. Тамъ же находятъ остатки чудовищныхъ птицъ, которыя нигдѣ болѣе не встрѣчаются. Судя по перьямъ и костямъ этихъ птицъ, онѣ вчетверо были больше нашихъ кондоровъ. *) Подъ гренландскими льдами кроются остатки величественныхъ тропическихъ растеній. На сѣверѣ находили даже окаменѣлости четырехграннаго дерева.

Ужели это не была страна тропическая?

Но что же теперь?

Теперь не то: сѣверъ застылъ. Но на долго ли? Можетъ быть, онъ снова очнется когда нибудь.

---

*) Кондоръ принадлежитъ къ роду орловъ. Кондоры преимущественно живутъ на Андахъ въ Южной Америкѣ; кондоръ нападаетъ даже на большихъ животныхъ, но, не имѣя закривленныхъ когтей, какъ другія хищныя птицы, не уноситъ своей добычи, а расклевываетъ ее на мѣстѣ. Въ кондорѣ съ распростертыми крыльями больше двухъ саженъ.

Относительно этого существуетъ слѣдующее предположеніе.

Земля наша имѣетъ, собственно, три рода движенія: годичное, суточное, и третье — чрезвычайно медленное, подъ прямымъ угломъ, обращеніе къ эклиптикѣ, слѣдствіемъ котораго должно быть то, что каждая часть земли послѣдовательно вступаетъ подъ экваторъ, и каждая отдѣльная страна проходитъ и испытываетъ всѣ нынѣ намъ извѣстныя степени теплаго и холоднаго климата. Земной шаръ, въ теченіе тысячелѣтій, могъ совершить нѣсколько такихъ обращеній.

Можетъ быть, черезъ нѣсколько тысячъ лѣтъ, сѣверъ, подъ вліяніемъ такого обращенія, снова приметъ свое экваторіальное положеніе, снова зацвѣтетъ, заблагоухаетъ, и потомъ снова одѣнется непроницаемыми массами льдовъ.

Умъ человѣческій только можетъ содрогаться передъ такими переворотами земли.

Дикъ и пустынень сѣверъ. Тамъ все имѣетъ видъ оцѣпенѣлой неподвижности. Но нѣтъ страны, которая бы, подобно ему, была подвержена такимъ внезапнымъ и изумительнымъ перемѣнамъ. Ледъ, ледъ, ледъ, то въ видѣ холмовъ, то въ видѣ равнинъ, то въ видѣ неправильныхъ массъ или высокихъ остроконечій, покрываетъ землю и воды. Но; лѣтомъ, всѣ эти массы льда начинаютъ обрушиваться, распадаться, двигаться. Раздается гулъ разрушенія громадныхъ айсберговъ, ледяныя горы сдвигаются со своихъ основаній и съ ужаснымъ громомъ ниспровергаются въ море, массы льда, примерзшія къ прибрежнымъ скаламъ, подмываются прибоемъ, теряютъ равновѣсіе, падаютъ, и далеко уплываютъ отъ берега и влекутъ за собою другія глыбы, державшіеся подпорою первыхъ. И вотъ, въ нѣсколько часовъ, все видимое пространство береговъ измѣняетъ свое очертаніе, такъ что на немъ не остается ни малѣйшаго слѣда прежняго вида. Зимою же эти ледяныя группы стоятъ неподвижно, подобно горнымъ хребтамъ, или, тревожимыя вѣтрами и морскими теченіями, тихо, едва замѣтно, передвигаются съ мѣста на мѣсто, грозно возставая другъ передъ другомъ во всей дикой наготѣ своей, и горятъ яркими, радужными цвѣтами, поражая красотой и причудливостью очертаній. Громадные айсберги по большей части представляютъ съ одной стороны — широкій фасъ, отвѣсно подымающійся, подобно скалистому обрыву, надъ поверхностью воды, съ другой—постепенно склоняются къ уровню

моря. Одни принимаютъ видъ гигантскихъ зданій, развалившихся замковъ, кораблей, идущихъ подъ всѣми парусами, другіе—представляютъ башни, шпицы, отдаленные города, или состоятъ изъ чудовищной ледяной плиты, подобно столу, поддерживаемый одною или нѣсколькими зелено-темными колоннами. Айсберги, вообще, если поверхность ихъ обмыта моремъ, имѣютъ цвѣтъ зеленый, то свѣтлый, то густой. Если же они покрыты снѣгомъ или инеемъ, то имѣютъ ослѣпительную бѣлизну и ярко блестятъ на солнцѣ. Волны моря скользя по нимъ, омывая ихъ, просачиваясь, создаютъ въ нихъ вымоины въ видѣ пещеръ и камеръ различной формы и величины, или образуютъ сѣтчатую массу, которая, преломляя солнечные лучи, окрашивается самыми дивными, призматическими красками. Глядя на айсберги, глазъ никогда не утомится ихъ наблюденіемъ: или они раскрываютъ передъ вами обширныя, правильныя амфилады, гдѣ взоры теряются въ сизой дали, или, стѣснившись, громоздятся, ползутъ, надвигаются другъ на друга, пока вся ледяная громада, достигнувъ ужасающей величины, отъ внезапнаго столкновенія, не упадетъ съ оглушительнымъ громомъ и трескомъ. Въ бурю мореплаватель нерѣдко находитъ убѣжище съ подвѣтренной стороны айсберга, къ которому причаливаетъ свое судно и укрывается какъ бы въ гавани пловучаго острова.

Плавать между этими громадами льдовъ — не легко. Это своего рода цѣлая научная система.

Есть и еще диво природы въ сѣверныхъ льдахъ. Это—миражи, миражи явственные, разительные.

Въ полдень эти явленія достигаютъ тамъ наибольшей ясности.

И всего удивительнѣе то, что преломленіе лучей приноситъ иногда тамъ въ предѣлы человѣческаго зрѣнія изображеніе такихъ предметовъ, которые въ дѣйствтельности лежатъ гораздо ниже горизонта, и, слѣдовательно, не могутъ быть видимы для вооруженнаго даже самымъ сильнымъ телескопомъ глаза.

Одинъ капитанъ, на разстояніи 160 миль, видѣлъ однажды гренландскій берегъ Гомсъ Форъ-лендъ. Берегъ имѣетъ 3,500 футовъ высоты надъ моремъ. При обыкновенномъ состояніи атмосферы, если бы высота берега была и въ 20,000 футовъ, то и тогда его нельзя было бы видѣть.

Въ другой разъ, тотъ же капитанъ увидѣлъ на небѣ обратное

изображеніе корабля. Разсмотрѣвъ его, онъ сказалъ, что это корабль его отца «Слава». Впослѣдствіи это оказалось совершенно справедливымъ. Между тѣмъ, въ моментъ наблюденія, между кораблями отца и сына было около тридцати миль, слѣдовательно на нѣсколько миль за предѣлами зрѣнія...

И мало ли страннаго, грандіознаго и дивнаго въ этомъ краю водъ, снѣговъ и безконечныхъ льдинъ....

Много, много...

И въ этотъ-то глухой, и въ этотъ-то безпріютный, хотя и чудный, край князь Олимеръ двинулъ своихъ переселенцевъ.

Переселенцы его состояли большею частью изъ позёровъ-рыболововъ.*) Тѣснимые поработителями на своей родинѣ, въ Велавѣ, Королевцѣ, Браниборѣ, Ангенбиргѣ, Судавіи,**) изобиловавшихъ рыбными озерами и рѣками, позёры-переселенцы Олимера, рѣшились лучше искать новаго богатства въ снѣгахъ сѣвера, чѣмъ отдавать уже нажитое богатство родины невѣдомому пришлецу.

Поселившись у береговъ сѣвернаго океана и сѣверныхъ рѣкъ, они надѣялись на добычливый рыбный и звѣриный ловъ.

Сборнымъ пунктомъ для сѣверныхъ переселенцовъ была назначена Велава.

Въ условное время весны 376 года, Велава, небольшой городокъ при сліяніи двухъ небольшихъ рѣкъ, впадающихъ въ Венедійское море,***) начала наполняться переселенцами, съ ихъ женами, дѣтьми и имуществомъ.

Въ звѣриныхъ шкурахъ, въ облаухихъ рысьихъ шапкахъ, переселенцы приводили въ порядокъ свое имущество, которое съ мѣста его родины, города ли, веси ли, было забрано какъ попало, потому что всякій торопился поспѣть къ назначенному времени, съ цѣлью предупредить Готовъ, которые хотѣли разбить ихъ отдѣль-

*) Въ Новгородской губ. и по настоящее время прибрежные жители озера Ильменя носятъ названіе «позёровъ».

**) Нынѣ: Велау, Кенигсбергъ, Браунсбергъ, Олецкъ, Щущинъ, Бѣлостокъ.

***) Балтійское.

ными партіями. Тихій и мирный городокъ наполнился вдругъ тысячами звуковъ и голосовъ, которые придавали ему какую-то шумную, неестественную жизнь.

Къ назначенному времени пріѣхалъ и предводитель ихъ, молодой князь Олимеръ. Объѣхавъ переселенцевъ, онъ переспросилъ у всѣхъ: дѣйствительно ли они желаютъ переселится, дѣйствительно ли они рѣшились перенести тѣ, можетъ быть, очень тяжелыя невзгоды, которыя имъ придется вытерпѣть въ невѣдомой странѣ. Отвѣтъ получился утвердительный: невѣдомая страна всякаго манила къ себѣ; не боялись ее даже жены и дѣти переселенцевъ.

И вотъ — въ одинъ день, рано на зарѣ, принесши предварительно жертву языческимъ богамъ своимъ, съ необычайнымъ шумомъ, гамомъ, скрипомъ, лаемъ псовъ, мычаніемъ коровъ и воловъ, Венеды двинулись изъ Велавы по направленію къ сѣверу.

Путь ихъ лежалъ чрезъ поселенія Куроновъ, *) а далѣе Квеновъ, **) къ сѣверному побережью Ботническаго залива, между Финскимъ заливомъ и Ладожскимъ озеромъ, а тамъ, далѣе, что ихъ ждетъ, что они найдутъ — они не знали, да и не хотѣли знать. Имъ только хотѣлось идти куда нибудь, куда нибудь двигаться, чего нибудь искать: разумѣется, лучшаго, а не худшаго. Это было какое-то странное и чудное движеніе, могшее явиться только у народа: или стоящаго на низшей степени общежительности, или — безконечно тѣснимаго другой народностью, противъ которой онъ не въ состояніи былъ стать съ вооруженной рукой.

Съ Венедами, какъ извѣстно, случилось послѣднее.

Переселенцевъ этихъ Готы не останавливали: они считали переселеніе вовсе незначительнымъ и не опаснымъ для себя. Дѣйствительно, это была самая меньшая часть поднявшихся для переселенія Венедовъ. Кромѣ того, они двинулись по направленію, которое не составляло областей Готовъ или подвластныхъ имъ народовъ, а, стало быть, и не грозило возмущеніемъ, которое бы переселенцы могли произвести въ ихъ областяхъ.

И переселенцы, не встрѣчавшіе препятствій, медленно, но упорно

---

*) Мѣста нынѣшней Старой Руссы.

**) Квены насѣляли нынѣшнюю Финляндію.

двигались все далѣе и далѣе на сѣверъ... Вотъ и страна Куроновъ, лѣсистая, болотистая... Вотъ и страна Квеновъ — гористая, изузоренная озерами... А вотъ и самый сѣверъ...

Но что на сѣверѣ сталось съ этими смѣлыми переселенцами — не извѣстно, исторіи нѣтъ... Да и откуда ей быть!...

Что могутъ передать намъ нынѣшніе поселенцы крайняго сѣвера: Лапландцы, Гренландцы, Эскимосы и Самоѣды, можетъ быть, прямые потомки двинувшихся туда Славянъ-Венедовъ?...

Никакихъ памятниковъ въ полярныхъ странахъ не существуетъ.

Одинъ французскій академикъ, путешествуя по Лапландіи, открылъ на вершинѣ горы Винзо большой камень, на которомъ, повидимому, была начертана надпись, или что-то подобное, но какъ составлявшіе ее знаки не подходили ни подъ одинъ изъ существующихъ древнихъ и новыхъ алфавитовъ, то онъ и заключилъ, — и, кажется, довольно вѣрно, — что эти начертанія произошли или вслѣдствіе природныхъ причинъ, или вслѣдствіе прихотливой игры воображенія какого нибудь туземца, вырубившаго ихъ отъ бездѣлья, безъ всякой цѣли. *)

Какъ нѣтъ у сѣверныхъ народовъ памятниковъ, такъ нѣтъ у нихъ и преданій о минувшемъ ихъ бытѣ, которыя могли бы бросить какой либо свѣтъ на ихъ исторію и дать хотя малѣйшій намекъ о томъ, что происходило до нихъ.

Первыя положительныя извѣстія о европейскихъ колоніяхъ въ сѣверныхъ полярныхъ странахъ, находятся въ путешествіи венеціанскаго мореплавателя, Зено, совершеннаго въ концѣ XIII столѣтія.

Далѣе — упоминается о какомъ-то странномъ и единственномъ событіи въ Гренландіи.

Вотъ это событіе.

Лишенный покровительства законовъ, какой-то Норвежецъ, въ XI столѣтіи, основалъ поселеніе на восточномъ берегу Гренландіи. Вскорѣ къ нему присоединились многіе изъ его соотечест-

---

*) Гумбольдъ, во время своего путешествія на Ореноко, часто встрѣчалъ на прибрежныхъ скалахъ его знаки, на столько сходные съ буквами, что считалъ ихъ достойными вниманія, пока туземцы не убѣдили его, что они были сдѣланы ихъ руками безъ всякаго значенія.

венниковъ, и привезли съ собою рогатый скотъ, хлѣбъ и земледѣльческія орудія.

Колонія въ непродолжительномъ времени сдѣлалась многолюдною: въ ней были построены церкви, училища и явились ремесла. Китовая и моржевая ловля дала жителямъ возможность вступить въ выгодную торговлю съ Норвежцами и получать отъ нихъ европейскія мануфактурныя произведенія.

Эта торговля ежегодно занимала большее число кораблей. Но около половины XIV столѣтія она вдругъ прекратилась вслѣдствіе какихъ-то неизвѣстныхъ причинъ, и сношенія между Норвегіею и Гренландіею окончились.

Впослѣдствіи Датчане и Норвежцы, желая возобновить свои торговыя сношенія съ этою колоніею, отправили туда нѣсколько кораблей; но ни одинъ изъ нихъ не успѣлъ достигнуть своего назначенія и даже не видалъ береговъ Гренландіи, по причинѣ непроницаемыхъ льдовъ, отнявшихъ всякую возможность приблизиться на разстояніи тридцати миль къ тѣмъ мѣстамъ, которыя прежде были доступны въ теченіе трехъ мѣсяцевъ ежегодно.

По примѣру Датчанъ и Норвежцевъ, многіе другіе народы старались проникнуть въ эту заточенную во льды колонію, но и эти попытки остались также безуспѣшны. И что жъ? и по настоящее время ничего не извѣстно о судьбѣ тѣхъ людей, которые такъ таинственно были отрѣзаны отъ всякаго сообщенія съ остальнымъ міромъ.

Но что же могло статься съ бѣдными колонистами?

Наблюденія мореплавателей показываютъ, что въ сѣверныхъ странахъ каждые двадцать или двадцать пять лѣтъ совершается страшный повсемѣстный взломъ льдовъ, и что массы, гонимыя вѣтрами и теченіями, устремляются къ югу и наполняютъ все пространство полярныхъ морей до тѣхъ поръ, пока не разсѣются и не растаютъ постепенно. Подобное-то періодическое явленіе, по всѣмъ вѣроятностямъ, и заточило во льды жителей восточной Гренландіи.

Картина этого событія поражаетъ воображеніе.

Въ одну бурную апрѣльскую ночь, ожидая открытія навигаціи и прибытія Норвежской фтотиліи, несчастные поселенцы внезапно были пробуждены отдаленнымъ громомъ приближающейся бѣды. Встревоженные, испуганные, они, на разсвѣтѣ, взбираются на обры-

вистыя высоты береговъ и видятъ вдали обширную и непрерывную громаду айсберговъ, грозно идущихъ съ сѣвера по направленію къ Гренладскому берегу. Большая часть этихъ плавучихъ массъ прошла къ югу, и оживила колонистовъ надеждою, что и остальныя пройдутъ тѣмъ же путемъ; но постепенное сцѣпленіе ихъ между собою и остановки, причиненныя въ ихъ пути мысами, выдавшимися оконечностями материка и дѣйствіемъ водоворотовъ и мѣстныхъ теченій, поставили многія изъ самыхъ большихъ въ совершенную неподвижносль, и гигантская ледяная стѣна вскорѣ загородила всю колонію. Стѣна росла, крѣпла, и, упрочившись въ своемъ основаніи, поднялась выше береговъ, заняла всѣ заливы, бухты и даже вышла на берегъ.

Миновала буря, льды остались, окрѣпли, и вотъ — прояснившаяся атмосфера и безоблачное небо — открыли поселенцамъ нескончаемые ряды ледяныхъ вершинъ и утесовъ, возвышавшіеся другъ надъ другомъ далеко и на сѣверъ и на востокъ..,

Глубокая и таинственная тишина царствовала повсюду, и какъ бы шептала, что природа, довольная тѣмъ, что совершила, на долго опочила отъ своей ужасной дѣятельности...

Мысль о голодной смерти и о холодѣ овладѣла всѣми, чувство самосохраненія начало постепенно вооружать колонистовъ другъ противъ друга, и наступила отчаянная борьба за уцѣлевшія съѣстныя запасы, топливо, а потомъ — стоны, проклятія, голодная смерть..

Картина ужасная!...

Не случилось ли чего либо подобнаго и съ Венедскими переселенцами, не только тамъ, гдѣ нибудь на сѣверной окраинѣ, а еще на пути, который не могъ не сулить имъ страшныхъ лишеній.

А, можетъ быть, перетерпѣвъ лишенія, — нужду, холодъ, голодъ, — они поселились у береговъ сѣверныхъ рѣкъ, озеръ, построили не хитрыя, но теплыя землянки, стали ловить рыбъ, бить звѣрей, мѣняться ими съ сосѣдними народами, и были родоначальниками Лапландцевъ и другихъ сѣверныхъ поселенцевъ...

Все можетъ быть...

ГЛАВА II.

НА ЗАПАДЪ И ВОСТОКЪ.

Орда Радогоста состояла совсѣмъ изъ другаго рода переселенцевъ. Переселенцы его были, по преимуществу, люди, которымъ нечего было жалѣть на родинѣ: изгои, *) отпущенные рабы, челядь, люди гулевые, головы безшабашные, и тѣ, кому хотѣлось людей посмотрѣть, себя показать, въ чужой землѣ счастья поискать.

Собравшись въ чудовищную араву, вооруженные, смѣлые, они сразу заполонили пространство между Вислой и Савой, начали буйный грабежъ, не щадя ни чужихъ, ни своихъ, и произвели страшный переполохъ между западными народами. Всѣ народы, обитавшіе на пространствѣ Эльбы и Роны, — Кошубы, Варны, Вагры, Фрязи, Ховоляне, Древане, Длуманы, Тунгри, Немети, Херуски и множество др., — пришли въ ужасное смятеніе. Набѣгъ Венедовъ-Славянъ былъ такъ великъ, такъ неожиданъ, быстръ, неотразимъ, что вдругъ пронеслась среди народовъ грозная вѣсть о появленіи какого-то безвѣстнаго, дикаго племени, которое не знаетъ своему звѣрству предѣла; и все бѣжало, робѣло, искало спасенія, молилось.

А безшабашный Радогостъ, со своими летучими легіонами появлялся вездѣ, гдѣ только чуялась хорошая добыча, и все жегъ, рушилъ, стиралъ съ лица земли, грабилъ, и шелъ дальше, чтобы произвести подобное же опустошеніе. Никакая сила не могла остановить его смертоноснаго движенія. Какъ орелъ, онъ появлялся вездѣ, какъ орелъ онъ и исчезалъ отовсюду. Народы затрепетали, народы почуяли нѣчто чудовищное, какую-то великую кару небесъ.

Между тѣмъ, съ береговъ Нѣмана на берега Понтійскаго моря двинулъ своихъ переселенцевъ и Болемиръ. Въ то время, какъ орда Радогоста, появляясь то тамъ, то здѣсь, производила вездѣ переполохъ и замѣшательство, переселенцы Болемира двигались тихо, стройно, сознательно. Не смотря на это, Болемиръ со своими

*) Изгой — изгнанникъ.

Главная сила сосредоточивалась въ первомъ отрядѣ, который долженъ былъ двигаться впередъ и пролагать путь для двухъ послѣднихъ, болѣе слабѣйшихъ, отрядовъ. Въ этомъ отрядѣ передовую колонну составляли *обручники*.

Они назывались обручниками потому, что носили на рукахъ и ногахъ темные, металлическіе обручи. Металлическій обручъ служилъ признакомъ храбрости и того, что носящій ихъ далъ обѣтъ всегда быть впереди на войнахъ. Многимъ изъ храбрѣйшихъ нравился такой обычай и они до глубокой старости носили этотъ знакъ, отличавшій ихъ и у непріятелей, и у своихъ. Обручники въ мирное время не имѣли ни домовъ, ни полей, и ни малѣйшей о чемъ нибудь заботы. Куда приходили, тамъ и получали свое продовольствіе. Раскошествовали чужимъ добромъ, пренебрегали своимъ собственнымъ, покуда безсильная старость не дѣлала ихъ неспособными къ такому суровому мужеству. Во всѣхъ сраженіяхъ обручники первые начинали сраженіе и, прежде всего, поражали своей наружностью. Для приданія же наружности грознаго и устрашающаго вида, они расписывали свое лицо черными и красными красками, для чего на лицѣ дѣлались ножемъ прорѣзы, брили свои головы, всклочивали длинныя, густыя бороды и носили большіе черные щиты. Рѣдкій непріятель выдерживалъ напоръ обручниковъ. *)

За обручниками шли крикуны. Обязанность крикуновъ состояла въ томъ, чтобы во время боя производить рѣзкіе и сильные звуки, которые считались необходимыми какъ для воодушевленія воиновъ, такъ и для запугиванія непріятеля. Крикуны старались производить дикіе звуки и порывистый гамъ, подставляя ко рту свои щиты, чтобъ отраженный голосъ раздавался сильнѣе и громче. Въ числѣ крикуновъ были и гадляры, нѣчто въ родѣ гусляровъ, которые передъ боемъ пѣли витязныя пѣсни, вторя своими инструментами на подобіе четырехъ струнной лиры.

---

*) Обручи эти, находимые во множествѣ въ могилахъ на всемъ пространствѣ населенія Славянъ по Европѣ, были знакомъ обѣта. Они безъ исключенія свивались изъ трехъ проволокъ въ видѣ змѣи и дѣлались изъ плохаго серебра, похожаго на желѣзо, почему ихъ и называли желѣзными. Можно полагать, что въ составъ, изъ котораго дѣлались обручи, входила нѣкоторая часть золота, большая часть серебра и часть какого-либо темнаго соединяющаго металла.

За крикунами шли обыкновенные воины, а за ними ихъ жены съ дѣтьми.

Жены у Славянъ, въ описываемую эпоху, во время войнъ, играли довольно важное назначеніе и служили самымъ сильнымъ возбужденіемъ ихъ храбрости. Воюя, воины слышали за собой говоръ женъ и крикъ дѣтей, которыя были неподкупными свидѣтелями ихъ храбрости, первыя цѣнители ихъ и восхвалители. Къ матерямъ и женамъ несли они свои раны, и жены и дочери не боялись считать ихъ и высасывать изъ нихъ разъѣдающій составъ стрѣлъ. Онѣ же приносили сражающимся пищу. и утѣшеніе.

Случалось, что павшія духомъ и бѣгущія уже съ поля сраженія войска, были останавливаемы женщинами, которыя, заграждая имъ путь грудью своею, съ настойчивой мольбой, говорили имъ о предстоящемъ плѣнѣ, при одномъ имени котораго, воины содрагались за женъ своихъ, шли впередъ и оставались побѣдителями. Да и вообще женщинамъ у Славянъ приписывалась какая-то святость и предвидѣніе, а по этому ихъ совѣтами никогда не пренебрегали. Другіе народы, знавшіе о такомъ уваженіи къ женщинамъ Славянъ, во время договоровъ съ ними, чтобъ болѣе обязать ихъ вѣрностью, брали у нихъ заложницами нѣсколько дѣвицъ знатнаго рода.

Во главѣ перваго отряда шелъ и самъ Болемиръ, а Юрица — находилась въ числѣ женъ, сопровождавшихъ этотъ отрядъ.

Семнадцатилѣтняя Юрица въ это время была уже матерью: собственными руками она носила трехмѣсячнаго крошку-младенца, и нигдѣ не хотѣла разставаться съ нимъ. Всю свою женскую, юную любовь, она сосредоточила на этомъ крошечномъ, невинномъ существѣ, на этомъ первенцѣ, въ котораго она вложила всю свою разцвѣтающую, не знавшую еще испытаній, жизнь. День и ночь она нянчилась съ нимъ, день и ночь она напѣвала ему свои немудреныя, но задушевныя пѣсни, которыя нашептали ей струи родного Нѣмана и окружавшія его дремучія и хмурыя дебри. Съ какой радостью она кормила его грудью! съ какимъ наслажденіемъ любовалась имъ, когда онъ засыпалъ у ея сердца! Отдавшись вся любовью къ младенцу, Юрица не печалилась даже о судьбѣ своего дѣдушки, Будли, котораго она покинула одного на берегахъ Нѣмана. Только иногда, при взглядѣ на какого нибудь старика, она спрашивала самоё себя: «а что теперь съ дѣдушкой? живъ ли

онъ?» Но тотчасъ же забывала дѣдушку, какъ только припоминала о другомъ существѣ — своемъ сынѣ.

Любилъ своего первенца и Болемиръ. Какъ и мать, онъ тоже много заботился о немъ, много любилъ и въ будущемъ, по обыкновенію родителей, возлагалъ на него тысячи надеждъ и тысячи ожиданій.

Даже братъ Юрицынъ, Аттила, всюду слѣдовавшій за Болемиромъ, и тотъ нерѣдко заглядывался на крошечнаго младенца и говорилъ Юрицѣ:

— Корми, корми: изъ него хорошій Венедъ выйдетъ.

Аттила, не смотря на свои отроческіе года, уже отлично владѣлъ клевцомъ, топоромъ и отлично скакалъ на̀ лошади. *) Болемиръ, полюбивъ въ немъ будущаго храбреца, приблизилъ его къ себѣ и онъ повсюду сопровождалъ Болемира, какъ юный пажъ и оруженосецъ.

Болемира всегда сопровождали еще и двое другихъ молодыхъ князей, родныхъ братьевъ, Данчулъ и Рао̀. **)

Данчулъ и Рао̀ были уже совершенно взрослые юноши и принадлежали къ одному изъ славянскихъ княжескихъ родовъ, истребленныхъ Готами.

Они принадлежали къ княжескому роду славянскаго племени Судавовѣ и примкнули къ Болемиру со своими приверженцами по пути. Свѣжіе, здоровые, полные юношескаго огня, Данчулъ и Рао̀, подобно многимъ, хотѣли отплатить Готамъ за позоръ своихъ родителей...

---

*) Въ средѣ тогдашнихъ сѣверныхъ народовъ было обычнымъ дѣломъ, что десятилѣтніе дѣти умѣли владѣть оружіемъ и скакать на́ лошади. Нерѣдко случалось, что такіе храбрецы участвовали даже въ битвахъ. Все это подтверждается множествомъ сѣверныхъ сказаній.

**) Данчулъ, иначе—Дано, Данко. Донато. Рао—Радо.

ГЛАВА III.

ТРИ БИТВЫ.

На тридцать второй день исхода съ береговъ Нѣмана, не встрѣчая со стороны Готовъ препятствій, Болемиръ приблизился къ Холмогороду.

Войска Алаѳея, Сафракса и Атанарика стояли станомъ на правомъ берегу Буга, по которому двигался Болемиръ, и чутко выжидали врага.

Болемиръ, въ свою очередь, не дремалъ: разослалъ повсюду развѣдчиковъ узнать о силѣ скопившихся въ Холмо-городѣ Готовъ, чтобы предупредительно отразить ихъ нападеніе, или, по обычаю своего народа, въ глухую ночь, нежданно-негаданно, напасть на нихъ и смять первымъ натискомъ.

Болемиру, однако, съ его многочисленными, но нестройными полчищами, приходилось имѣть дѣло съ очень искусными полководцами и стройными легіонами Готовъ. Болемиръ это сознавалъ и потому велъ свой передовой отрядъ осторожно. Онъ, какъ бы безпечно, вовсе не подозрѣвая того, что Готы намѣрены отразить нападеніе, велѣлъ расположиться отряду на берегахъ Буга для разгульной стоянки. Онъ приказалъ одной части многочисленнаго отряда разложить костры, пѣть пѣсни, играть на гусляхъ, плясать вокругъ костровъ и вообще дѣлать видъ, что отрядъ предается разгульному и безпечному пиршеству, тогда какъ другая часть отряда, съ женщинами и дѣтьми, залегла въ густыхъ сосѣднихъ заросляхъ. Готскіе разводчики были обмануты этой, далеко немудреной, уловкой, дали вѣсть стоявшимъ невдалекѣ Готскимъ легіонамъ, и Готскіе легіоны быстро двинулись на воображаемый пирующій станъ переселенцевъ.

Но только Готы приблизились, какъ съ необычайнымъ крикомъ и гамомъ, съ пылающими головнями въ рукахъ, Венеды ринулись на Готовъ, и моментально смяли ихъ...

Такъ произошла первая битва Венедовъ съ Готами на берегахъ Буга, положившая основаніе многимъ кровавымъ и страшнымъ битвамъ, безъ малаго сто лѣтъ волновавшимъ всю западную Европу и прослывшимъ великимъ переселеніемъ народовъ....

Такъ незначительно, такъ просто началась та грозная картина, которая вотъ уже тысячу пятьсотъ лѣтъ удивляетъ народы своей мрачной грандіозностью и создаетъ цѣлыя невѣроятныя сказанія, саги, квиды и легенды...

Такъ поступили тѣ, которые, впослѣдствіи, получили грозное названіе Гунновъ, народа невѣдомаго, звѣрскаго, чудовищнаго...

Просто, и что можетъ быть проще этого!...

Смятые Готы оправились, однако, отъ перваго натиска Венедовъ, получили подкрѣпленіе, устроились, и, на утро, подъ предводительствомъ трехъ полководцевъ, начали новый бой, но были окончательна поражены нахлынувшей силой Венедовъ, и бѣжали въ Холмъ.

Узнавъ о пораженіи своихъ полководцевъ, Эрманарикъ, съ лучшими своими силами, самъ вышелъ противу грозныхъ полчищъ.

И у самаго Холма—города произошла третья битва, окончательно обезсилившая Готовъ.

А Эрманарикъ, этотъ грозный властитель Готовъ, этотъ, по исторіи, непобѣдимый король, въ отчаніи убилъ самъ себя: онъ на полѣ битвы пронзилъ грудь свою собственнымъ мечемъ.

Послѣ трехъ неудачныхъ битвъ, часть Готскихъ войскъ, черезъ Люблинъ, бѣжала въ Радомыслъ и Тырновъ, а другая—заперлась въ Холмо-городѣ.

Утомленные битвой, побѣдители расположились на отдыхъ у самыхъ стѣнъ Холма-города.

Одержавъ сряду три блистательныя побѣды, непобѣдимый Болемиръ, увы! имъ не радовался.

Считая убитыхъ, раненыхъ и оставшихся въ живыхъ, онъ не досчитался своей молодой, любимой жены, Юрицы, съ младенцемъ, и куда она дѣвалась—никто не зналъ. По всему полю битвы, по сосѣднимъ лѣсамъ и зарослямъ, были разосланы посланцы искать ее; но всѣ они, одинъ за однимъ, возвратились съ недобрымъ отвѣтомъ: «нѣтъ, князь, княгини твоей, Юрицы.»

Омрачился Болемиръ, и понялъ, что Юрица взята ворогами въ полонъ.

Предположеніе его вскорѣ оправдалось...

ГЛАВА IV.

РАЗРУШЕНІЕ ХОЛМА-ГОРОДА.

На другой день, съ разсвѣтомъ, на деревянной стѣнѣ Холма, появился Готъ и громко затрубилъ въ трубу: это было знакомъ, что онъ проситъ у побѣдителей дозволенія говорить.

Въ станѣ Болемира, въ свою очередь, затрубили въ трубу, и изъ стана воиновъ выѣхалъ, верхомъ на конѣ, молодой князь Раò для переговоровъ съ Готомъ.

— Ты кто? крикнулъ Раò, обращаясь къ Готу.

— Я посланецъ князя Атанарика! отвѣчалъ громко Готъ.

— А какого ты роду? спросилъ Раò.

Такъ Раò спросилъ потому, что князю не добро было бы вести переговоры съ челядинцемъ или простымъ воиномъ.

— Я родной братъ Атанарика, честный воинъ и честный человѣкъ, отвѣчалъ Готъ.

— Чтожъ тебѣ надобно?

— А то: княгиня ваша, Болемирова жена, съ малымъ младенцемъ въ нашихъ рукахъ. Коль отойдете отъ Холма, мы отдадимъ вамъ княгиню вашу съ младенцемъ цѣлу и невредиму, а коль нѣтъ — не отдадимъ.

Раò сообщилъ Болемиру объ условіи Готовъ.

Болемиръ сперва обрадовался сообщенію, потомъ глубоко задумался: въ сердцѣ его заговорили два чувства — чувство любви и чувство дòлга. Подумавъ, Болемиръ не нашелъ ничего лучшаго, какъ собрать совѣтъ, и передъ совѣтомъ, въ немногихъ словахъ, передалъ причину, по которой онъ сòзвалъ его.

Совѣтники долго думали и, наконецъ, надумали:

— Не добро, князь, жертвовать племенемъ для одной жены съ младенцемъ. Не хорошо тебѣ, правда, жалко своей жены, а младенца — пуще, да вѣдь и всѣмъ намъ не хорошо. А коль мы разъ уступимъ Готамъ, то ужъ и дальше уступать будемъ, и изъ того, что мы начали, ничего не выйдетъ, и Готы опять начнутъ насъ распинать и рѣзать, какъ и прежде распинали и рѣзали. А, впрочемъ, твое слово, князь: какъ захочешь, такъ и сдѣлаешь.

Но князь не имѣлъ права сдѣлать иначе: слово совѣта было великое слово, и не исполнить его значило не исполнить закона родины, освященнаго вѣками.

Съ ноющимъ сердцемъ, побѣлѣвъ какъ платъ, дрожа, Болемиръ проговорилъ:

— Ладно: я отдамъ Готамъ свою жену съ младенцемъ, но и вы отдайте мнѣ души свои, коль племя для васъ дороже всего на свѣтѣ!

— Отдаемъ! отдаемъ! мы всѣ твои, князь! прокатилось по всему стану Венедскому.

Послѣ этого, Болемиръ промчался на конѣ по всему стану и повелѣлъ воямъ строится въ боевой порядокъ. Войска начали строиться, а Радо снова выѣхалъ впередъ, и закричалъ ожидавшему отвѣта Готу:

— Дѣлайте съ княгиней и младенцемъ, что хотите, а мы отъ Холма не отойдемъ, покудова не перебьемъ васъ всѣхъ, псовъ рудыхъ!

Радо погрозилъ Готу клевцомъ и скрылся въ строющихся въ боевой порядокъ войскахъ Болемира.

— Такъ знайте же, челядинцы подлые, что и вамъ не сдобровать отъ меча нашего! крикнулъ Готъ, и скрылся за стѣной.

Въ отвѣтъ ему послышался угрожающій крикъ изъ стана Венедскаго, и Венеды, обычнымъ угломъ построенія пѣхотинцевъ, начали приближаться къ стѣнамъ Холма-города. *)

Угрожающій крикъ раздался и въ стѣнахъ Холма-города: появившіеся въ большомъ количествѣ на стѣнѣ Готы издавали грозные звуки и махали въ воздухѣ мечами. Новая бревенчетая стѣна даже дрожала отъ этихъ криковъ и тяжести собравшихся на ней воиновъ. Среди Готовъ находился и самъ предводитель ихъ, Атанарикъ.

---

*) Ставили угломъ пѣхотинцевъ.—которые, надо замѣтить, играли въ войнахъ Славянъ очень важное назначеніе,—для того, чтобы, быстро развернувшись, съ большимъ удобствомъ напасть на непріятеля, при чемъ отступать съ мѣста съ тѣмъ, чтобы снова внезапно наступать, почитали Славяне военной хитростью, но не трусостію. Тѣла убитыхъ, при сомнительности побѣды, относили назадъ. Конница, сражаясь, дѣлала искусно заѣздъ вправо или влѣво, стѣсняясь въ кругу поворота, чтобъ никто не отсталъ.

Приблизившись къ краю стѣны, онъ закричалъ:

— Куда вы идете, челядинцы? мы васъ всѣхъ перебьемъ! Вы думаете, у насъ нѣтъ князя — есть князь, да еще какой, не вашему чета! Вы знаете ли Видимира? Онъ у насъ князь! Такъ идите-ка лучше по домамъ, и обрабатывайте землю, чѣмъ поднимать руку на такого непобѣдимца! А онъ за смиреніе помилуетъ васъ!

— Долой, псина негодная! раздалось нѣсколько дикихъ голосовъ изъ стана Венедскаго, и вслѣдъ за этимъ въ Атанарика полетѣло нѣсколько обоюдоострыхъ метательныхъ топоровъ; но такъ какъ пространство, отдѣлявшее враждующихъ, было слишкомъ велико, то ни одинъ изъ топоровъ не долетѣлъ даже до стѣны.

Атанарикъ разсмѣялся:

— Эхъ, вы, челядь сироматская! и топорами-то метать не умѣете! А вотъ вы поглядите-ка, какъ я мечу, на диво!

Съ этими словами онъ вывелъ на стѣну Юрицу, съ младенцемъ на рукахъ. Юрица была одѣта въ позорное рубище, которое обнажало нѣкоторыя части ея тѣла; младенецъ былъ совсѣмъ голый. Съ рабскими веригами на ногахъ, страшно блѣдная отъ слезъ и страданій, вынесенныхъ въ неволѣ, Юрица стояла съ опущенной головой.

— Видите! это ваша княгиня! кричалъ Атанарикъ. — Какъ она, и вы всѣ, со своимъ княземъ, будете въ рабскихъ веригахъ! Уйдите лучше, говорю вамъ!

При взглядѣ на свою опозоренную жену, сердце Болемира болѣзненно сжалось, защемило, а въ глазахъ вдругъ стало темнѣй и темнѣй.

— Юрица! тихо простоналъ онъ.

— Князь! чтожъ ты молчишь? заговорили въ одинъ голосъ Раò и Данчулъ. — Насъ позорятъ, а ты молчишь!

Болемиръ ничего имъ не отвѣчалъ. Онъ поднялъ свои глаза на стѣну: Юрица стояла въ прежнемъ положеніи, съ опущенной головой, и, казалось, не видѣла передъ собой ничего. Какія-то странныя мысли пробѣжали въ головѣ Болемира, и сейчасъ же исчезли. Такъ какъ Болемиръ, ѣхавшій впереди, остановился, то остановились и двигавшіеся за нимъ воины. Наступила какая-то непонятная, тягостная для всѣхъ минута. Враждующіе, казалось,

чего-то выжидали, но чего — они сами не знали. Вдругъ чей-то метательный топоръ изъ стана Венедскаго упалъ у самыхъ ногъ Атанарика.

Атанарикъ встрепенулся.

— А! вы всетаки еще не усмиряетесь, челядинцы! Такъ вотъ же вамъ ваша княгиня съ ея проклятымъ отродьемъ!

Мечъ Атанарика мелькнулъ надъ головой Юрицы; Юрица дико взвизгнула и скрылась за стѣной. Черезъ мгновенье окровавленная голова ея упала у самыхъ ногъ Болемировой лошади... Не успѣла испуганная лошадь отскочить отъ столь неожиданнаго кроваваго ядра, какъ уже, разсѣкая воздухъ, прямо на Болемира летѣла рука и нога несчастной Юрицы... За ними послѣдовалъ и изуродованный трупъ младенца...

— Вотъ вамъ ваше гадливое отродье! кричалъ Атанарикъ. — Берите, хватайте его!

И послѣ этого, въ станъ Венедскій, визжа въ воздухѣ, понеслась цѣлая туча Готскихъ стрѣлъ.

Ошалѣлъ Болемиръ, и, какъ дикій раненый звѣрь кидается на своего врага,—кинулся къ стѣнамъ Холма-города. Воодушевленные примѣромъ своего князя, также порывисто кинулись за нимъ и Венеды.

И началась битва,—битва дикая, звѣрская, и не битва, а скорѣе человѣческая бойня, не знавшая ни предѣла, ни человѣческихъ чувствъ. Какъ Божья гроза, носился Болемиръ на своей малорослой лошади, и посреди своихъ, и посреди враговъ, и всюду, гдѣ онъ только появлялся, витала неизбѣжная, тяжелая смерть. Онъ молчалъ, онъ не кричалъ своимъ воямъ обычныхъ въ битвѣ воодушевленій, но молчаніе его было лучшимъ воодушевленіемъ для остервенившихся Венедовъ, бывшихъ недавно свидѣтелями столь звѣрскаго поступка Атанарика съ беззащитной женщиной. Всѣ поняли, что князь сдѣлалъ ради народа сверхчеловѣческую жертву, и своей храбростью хотѣли искупить ее передъ нимъ.

Вскорѣ стѣна Холма-города была разрушена. Венеды ворвались въ городъ, и стали истреблять и стараго и малаго: никому не было пощады, ни младенцамъ, ни женамъ, ни дѣвицамъ. Смерть, смерть, смерть и насиліе, необузданное, мрачное, заполонило весь Холмогородъ, и продолжалось и весь день, и всю ночь.

Пользуясь темнотой ночи, Готы, со своимъ княземъ Видимиромъ и воеводами, Алаѳеемъ, Сафраксомъ и Атанарикомъ, въ страшномъ безпорядкѣ бѣжали къ восточнымъ берегамъ Днѣстра...

На утро въ Холмо-городѣ уже не рыскали воины Болемировы, отыскивая скрывшуюся жертву, а цѣлымъ потокомъ, съ трескомъ, смрадомъ, плавали волны всепожирающаго огня. И все пожралъ огонь: и дома горожанъ, и ихъ тѣла, съ женами, дѣтьми, и тѣла павшихъ въ битвѣ воиновъ, и недавно защищавшія городъ стѣны.

Въ погоню за Готами Болемиръ отрядилъ лучшую часть Венедовъ подъ предводительствомъ Радо, повелѣвъ ему не щадить ничего, что встрѣтится ему на пути, а самъ, съ остальными частями переселенцевъ, двинулся къ Кыеву.

Радо, все разрушая и истребляя на пути, вскорѣ настигъ Готовъ, которые, подъ предводительствомъ своего князя Видимира, хотѣли отразить его, но были разбиты нѣсколько разъ, и самъ князь ихъ, Видимиръ, погибъ въ одной изъ битвъ.

На мѣсто Видимира былъ избранъ малолѣтній сынъ его, Видерикъ, котораго приняли на свое попеченіе Алаѳей и Сафраксъ.

Въ 20-ти миляхъ отъ воздвигавшагося Атанарикомъ между Днѣстромъ и Прутомъ вала, Радо встрѣтилъ посланный Атанарикомъ полководецъ, Мундерикъ, наблюдавшій за Венедами и предполагавшій между тѣмъ надежно укрѣпиться. Но Радо, проницательный въ соображеніяхъ, понялъ, что передъ нимъ не главныя силы. Показывая видъ, будто онъ расположился станомъ противъ передоваго отряда, онъ переправился во время ночи черезъ Днѣстръ, разбилъ Мундерика, внезапно напалъ на Атанарика, смялъ его и заставилъ искать спасенія въ горахъ, а потомъ — за воздвигнутымъ валомъ. Но и тамъ Радо насѣлъ на Атанарика и взялъ бы его въ плѣнъ, еслибъ богатая добыча, оставшаяся въ окопахъ, не остановила его грозной быстроты.

Послѣ этого, Радо началъ опустошать Римскія области и города въ Даціи.

А между тѣмъ, большая часть войска Готскаго, нуждаясь въ самомъ необходимомъ пропитаніи, разбѣжалась отъ Атанарика искать убѣжища отъ какихъ-то новыхъ варваровъ. Послѣ долгихъ совѣщаній, предпочли идти во Ѳракію, по двумъ причинамъ: во первыхъ, по богатству урожайной почвы, а во вторыхъ, по преградѣ,

которую она представляла противъ разлива сѣверныхъ народовъ по всему протяженію Дуная.

Вслѣдствіе этого рѣшенія, Готскій полководецъ, Алавивъ, занимавшій берега Дуная, послалъ къ императору Валенсу пословъ, съ просьбой о принятіи Готовъ въ свои области, и съ обѣтомъ жить мирно и, по требованію, выставлять ему вспомогательное войско.

Такимъ образомъ, мощной рукой славянскихъ князей Болемира, Радогоста и Раδ, рушено въ 376 году по Р. Х. мрачное преобладаніе Готовъ въ Германіи и такъ называемой Скиѳіи; они изгнаны изъ міра языческаго. Императоръ Валенсъ даетъ имъ прибѣжище во Ѳракіи, въ мірѣ христіанскомъ, не только на свою голову, но и на бѣду всей имперіи. Страшныя послѣдстыя этого, далеко не радушнаго, пріема хорошо извѣстны исторіи.

Число перешедшихъ римскія границы Готовъ простиралось до милліона, между которыми считалось болѣе двухсотъ тысячь способныхъ къ войнѣ. Многіо изъ нихъ сохранили при себѣ оружіе, подкупивъ корыстолюбивыхъ римскихъ чиновниковъ. Едва Готы успѣли поселиться въ римской провинціи, какъ ихъ начали страшно притѣснять и довели ихъ до отчаянія. Обязанные покупать дурные съѣстные припасы за дорогую цѣну, Готы вынуждены были продавать своихъ рабовъ и даже дѣтей, чтобы не умереть съ голоду. Не въ силахъ будучи терпѣть долѣе несправедливости римскаго правительства, Готы возмутились и начали грабить страну...

И вотъ—раскрылась новая картина народныхъ бѣдствій...

А въ то время, какъ Радогостъ опустошалъ берега Эльбы, Рейна и Роны, Раδ—Римскія провинціи въ Даціи, Болемиръ тихо и торжественно подвигался къ берегамъ Днѣпра, къ Кыеву, назначенному столицей его новаго царства, простиравшагося уже съ береговъ Нѣмана до береговъ Дуная, съ береговъ Вислы до береговъ Днѣпра....

ГЛАВА V.

КЫЕВЪ.

По сказанію Нестора, Кіевъ основанъ тремя братьями: Кіемъ, Щекомъ и Хоривомъ, у которыхъ была сестра Лыбедь.

«И былъ, говоритъ Несторъ, около града лѣсъ и боръ великій, и они,—т.-е. братья-жители,—занимались звѣринымъ промысломъ, ибо были мудры и смыслени. При Кіевѣ, продолжаетъ Несторъ, былъ первозъ на ту сторону Днѣпра, почему и думаютъ, что Кій былъ простой перевощикъ».

Шлецеръ считаетъ всѣ эти преданія о Кіевѣ и Кіѣ сказской. За нимъ считаютъ ихъ таковыми же и другіе историки.

Нельзя отвергать, чтобы они ошибались: преданіе въ этомъ случаѣ говоритъ само за себя, сказка видима.

Стоитъ только просмотрѣть сказанія и легенды всѣхъ народовъ, чтобы убѣдиться въ этомъ. У каждаго народа есть что-либо близко подобное, что-либо подходящее. Три—это какая-то символическая цифра и служитъ любимымъ сказочнымъ мотивомъ не только у Славянъ, но и у другихъ народовъ. Еще у древнихъ Скиѳовъ, по извѣстію Геродота, существовалъ миѳъ объ ихъ происхожденіи отъ царя Таргитая и его трехъ сыновей: Арпаксая, Лейпаксая и Колаксая. Въ средніе вѣка встрѣчается у Славянъ миѳъ о происхожденіи трехъ главныхъ Славянскихъ народовъ отъ трехъ братьевъ: Леха, Чеха и Русса. Въ Ирландіи существуетъ преданіе о призваніи трехъ братьевъ съ Востока: Амелака, Ситарака и Ивора. Въ параллель съ Кіемъ, Щекомъ и Хоривомъ, въ нашей лѣтописи, на сѣверѣ, являются три брата: Рюрикъ, Синеусъ и Труворъ. Наконецъ, кто не знаетъ нашихъ русскихъ сказокъ, гдѣ цифра три играетъ всегда не послѣднюю роль.

Не отвергая значенія лѣтописи Нестора,—лѣтописи, имѣющей для русскаго народа священное значеніе, — нѣтъ, однако, надобности безусловно вѣрить ему, имѣя подъ руками другіе источники, болѣе правдоподобные. Весь недостатокъ Несторовой лѣтописи въ томъ,

что онъ далѣе Рюрика ничего не зналъ и не могъ знать. Вотъ почему онъ начинаетъ свою лѣтопись легендами. И за это его винить нельзя. Исторія всѣхъ народовъ начинается легендами, въ большинствѣ случаевъ невѣроятными и странными. Легенда о построеніи Кіева болѣе другихъ еще допускаетъ вѣроятіе. Разсказывая свою легенду о построеніи Кіева, Несторъ не знаетъ, когда онъ собственно построенъ, что еще болѣе заставляетъ сомнѣваться въ его разсказѣ. Трудно допустить, чтобы лѣтописецъ, зная о времени построенія города, могъ умолчать о немъ. Время въ этомъ отношеніи имѣетъ важное значеніе.

Исконное существованіе Кіева не подвержено, однако, сомнѣнію. Положеніе его на водномъ сообщеніи Балтійскаго моря съ Чернымъ, и при перевозѣ чрезъ Днѣпръ, на сообщеніи Европы съ Азіей, по сухому пути, составляетъ перекрестокъ, самъ собою опредѣляющій мѣсто для основанія города и кладовой для торговли.

Самъ Несторъ говоритъ:

«Полянамъ же, живущимъ по горамъ симъ, и бѣ путь изъ Варягъ въ Греки, а изъ Грекъ по Днѣпру и вверхъ Днѣпра, волокъ до Ловати, и по Ловати внити въ Ильмень озеро.»

Изъ Скандинавіи вообще, и съ острововъ Волина, гдѣ находилась знаменитая торговлей Винета, и другихъ, водный путь лежалъ по Двинѣ, до верховья близъ Смоленска; а отъ Смоленска по Днѣпру въ Грецію и Іерусалимъ.

И путь Св. Апостола Андрея Первозваннаго изъ Херсонеса въ Римъ, лежалъ по Днѣпру черезъ Кіевъ.

Лѣтописецъ повѣствуетъ:

«И увѣда, яко изъ Корсуня близъ устье Днѣпрское, и восхотя итти въ Римъ, и пріиде въ устье Днѣпрское и оттолѣ пойде по Днѣпру горѣ, и по прилучаю пріиде и ста подъ горами на березѣ, и вставъ за утра и рѣче къ сущимъ съ нимъ ученикамъ: «видите ли горы сія, яко на сихъ горахъ возсіяетъ благодать Божія: имать градъ великъ быть и церкви многи имать Богъ воздвигнути.»

Все пространство, занимаемое нынѣ Европейской Россіей, и во времена отдаленныя было заселено многочисленными Славянскими племенами, которыя носили разныя названія и жили отдѣльными общинами. Общины эти и подали поводъ называть Славянъ различными именами. Славяне носятъ въ исторіи около двадцати наз-

ваній: Скиѳовъ,*) Аланъ, Роксоланъ, Массагетовъ, Сарматовъ, Антовъ, Язиговъ, Паннонцевъ, Венедовъ, Яксаматовъ, Будиновъ, Словенцевъ, Руссовъ, Сербовъ, и др. Сами себя Славяне тоже называли различными именами какъ въ отдаленныя, такъ и въ болѣе къ намъ близкія эпохи. Кто станетъ спорить противу того, что Несторовскіе Поляне, Кривичи, Радимичи, Дулебы, Драговичи, Древляне и др. не Славяне?... Дѣло слишкомъ ясно и не требуетъ историческихъ выводовъ.

Въ числѣ другихъ Славянскихъ племенъ существовало въ 1-мъ и 2-мъ столѣтіяхъ по Р. Х. и Славянское племя, носившее названіе Кутавовъ. Племя это жило по берегамъ Днѣпра до пороговъ Днѣпровскихъ.

Селилось ли оно тамъ съ незапамятныхъ временъ или вытѣснило собой другое какое-либо Славянское племя, — исторія не даетъ отвѣта.

Племя это носило еще и другое названіе, по всѣму вѣроятію, происшедшее отъ перваго, или на оборотъ. Во всякомъ случаѣ, по нѣкоторымъ историческимъ даннымъ, оно извѣстно подъ именемъ Коуеве, которое, повидимому, есть не болѣе, какъ испорченная форма Кутавы. А Кутавы — слово чисто славянское, и весьма естественно, что Славянское племя могло носить подобное названіе. Кутъ — уголъ, пріютъ, укромное мѣсто.

Поселившись на Днѣпрѣ, мѣстѣ удобномъ во всѣхъ отношеніяхъ, Кутавы, безъ сомнѣнія, должны были основать городецъ, и они основали его, сначала, можетъ быть, въ видѣ небольшой веси, а потомъ и городца. А можетъ быть, городъ существовалъ и раньше. Птоломей упоминаетъ о какомъ-то Митрополисѣ на Днѣпрѣ. Кутавы могли только дать городу свое новое названіе и болѣе отстроить его.

---

*) Со 150 года до Р. Х. имя Скиѳовъ исчезло въ исторіи. Но какимъ образомъ оно исчезло? Истребились ли всѣ Скиѳы, или переселились куда въ Азію. Этотъ вопросъ кидался въ глаза, а потому возникли толковники: одни говорили, что Сарматы истребили Скиѳовъ, другіе объявили, что они выселились. Истребить народъ, жившій, по Ѳукидиду, на пространствѣ 16,000,000 кв. стадій, или 640,000 кв. верстъ—дѣло невозможное. Переселеніе же куда-нибудь такого народа составило бы въ исторіи цѣлую эпоху. Но никто о такой эпохѣ не говоритъ. Все это объясняется тѣмъ, что народъ остался на томъ же мѣстѣ, но явился подъ новымъ именемъ—Сарматовъ.

Несомнѣнно одно, что около 220 года по Р. Х. Кіевъ уже существовалъ, и въ немъ княжилъ Славянскій князь Гано, или Іано. *)

Относительно названія Кіева существуетъ нѣсколько предположеній. Кромѣ Нестора, который производитъ названіе отъ строителя, Кія, новѣйшіе изслѣдователи производили Кіевъ отъ кій, т.-е. палка. Въ греческихъ, латинскихъ и арабскихъ извѣстіяхъ X и XI вѣка, Кіевъ носитъ названіе Кіавы, Китавы и Куявы. **) Съ этими названіями нельзя не согласиться. Форма ихъ, имѣющая женское окончаніе, много говоритъ въ ихъ пользу. Еще во времена Птоломея, городъ, если только онъ подъ Митрополисомъ на Днѣпрѣ, разумѣлъ Китаву, носилъ прозвище матери градовъ. По Нестору, это прозваніе далъ Кіеву Олегъ, взявъ его для сѣвернаго рода князей: «Се буди мати градомъ Русскимъ» Нельзя не обратить вниманія на эту грамматическую невѣрность: Кіевъ мать, а не отецъ городъ. Народъ такимъ образомъ не могъ выразиться. Народъ говоритъ: «матушка Москва», «батюшка Питеръ». Какъ примѣръ того, что первоначальная форма Кіева была Кутава или Китава, можно указать и на то, что и доселѣ, близъ Кіева существуетъ мѣстность Китаево, съ Китаевскою пустынью, а въ Кіевской губерніи есть два Китая-городка. Остатками Монгольщины эти названія ни коимъ образомъ быть не могутъ, потому что Русскіе только и знали Монголовъ подъ именемъ Татаръ. Изъ этого видно, что названіе московскаго Китая-города оказывается далеко не единственное.

Въ описываемую нами эпоху, т.-е. въ 376 году по Р. Х., Кутавы уже носили названіе Кыянъ, форма котораго, по всѣму вѣроятію, произошла отъ Кутавы же. И съ этого же времени область Кыянская начинаетъ быть извѣстной подъ названіемъ Гуниланда, Кыевъ— Гунигарда, а нахлынувшіе туда, во главѣ съ Болемиромъ, прибалтійскіе Венеды — подъ грознымъ названіемъ Гунновъ.

Откуда же явилось подобное названіе и что оно собственно значитъ?

Гунны не называли себя этимъ именемъ. Они, по прежнему, называли себя Венедами, Вендами, Славянами. Гунны — названіе чисто книжное. Только впослѣдствіи, какъ увидитъ читатель, сое-

*) По хронологіи Торфея, онъ вступилъ на престолъ въ 222 г. по Р. Х.

**) Стриковскій и нѣкоторые другіе писатели полагаютъ, что Кіевъ построенъ около 430 года, основываясь на двухъ-трехъ позднѣйшихъ сказаніяхъ Византійцевъ. Татищевъ говоритъ, что Кіевъ есть испорченное сарматское слово Киви означающее камень и гору.

динившись съ другими Славянскими племенами, они начали носить подобное названіе, такъ какъ оно сдѣлалось грознымъ для всей Европы и служило признакомъ храбрости, безстрашія и ужаса.

Гуниландъ, Гунигардъ, Гунны — есть опять же не болѣе, какъ испорченная форма Кыевъ и Кыяне, которую дали имъ разсѣянные Болемиромъ Готы.

Названіе «Кыяне» — Готы, по своему произношенію, передѣлали сначала въ Kwäne, потомъ Quene, далѣе Choani, Cunni, Chuni, и, наконецъ — Гунни, а въ новѣйшемъ произношеніи — Гунны. Область Кыянская приняла названіе Kuenaland, Konaland, Kunaland, Huniland. А Кыевъ — Kiänugard, Konagard, Hunigard.

Разбитые и разсѣянные Болемиромъ Готы, не могли допустить, чтобы обыкновенная сила человѣческая поразила ихъ, и вотъ, по ихъ разсказамъ, историкъ Амміанъ Марцеллина, хотя и жившій въ концѣ четвертаго *) и въ началѣ пятаго вѣка, но никогда не видавшій Гунновъ, — разсказываетъ о Гуннахъ слѣдующее.

«Гунны превосходятъ всякое понятіе о звѣрствѣ. У нихъ тотъ часъ же по рожденіи младенца изрываютъ ему лицо горячимъ желѣзомъ, чтобъ истребить проявляющійся пушокъ волосъ. По этой причинѣ они возрастаютъ и старѣютъ въ безобразіи и безъ бороды, какъ евнухи. Но, вообще, они плотны, съ могучими плечами и толстой шеей. По необычайному и сгорбленному туловищу, они кажутся двуногими звѣрями, или грубой работы балванами, которыхъ ставятъ на мостахъ. Этому отвратительному человѣческому подобію соотвѣтствуетъ и грубость привычекъ. Они употребляютъ сырую безвкусную пищу, питаются полевой овощью и кой-какимъ полусырымъ мясомъ, распареннымъ между ногъ на спинѣ лошади. У нихъ нѣтъ домовъ, они избѣгаютъ ихъ какъ кладбищъ. У нихъ нѣтъ даже шалашей: съ самаго малолѣтства они скитаются среди горъ и лѣсовъ. Встрѣчая жилище, опасаются ступить на порогъ онаго, даже въ крайней необходимости; имъ страшно быть подъ крышей. На одежду употребляютъ холстъ, или шьютъ оную изъ лѣсныхъ кошекъ, куницъ и проч. Это составляетъ обычную будничную и праздничную одежду, которую они нескидаютъ съ плечь, покуда она не истреплется въ лохмотья, На головѣ носятъ перегну-

*) 377 г.

тыя на бокъ шапки. Мохнатыя ноги свои обвертываютъ бараньей шкурой. Эта безобразная обувь мѣшаетъ имъ свободно ходить, и по этой причинѣ они не способны воевать пѣшіе; но за то они какъ будто прикованы на своихъ лошадяхъ, которыя хотя крѣпки, но неуклюжи. Сидя на нихъ иногда по женски, они исполняютъ верхомъ свои обычныя занятія. Денно и ночно на конѣ, съ коня продаютъ, съ коня покупаютъ, на конѣ пьютъ и ѣдятъ и даже спятъ, склонясь на тощую гриву его. На конѣ же судятъ и рядютъ о дѣлахъ. Бросаясь въ бой безъ всякаго порядка, они несутся толпою вслѣдъ за храбрѣйшимъ».

Стòитъ ли говорить, что разсказъ этотъ, на половину, сущая клевета на Гунновъ, т.-е. на Славянъ. Славяне, дѣйствительно, всегда отличались и отличаются крѣпостью своего тѣлосложенія, быстротою движеній, умомъ, силою воли; любили употреблять на одежду холстъ и звѣриныя шкуры, что объясняется чисто климатическими условіями страны; но чтобы Славяне уподоблялись дикимъ звѣрямъ, изрывали горячимъ желѣзомъ лица своихъ младенцевъ, боялись жилищъ и проч. т. п. — это чистая ложь, ничѣмъ не оправдываемая, ничѣмъ необъяснимая, если только устранить обручниковъ, о которыхъ упомянуто выше и которые, составляя весьма немногочисленную касту, изузоривали свое лицо черною краскою. Подобная грубая легенда только и могла родиться у народа, устрашеннаго непомѣрной силой Славянскаго движенія. Порабощеннымъ и изгнаннымъ изъ сѣверо-восточной Европы Готамъ, которые десятки лѣтъ угнетали край и взросли въ убѣжденіи своей непобѣдимости, ничего больше не оставалось, какъ придать своимъ побѣдителямъ видъ демоновъ.

Тоже можно сказать и относительно происхожденія Гунновъ.

Амміанъ вывелъ Гунновъ отъ Ледовитаго моря изъ какой-то страны Кинокефаловъ, и на этомъ историческомъ основаніи, кисти и рѣзцы Авзоніи, *) перья Галліи, умы Британіи и созерцательность Германіи, могли создавать какія угодно фантастическіе образы, и создавали ихъ.

По Іорнанду, главнымъ виновникомъ причины нарожденія Гунновъ, былъ Филимеръ, сынъ Гандарика великаго, конунга Готовъ. Не изгони онъ изъ среды своего народа какихъ-то вѣдьмъ, Гунны

*) Италіи.

не существовали бы. Но онъ изгналъ ихъ въ пустыни, и это изгнаніе пало не только на головы Готовъ, но и на головы другихъ народовъ. Вѣдьмы эти, бродя по степямъ, сочитались съ какой-то вражьей силой, и произвели на свѣтъ то звѣрское племя, которое сначала было очень ничтожно и принадлежало къ числу людей только по имени, означающемъ словесныхъ.

Это сказочное преданіе напоминаетъ и повѣствованіе Геродота о Скиѳахъ, происшедшихъ отъ союза Иракла съ русалкой Эхидной, полудѣвой, полурыбой, и о Сарматахъ, происшедшихъ отъ сочетанія благорожденныхъ Скиѳовъ съ Амазонками.

По простодушію ли, или съ намѣреніемъ, въ духѣ времени, Іорнандъ на одной страницѣ своей исторіи о Готахъ помѣстилъ басню о чудномъ происхожденіи Гунновъ отъ нечистой силы, на другой — выводитъ ихъ изъ нѣдръ населенія Булгаръ.*) Путаница эта, какъ нельзя болѣе, доказываетъ, что историкъ: или, зная, что Гунны есть одно изъ племенъ Славянскихъ, былъ поставленъ въ необходимость произвести ихъ отъ нечистой силы, или онъ просто не имѣлъ никакого понятія о Гуннахъ и заимствовалъ сказаніе о нихъ у Амміана.

Тьерри, авторъ «Исторія Аттилы», увѣнчавшій труды запада по этому предмету, отвергая неестественное, счелъ болѣе благоразумнымъ вѣрить естественному, хотя ни на чемъ не основанному, происхожденію побѣдоносныхъ дружинъ Болемира отъ костей Монгольскихъ. И вотъ, вмѣстѣ съ этимъ положеніемъ, является неизбѣжно новое: движущаяся картина давленія народовъ, отъ густоты населенія въ неизмѣримыхъ пустыняхъ Сибири. Подобное давленіе будто бы Чудскаго населенія на Славянъ, Славянъ на Германовъ, Германовъ на Галловъ, Галловъ на Римлянъ, — не уступаетъ Скандинавскому разсаднику безчисленныхъ народовъ, и напоминаетъ сказаніе о томъ, какъ Александръ Великій заключилъ въ горахъ, за Лукоморьемъ, «вси сквѣрніи языци,» и что предъ кончиной міра они изыдутъ на пагубу его. Картина подобнаго движенія народовъ дѣйствительно грозно-очаровательна, но она, увы! есть чистая выдумка пылкаго воображенія повѣствователя.

Не странно то, что французъ, по живости своей натуры, могъ создать подобную сказку, а странно то, что вотъ уже десятки

---

*) Глава V и XXIII. истор. Іорн.

лѣтъ наши русскіе историки повторяютъ ее на всѣ лады и вводятъ въ руководство для юношества; повторяютъ ее даже тѣ, которые глубоко убѣждены во лжи ея. Для чего? является вопросъ. Не для того ли, что намъ стыдно сознаться въ томъ, что мы прямые потомки Гунновъ? Ложный и непонятный стыдъ! тѣмъ болѣе непонятный, если его породилъ невѣроятный разсказъ Амміана о Гуннахъ. Что же касается возстанія Гунновъ на Готовъ и сверженія ихъ ледянаго, тяжелаго ига, то этимъ мы еще должны гордиться: славянская натура не терпитъ рабства и не привыкаетъ къ нему.

Между игомъ Готскимъ, давившемъ Славянъ въ I-мъ и II-мъ столѣтіяхъ, и игомъ Монгольскимъ — въ XIII-мъ столѣтіи, — есть много общаго. Не смѣшно ли было бы, если бы какой-нибудь татарскій Амміанъ, желая оправдать побѣду русскихъ надъ своимъ, въ теченіе болѣе ста пятидесяти лѣтъ, непобѣдимымъ народомъ, вздумалъ назвать русскихъ подобіемъ звѣрей! Конечно, смѣшно!

Да и можно ли вѣрить Амміану, который тоже, подобно Іорнанду, сбивается въ своей исторіи съ предназначеннаго пути. Онъ говоритъ, что Гунны жили за Меотическимъ озеромъ близъ Ледовитаго океана, и почти слово въ слово извлекаетъ, изъ Трога Помпея описаніе, помѣщенное выше, Парѳовъ, дѣйствительно жившихъ за Меотидой; а Меотидой называлось нынѣшнее Каспійское море. Каспійско море и Ледовитый океанъ, Парѳы и Гунны — какъ, хотите, странная исторія!

По Византійскимъ историкамъ, Гунны были Киммеріяне, и, стало-быть, жили на южныхъ окраинахъ нынѣшней Россіи. А изслѣдователь Дегинь узналъ изъ Китайскихъ лѣтописей, что, до нашествія на Европу, Гунны жили между рѣкой Иртышемъ и Китаемъ.... *) Кто изъ нихъ сильнѣе совралъ?

---

*) По извѣстіямъ, будто сохранившимся въ Китайской исторіи, народъ Гунны сперва назывался Хуньюй, потомъ Сяньюнь, потомъ Гуйфанъ, а послѣ Хунну и Гунну. Наконецъ, въ различныя времена, онъ носилъ прозваніе Сяньби, Жужу, Тулга, Кидань, Татань и, наконецъ, позже всего, Монголъ, отъ названія владѣтеля Могулъ-хана. Хунъ-ну или Сюнъ-ну по-китайски значитъ злой рабъ. Въ 15 году по Р. Х. китайскій государь Ванъ-Манъ, чрезъ нарочное посольство, предложилъ Хунскому хану Шаньюй перемѣнить названіе Ханъ-ну на Гунну, на что Ханъ и согласился за богатые подарки. Гунъ-ну значитъ почтительный рабъ. — Гдѣ эти китайскія лѣтописи? и кто ихъ читалъ? Ужъ подлинно, китайская грамота.

Вообще, вся исторія Гунновъ, исходившая съ запада, преисполнена подобнаго рода противорѣчіями.

Неутомимый Ю. И. Венелинъ, извѣстный русскій славянистъ, забраковавъ самыми простыми доводами водворившееся въ исторіи нелѣпое мнѣніе о владычествѣ какихъ-то невѣдомыхъ Гунновъ-Монголовъ, на пространствѣ между Дунаемъ и Волгой, — первый провидѣлъ сквозь темноту сказаній Византійскихъ, что Гунское царство было Славянское царство, хотя названіе Гунновъ онъ и приписываетъ собственно однимъ Булгарамъ. Это мнѣніе Венелина основано на сказаніи Іорнанда, сказаніи, о которомъ только что было упомянуто, и на Византійскихъ писателяхъ, у которыхъ до X вѣка за-Дунайскіе варвары*) слыли безразлично, то Скиѳами, то Сарматами, то Гуннами, то Булгарами, то Руссами, потому что Греки понимали подъ всѣми этими названіями одинъ и тотъ же народъ Славянскій, какъ мы, подъ названіями Турковъ, Оттомановъ, Магометанъ, Османли, Сарацинъ, понимаемъ породу Измаелитовъ.

Историкъ-филологъ П. I. Шафарикъ, изысканія котораго доставили столько драгоцѣнныхъ матеріаловъ для объясненія Славянскаго міра, особенно среднихъ временъ, не затрогивая западныхъ ученыхъ мнѣній, не колеблется сознать Гунновъ Славянами.

Въ германскихъ народныхъ сказаніяхъ подъ именемъ Гунновъ разумѣются Славяне.

Въ сѣверныхъ квидахъ и сагахъ — гуннскіе богатыри — Ярославъ, Ярожиръ и проч., обличаютъ въ себѣ Славянъ.

Саксонъ-Грамматикъ, Славянъ и Гунновъ принимаетъ за одинъ и тотъ же народъ.

«Всѣ Славянскія земли, пишетъ Гельмольдъ, лежащія на востокъ и исполненная богатства, нынѣ называются Гунигардъ, по бывшему въ нихъ населенію Гунновъ. Тамъ столичный городъ Chue.» Адамъ Бременскій, этотъ столичный городъ Гунновъ называетъ Chiven.

Но что всего лучше доказываетъ о чисто славянскомъ происхожденіи Гунновъ, такъ это записки Ритора Приска, заключающіеся въ выпискахъ изъ статейныхъ книгъ посольства императора

---

*) Эпитетъ варвара значитъ тоже, что Славяне не Греки и не подчинялись эллинской премудрости.

Ѳеодосія къ царю Гунновъ въ 448 году. Прискъ велъ эти записки, состоя при послѣ Максиминѣ. Онъ самъ былъ свидѣтелемъ всего имъ описаннаго, и очень остался доволенъ Гуннами и ихъ столицей.

Одинъ Грекъ, женившійся и поселившійся среди Гунновъ, коротко и ясно описалъ Приску, бытъ Гуновъ. Онъ сказалъ: «Здѣсь каждый владѣетъ спокойно тѣмъ, что у него есть, и никому не придетъ въ голову притѣснять ближняго.»

И этотъ-то народъ, и этихъ-то Гунновъ, въ средѣ которыхъ «никому не придетъ въ голову притѣснять ближняго», назвали подобіемъ звѣрей! И этотъ-то народъ, если вѣрить легендамъ и хроникамъ VII, VIII, и IX вѣковъ, не оставилъ, гдѣ проходилъ, камня на камнѣ!

Еще лучше: по мнѣнію среднихъ временъ, каждое созиданіе принадлежитъ Юлію Цезарю, каждая развалина, по всѣмъ правамъ, Гуннамъ. Если лѣтописцу нужно было знать время раззоренія какого-либо города, а агіографу время мученичества, то хронологія не затруднялась приписывать всѣ разрушенія и истязанія нашествію Гунновъ.

А между тѣмъ, Гунны были не болѣе, какъ побѣдители и гонители враговъ своихъ: Готовъ, Римлянъ и Византійцевъ. Правда, нѣсколько жестокіе побѣдители; но, вопросъ, лучше ли ихъ поступали съ побѣжденными тѣ же самые Готы, Римляне и Византійцы?

Гунны ведутъ войну съ Греціей, съ Римомъ, съ Готами, со всей остальной Европой. Но что же имъ дѣлать, если вмѣсто соблюденія мирныхъ договоровъ по взаимной клятвѣ, съ одной стороны хотятъ врѣзаться въ ихъ тѣло, съ другой—всосаться, а съ третьей—подносятъ заздравный кубокъ съ ядомъ, какъ Олегу у воротъ Цареградскихъ.

Гунны побѣждаютъ и Грековъ, и Римлянъ, и Готовъ; но какой же побѣдоносецъ не побѣждаетъ? И Римъ побѣждалъ для того, чтобъ утучняться. А Гунны отрѣзали ли хоть кусокъ чужой земли? Нѣтъ! Гунны, кромѣ дани, ничего не брали съ побѣжденныхъ.

Гунны Болемира были простые и добрые Славяно-Венеды, которыхъ одинъ только гнетъ деспотическій и заставилъ двинуться на берега Эльбы, Дуная и Борисѳена, и, очень понятно, все рушить на пути, что только сопротивлялось ихъ грозному движенію на новыя мѣста...

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

СТОЛИЦА ГУННОВЪ.

ГЛАВА I.

ВЪѢЗДЪ ВЪ КЫЕВЪ.

Шумно и торжественно въѣхалъ Болемиръ въ свою новую столицу — Кыевъ.

Не великъ и не красивъ былъ въ это время Кыевъ.

Разбросанный, не кидавшійся въ глаза, онъ состоялъ изъ однѣхъ деревянныхъ строеній: клѣтей, теремовъ, мылень и медушъ, обнесенныхъ высокимъ частоколомъ и утопавшихъ въ зелени садовъ. *) Но за то прочны были эти терема и клѣти и долго служили своимъ обитателямъ надежнымъ кровомъ.

Славяне того времени вообще любили строится не красиво, но прочно. Битвы, шумные перевороты, періодически волновавшіе пространства, занимаемыя нынѣшнею южною Россіею, пріучили ихъ къ тому. И не то, чтобы бѣдность заставляла Кыянъ строится не красиво, а просто неумѣнье роскошничать. Въ то время роскошь еще не была занесена къ Славянамъ съ востока, хотя они и имѣли съ нимъ постоянныя сношенія. Роскошь появилась между Славянами только со временъ столкновенія ихъ съ Римлянами.

Хотя Несторъ и повѣствуетъ «и былъ около града лѣсъ и боръ великій», но окрестности города, по свойству своей почвы, едва ли изобиловали огромными лѣсами. Почва окрестности песчана и не-

*) Мыльня — баня, медуша — погребъ, иначе — лазня.

плодородна, а на востокъ тянется безконечная голая плоскость. Сомнительно, чтобы когда нибудь на ней была богатая растительность. А запросъ на лѣсъ существовалъ. Постройка судовъ, необходимыхъ Кыянамъ для торговыхъ сношеній съ сѣверомъ и югомъ, требовала рослаго и прочнаго лѣса. Поэтому, лѣсъ и готовыя суда доставлялись въ Кыевъ съ сѣвера, по Днѣпру, отъ Смолянъ, Кривичей и Ленчанъ. Судовая торговля составляла единственное богатство Кыянъ, и тамъ же было сборное мѣсто для кораблей. Вслѣдствіе этого, у нѣкоторыхъ народовъ Кыевъ носилъ названіе Sambatas. *)

Войсковое сословіе Кыянъ, князья и дружина, проводили зиму на охотѣ. Въ это время производилась въ лѣсахъ ловля звѣрей и сбиралась съ подданныхъ обычная дань мѣхами. Когда же Днѣпръ вскрывался, то, въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, они возвращались въ Кыевъ и, вооруживъ суда свои, предпринимали обычное путешествіе въ Грецію, чтобы мѣнять скору, то-есть: мѣха, воскъ, медъ и плѣнныхъ на шелковыя и золотыя ткани, золото, серебро, вина и овощи Греціи. Торгъ производился на маркахъ, **) т.-е. на пограничныхъ мѣстахъ, весной и осенью, въ дни, которые соотвѣтствовали нашимъ днямъ — Юрья и Ивана Купалы. Торгъ съ Греціей производился близъ р. Истра (Дуная), противъ укрѣпленія Констанціи, въ мѣстѣ, которое называлось также Màруосъ.***) Станція Кыянъ, при поѣздкѣ въ Грецію, была при устьяхъ Днѣпра, или въ лиманѣ Днѣпровскомъ, на островѣ, называемомъ Греками Эйфаръ, ****) а Славянами Вулнипрагъ. Греческая же станція, при поѣздкѣ моремъ въ Кыевъ, была въ пограничномъ городѣ Одиссѣ, который, полагаютъ, находился на мѣстѣ нынѣшняго Очакова.

Сказаній, прямыхъ или косвенныхъ, о княжествѣ Кыянскомъ до 222 года вовсе не существуетъ. И объ Гано, княжившемъ въ Кіевѣ съ 222 года, упоминается мимоходомъ; о немъ упоминается, какъ объ отцѣ, князѣ Кыянскомъ, выдавшемъ свою дочь, Ганущу,—иначе Hanunda,—за Датскаго короля, Фродо III, и какъ

---

*) Примѣчаніе Хагена къ изданію Нибелунгенліедъ.

**) Начальный смыслъ этого слова отъ божества предѣла—Маро.

***) Надо полагать: или при устьѣ Моравы, или же при Кюстенджи.

****) Во имя Св. Ейѳерія.

о героѣ кровавой битвы съ Готами въ союзѣ со ста семидесятью князьями. Потомъ говорится о Яровитѣ, который обладалъ всѣмъ восточнымъ царствомъ и во владѣніи котораго были Кыевъ, Смоленскъ, Пултускъ и Холмоградъ. Когда одинъ изъ Скандинавскихъ князей, Нордіанъ, наслѣдовалъ свое великокняженіе, Яровитъ поднялъ на него оружіе, побѣдилъ и ограничилъ владѣніе Нордіана только Зеландіей. Изъ этого слѣдуетъ, что Яровитъ далеко распространилъ предѣлы своего княжества, по крайней мѣрѣ—былъ неограниченнымъ властелиномъ прилегающихъ къ его княжеству съ сѣвера земель, и однимъ изъ храбрѣйшихъ князей Славянской земли. Долго ли княжилъ Яровитъ — сказаніе умалчиваетъ, но еще при жизни своей, онъ, по обычаю страны, раздѣлилъ владѣнія свои между тремя сыновьями: Остроемъ, Ольгомъ и Владиміромъ. Княжество Кыянское досталось на долю Ольга, иначе Иліаса *).

Черезъ тридцать лѣтъ послѣ вступленія на престолъ Кыянскій Гано, Готы, вытѣсненные около 189 года съ Балтійскаго моря къ Черному, вторглись въ Мизію и Ѳракію. Императоръ Декій двинулся на Готовъ со своими войсками, но Готы овладѣли городомъ Филиппополемъ и въ 251 году близъ Абрита, не въ дальнемъ разстояніи отъ нынѣшней Варны, разбили его на голову. Самъ императоръ, вмѣстѣ съ сыномъ, погибъ въ этой битвѣ отъ измѣны своихъ полководцевъ. Склоненные на миръ преемниками Декія подарками и ежегодной данью, Готы обратили свое оружіе на востокъ и покорили всѣхъ народовъ, жившихъ между Днѣпромъ и Дономъ.

Съ этихъ поръ Кыевъ, вмѣстѣ съ другими областями Славянскими, находился подъ властью Готовъ включительно до 376 года, когда мощной рукой Венедскаго князя, Болемира, рушено было тяжкое преобладаніе Готовъ надъ землей Славянской...

Долго томившіеся подъ гнетомъ Готовъ, Кыяне, встрѣтили Болемира, какъ своего долго-жданнаго спасителя, о которомъ они молили боговъ своихъ денно и ночно. Въ теченіе болѣе чѣмъ ста двадцати лѣтняго рабства, Кыяне, подобно Венедамъ, много разъ поднимали оружіе на поработителей своихъ, но каждый разъ сила

---

*) «Вилькина-Сага» — сказаніе о родѣ князей Славянскихъ.

Готовъ подавляла ихъ, и они должны были смиряться, платить непосильную дань и служить у Готовъ низкой челядью. Злоба ихъ молчала, сила ихъ служила на пользу поработителей.

Болемиръ и въѣхалъ въ Кыевъ не какъ побѣдитель, а какъ долгожданный гость.

При приближеніи его къ Днѣпру, все Готское населеніе Кыева и его окрестностей, состоявшее большею частію изъ войсковаго сословія, подобно своимъ западнымъ собратьямъ, ринулось къ берегамъ Дуная. Быстро разнеслась между ними вѣсть о приближеніи съ сѣвера къ Черноморью какой-то чудной, невѣдомой породы людей, которая на своемъ пути все жжетъ, рушитъ, уничтожаетъ,— и все Готское населеніе, отъ береговъ Дона до береговъ Днѣпра, отъ береговъ Прута до береговъ Таврическаго полуострова, пришло въ страшное смятеніе. Не такъ пугали Готовъ побѣды невѣдомаго народа, какъ его грозное, несмѣтное, спокойное движеніе изъ одного края въ другой. Не было еще примѣра, чтобы цѣлый народъ, со своими семьями, съ имуществомъ: скотомъ, товарами, рухлядью, со всякаго рода домашними орудіями, — двигался изъ края въ край. Правда, были передвиженія, но передвиженія, собственно, одного войсковаго сословія, которое силою оружія пролагало себѣ новый путь на новыя мѣста, или—одной части народа. А тутъ вдругъ движется цѣлый народъ, движется какъ неотразимая туча, гроза, ураганъ. Дрогнули Готы, и, въ свою очередь, двинувшись къ берегамъ Дуная, подавили другихъ народовъ. И вотъ — весь Западъ заколыхался, заговорилъ. Страшная молва, какъ молва о чумѣ, пронесла повсюду грозную новость, что между сѣверными народами идетъ страшная смута, что все пространство Дуная, отъ Понта до границъ Маркоманновъ и Квадовъ,*) наводнено безчисленнымъ множествомъ варваровъ, Готовъ, изгнанныхъ изъ своей родины народомъ неизвѣстнымъ, и покрывшихъ весь берегъ Дуная скитающимися толпами...

И это поражающее, но довольно естественное событіе, названо историками — великимъ переселеніемъ народовъ...

Какъ долго-жданнаго гостя, Кыяне и встрѣтили Болемира.

---

*) Маркоманны—Моравы, Квады—Чехи.

Болемиръ съ небольшимъ отрядомъ любимыхъ витязей всегда ѣхалъ впереди своего чуднаго войска-переселенцевъ.

Со дня смерти Юрицы, Болемиръ совершенно измѣнился: сдѣлался мрачнымъ, грознымъ, жестокимъ, и дѣйствительно сталъ походить на чудовищнаго предводителя чудовищнаго войска. Онъ поступалъ жестоко даже со своими Венедами, которые, не взирая на это, еще болѣе полюбили его, смотрѣли на него со страхомъ, уваженіемъ и видѣли въ немъ предводителя, ниспосланнаго для ихъ спасенія самимъ небомъ. Не проходило дня, чтобы онъ не налагалъ на кого нибудь своей мрачной опалы. Казни совершались ежедневно. За малѣйшій проступокъ — проступившаго ждала смертная казнь. Казнь совершалась въ виду цѣлаго народа и очень просто: преступника, въ одной рубахѣ, выводили предъ народомъ, въ двухъ словахъ объявляли его вину, и потомъ нѣсколько человѣкъ быстро, какъ попало, рубили его топорами. Болемиръ всегда присутствовалъ при совершеніи казни, равнодушный, спокойный. Когда же казнь совершалась, онъ обращался къ народу съ небольшой рѣчью, заключавшейся въ слѣдующихъ словахъ:

— Со всякимъ будетъ поступлено такъ, кто нарушитъ законы своей родины. Если и я нарушу ихъ, то каждый изъ васъ можетъ кинуть въ меня свой топоръ. Кто знаетъ за мной преступленіе — кидай топоръ! Вотъ грудь моя, вотъ мое тѣло!

Народъ всегда отвѣчалъ ему криками восторга, потому что Болемиръ еще никогда и ни разу не проявлялъ своей несправедливости предъ народомъ. Между тѣмъ, народъ, имѣя предъ глазами такіе примѣры, привыкалъ къ постоянной справедливости и грозной суровости. Всегда разъединенные, занимавшіеся преимущественно торговлей, Венеды только въ это время поняли, какъ можетъ быть великъ и ужасенъ народъ, взрощенный среди испытаній и гоненій. Болѣе чѣмъ триста тысячъ семей поняли, что для такого народа не существуетъ преградъ на землѣ и все мелкое, низкое, всегда, испуганно и подобострастно, преклонитъ передъ нимъ свою недостойную голову.

И эти триста тысячъ семей, какъ одинъ человѣкъ, приблежались къ берегамъ Днѣпра, чтобы создать тамъ свое новое отечество подъ управленіемъ грознаго Болемира.

Всѣ Кыяне, отъ мала до велика, старики и жены, вòи и смерды,

юноши и дѣвицы, вышли на встрѣчу страшному побѣдителю. Впериди, по обычаю, шелъ хоръ молодыхъ, пригожихъ дѣвушекъ, подъ длинными бѣлыми покрывалами, и, сверхъ того, подъ полагами, которые несли красивыя женщины. Хоръ дѣвушекъ пѣлъ Болемиру славу.

Тяжко ти головѣ, кромѣ плечю,
Зло ти тѣлу, кромѣ головы:
Нашей земли безъ князя великаго
Солнце свѣтилося на небесѣ —
Князь великій въ нашей земли.
Дѣвицы поютъ за Немизою,
Вьются голоси, чрезъ поля, до Кыева,
Ѣдетъ князь на Няпру.
Страны ради, гради весели,
Пѣвше пѣснь старому князю
И потомъ молодымъ... *)

За дѣвицами, съ хлѣбомъ и солью на большомъ серебряномъ блюдѣ греческой работы, съ большой серебряной чарой хіоскаго вина, встрѣтили Болемира старѣйшины города, сѣдобородые и сѣдоусые старики. **)

Болемиръ, не слѣзая съ коня, испилъ поднесенную ему чару вина, вкусилъ хлѣба съ солью, и поѣхалъ, въ сопровожденіи своихъ витязей, Кыевомъ, къ приготовленнымъ для него хоромамъ. Народъ все кричалъ ему «славу» и кидалъ подъ ноги его коня одежды, цвѣты и плоды...

Въ тотъ же самый день, къ вечеру, близъ Кыева, на нагорной сторонѣ, расположился станомъ первый отрядъ переселенцевъ Венедскихъ. До Кыева доносились звуки трубъ, оружія и необы-

---

*) Пѣснь эта — нѣсколько переиначенный текстъ пѣсни Игорю Святославичу. Пѣвецъ Игоря Святославича указываетъ ею, какою пѣснью встрѣчали Русскихъ князей стараго времени. — Немиза — Нѣманъ. Няпру употреблялось въ просторѣчіи вмѣсто Днѣпръ.

**) Поднесеніе хлѣба-соли съ виномъ считалось у прежнихъ Славянъ, болѣе даже, чѣмъ теперь, знакомъ высокаго уваженія. Кому подносились эти знаки уваженія, тотъ очень гордился ими.

iный говоръ народный; а вечеромъ, по всему протяженію Бори-
>на, запылали яркіе костры и раздались звуки гуслей и литав-
ъ: Венеды ликовали свое прибытіе на излюбленные ими берега
ѣпровскіе. Съ нѣкоторымъ страхомъ и трепетомъ взирали Кыяне
эти ярко-пылающіе костры пришлицовъ-спасителей, и, въ свою
эредь, ликовали благое спасеніе онъ ненавистнаго имъ племени
гскаго.

Всю ночь по водамъ Берисѳена сновали ладьи Кыянскія, изу-
ашенныя огнями, холстинами, дорогими парчами, и пѣлись гром-
пѣсни, восхвалявшія храбрость и непобѣдимость новаго вели-
'о князя, Болемира. Въ самомъ Кыевѣ было не меньшее лико-
іе: старѣйшины повелѣли выкатить народу множество бочекъ
рыхъ медовъ, хорошихъ брагъ, квасовъ, вынести жареныхъ
ковъ, барановъ, кабановъ, цѣлыя груды хлѣбовъ, кашъ, лепешекъ,
тихъ съѣдобныхъ снастей, — и народъ пилъ и ѣлъ во славу
эунову и во славу новаго великаго князя, Болемира.

А Болемиръ уединился, между тѣмъ, въ занятыхъ имъ хоро-
къ, и, окруженный старѣйшинами, держалъ совѣтъ: какъ рас-
эдѣлить переселенцевъ Венедскихъ.

После долгаго совѣщанія, рѣшено было раздѣлить переселен-
въ еще на три части: одну двинуть къ порогамъ Днѣпровскимъ,
двѣ оставить въ Кыевѣ и окресностяхъ его.

Едва кончилось совѣщаніе, какъ въ хоромы къ Болемиру яви-
сь жрецы Кыянскіе и просили, въ возблагодареніе боговъ за
ль радостное событіе, принести жертвы человѣческія. Болемиръ
ъявилъ свое согласіе и обѣщалъ быть на празднествѣ.

Жертвоприношеніе назначено было на утро слѣдующаго дня.

ГЛАВА II.

ЧЕЛОВѢЧЕСКІЯ ЖЕРТВЫ.

Свѣжее и пріятное утро глянуло на Кыевъ послѣ буйной ночи
эобщаго пиршества. Слѣды пиршества еще не совсѣмъ изглади-
сь: еще много ходило по Кыеву хмѣльныхъ головъ, еще много

оставалось не допитыхъ медовъ, и Кыяне допивали ихъ, охмѣляя себя и ихъ сладостью, и сладостью гусляровыхъ пѣсенъ.

И въ то время, когда стогны Кыева еще оглашались веселыми голосами запоздалыхъ любителей хмѣльныхъ медовъ, одинъ изъ возвышенныхъ береговъ Днѣпра оглашался совсѣмъ другаго рода звуками: тамъ воздвигался чудовищный костеръ изъ камня и дерева.

Костеръ этотъ воздвигался у подножія высокой, каменной, изъ сѣраго гранита, статуи Перуна, мечущаго изъ правой руки громъ и молоніи въ видѣ длинныхъ, крылатыхъ стрѣлъ.

Сначала, на пространствѣ одной квадратной сажени, были положены въ нѣсколько рядовъ булыжные, обтесанные въ квадратъ, камни. Вышина ихъ простиралась до двухъ аршинъ.

На камни былъ положенъ не высокій срубъ, въ одинъ рядъ, изъ свѣжаго сосноваго лѣса.

Возлѣ сруба, съ восточной стороны, былъ положенъ квадратный, черный камень, камень — священный, жертвенный.

Въ срубъ накидали множество сухаго дерева, хворосту, какихъ-то символическихъ, изъ дерева, изображеній, и костеръ былъ готовъ.

Немного ранѣе полдня — къ костру направилась жертвенная процессія.

Впереди всѣхъ одинъ Кыянинъ велъ бѣлоснѣжнаго коня, съ длинной, заплетенной гривой и хвостомъ и съ раскрашенными копытами.

Конь этотъ былъ — священное животное, и содержался жрецами въ священной рощѣ. Тамъ его кормили, холили, тамъ онъ, устарѣвъ, околѣвалъ, тамъ же его и погребали съ особеннымъ почетомъ и языческими обрядами.

Содержаніе священнаго коня составляло одну изъ важнѣйшихъ обязанностей жрецовъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, бѣлый конь служилъ эмблемой ихъ чистоты и власти. Особенно много хлопотъ доставляло жрецамъ, вслучаѣ смерти коня, отыскиваніе таковаго же новаго. Въ кастѣ жрецовъ это отыскиваніе составляло цѣлую эпоху. Когда конь находился — жрецы успокоивались, когда же его не было — прекращались всѣ жертвоприношенія, а поэтому жрецы передъ народомъ теряли и свое значеніе и свою силу на его духовный бытъ.

А между тѣмъ, отъ коня требовалось очень немногаго: по его ржанію, къ которому его возбуждали, узнавали: будетъ ли жертва угодна языческому богу, или нѣтъ.

Выводимому изъ ржанія коня предзнаменованію вѣрилъ не только простой народъ, но и люди высшаго сословія. Они полагали, что бѣлый конь, служа божеству, составляетъ и повѣреннаго божества.

Никогда не случалось, чтобы жертва не была угодна богу, потому что всякое ржаніе коня жрецы ловко истолковывали въ свою пользу.

За конемъ шли два жреца въ бѣлыхъ балахонахъ, съ дубовыми вѣнками на головахъ. Балахоны ихъ были подпоясаны широкимъ пурпуровымъ поясомъ. Каждый изъ нихъ держалъ въ рукахъ длинный жертвенный ножъ.

За жрецами шли обреченные на жертву: отрокъ и отроковица.

Несчастные были покрыты съ головы до ногъ холщевымъ мѣшкомъ.

Они не шли, а скорѣе были несомы: ихъ вели и поддерживали четверо жреческихъ прислужниковъ.

Вслѣдъ за обреченными, окруженный множествомъ Венедовъ, ѣхалъ самъ Болемиръ, виновникъ настоящаго торжества.

Какъ-то тупо и странно смотрѣлъ онъ на всю эту торжественную процессію.

Напоминала ли она ему что-либо грустное, или онъ, по обыкновенію побѣдителей, и какъ новый могущественный царь Славянскій, считалъ для себя подобную жертву совершенно естественною и необходимою, только онъ не подавалъ ни малѣйшаго признака участія къ тому, что вокругъ него происходитъ.

За Болемиромъ, пѣшкомъ и на коняхъ, тянулась громада Венедовъ-побѣдителей; а за ними — сотни Кыянъ, одѣтыхъ въ самыя разнообразныя праздничныя одежды.

Приблизившись къ приготовленному костру, бѣлый конь вдругъ заигралъ, началъ весело подниматься на дыбы и заржалъ тѣмъ веселымъ, тѣмъ гордо-сознательнымъ голосомъ, которымъ дикіе свободные кони ржутъ, почуявъ близость такихъ же, какъ и они, свободныхъ и быстрыхъ, какъ вѣтеръ, обитателей безпредѣльныхъ, зеленѣющихъ степей.

Вся толпа народа, двигавшаяся къ костру, какъ одинъ человѣкъ, издала крики радости, потому что она слышала явное предзнаме-

нованіе, что предполагаемая жертва угодна Перуну и будетъ принята, имъ съ любовью.

Значеніе коня кончилось, и его снова повели въ священную рощу, до новаго требованія.

Начиналось значеніе жрецовъ.

Подойдя къ жертвенному камню, оба жреца пали предъ нимъ ницъ.

Полежавъ такимъ образомъ нѣкоторое время, они встали и начали осѣнять камень какими-то таинственными знаками, ножемъ и руками.

Послѣ этого, къ нимъ подвели отрока и отроковицу.

Съ нихъ сняли мѣшки, и несчастные предстали предъ народомъ во всемъ ужасѣ ожидающей ихъ участи.

Блѣдные, дрожащіе, съ дико блуждающими взорами, они, казалось, потеряли всякое сознаніе, и походили на ягнятъ, въ глазахъ которыхъ рѣжутъ ихъ кормилицу-мать.

Затѣмъ, въ груду хвороста, который былъ накиданъ въ середину костра, одинъ изъ жрецовъ, шепча про себя молитву, кинулъ искру священнаго огня.

Огонь этотъ былъ принесенъ изъ священной рощи, и получился отъ тренія одного дерева объ другое, въ священной же рощѣ.

Костеръ быстро вспыхнулъ, а пламя сразу высоко поднялось къ небесамъ.

Это было новымъ знакомъ того, что жертва угодна Перуну и будетъ имъ принята съ любовью.

Далѣе слѣдовала главная часть жертвоприношенія — зарѣзываніе обреченныхъ.

Первымъ былъ зарѣзанъ отрокъ.

Онъ даже не вскрикнулъ, когда ножъ жреца коснулся его горла: тихо, какъ подкошенный колосъ, онъ упалъ на землю.

Жрецъ сейчасъ же обрубилъ у него руки, ноги и голову.

Сначала на костеръ была брошена голова, потомъ руки, а потомъ — голова и ноги.

Синеватымъ и смраднымъ пламенемъ вспыхнулъ костеръ, когда на него упало человѣческое мясо.

Съ каждой минутой смрадъ становился сильнѣе и тяжелѣ; но народъ, исполненный божественнаго настроенія, казалось, не только

съ охотой, но даже съ наслажденіемъ вдыхалъ въ себя этотъ отвратительный запахъ...

Вскорѣ огонь снова запылалъ яркими, свѣтлыми полосами, испуская легкій, синеватый дымокъ.

Очередь была за отроковицей.

Съ отроковицей не такъ легко было справиться.

Несчастная дѣвушка, полная, вѣроятно, надеждъ на жизнь и счастіе, не хотѣла умирать за благо народное, котораго она еще не понимала.

Она долго билась, стонала, кричала, молила о пощадѣ.

— Матушка! кричала она, — ратуй меня, бѣдную! ратуй!...

Въ отвѣтъ ей, въ толпѣ народа, которая находилась ближе къ костру, раздалось дикое, неудержимое рыданіе, изъ котораго тяжело и быстро вырывались болѣзненныя, многострадальныя слова:

— Дочь моя! дочь!...

Народъ молчалъ. Въ воздухѣ тоже была тишина невообразимая. Яркое лѣтнее солнце высоко уже стояло на небѣ и благодатно освѣщало и весь Кыевъ, и всю эту громадную толпу народа, собравшуюся для безчеловѣчнаго зрѣлища. Только одинъ Днѣпръ, на берегу котораго происходила эта страшная, безцѣльная картина, спокойно, но точно съ недовольствомъ и озлобленіемъ, плескался и урчалъ, неся свои возмутившіяся воды далеко-далеко отъ мѣста безумнаго приношенія. Зато истуканъ Перуна, ярко освѣщаемый и лучами лѣтняго солнца и пламенемъ разгорѣвшагося костра, стоялъ во всемъ величіи языческаго бога и какъ бы торжествовалъ свою языческую, кровавую славу...

Жрецъ, съиздавна привыкшій къ подобнаго рода крикамъ и моленьямъ обреченныхъ, какъ кричала и молила отроковица, хотѣлъ уже занести надъ ней свой тяжелый жертвенный ножъ, какъ Болемиръ громко крикнулъ:

— Стой, жрецъ! не рѣжъ ее!

Жрецъ поднялъ на Болемира свои удивленные глаза:

— Князь, такъ дѣлать не подобаетъ.

— Не рѣжъ! повторилъ Болемиръ.

— Хотя мы всѣ и Славяне, но у каждаго изъ насъ служеніе свое. Вы служители Сивы, мы — Перуна. А нашъ Перунъ переступать его законы не повелѣваетъ.

— Не рѣжъ! крикнулъ еще громче Болемиръ.

— Князь, такъ дѣлать не подобаетъ, отвѣчалъ упорный жрецъ.

— Подобаетъ, смердъ негодный! гаркнулъ уже Болемиръ, и, выхвативъ изъ-за пояса топоръ, раздробилъ имъ голову жреца.

Жрецъ, глухо крякнувъ, всѣмъ своимъ толстымъ, отъѣвшимся тѣломъ грузно рухнулъ на землю, къ подножію жертвеннаго камня, на которомъ онъ только что совершилъ мрачное богохульство.

Окружающая костеръ толпа ахнула въ ужасѣ, и грозный Болемиръ показался ей еще грознѣе.

Отроковица была спасена.

А Болемиръ, спокойно поворотивъ своего коня, поѣхалъ отъ мѣста отвратительнаго зрѣлища. За нимъ послѣдовали и его вѣрные Венеды.

ГЛАВА III.

ВОЗМУЩЕНІЕ.

Расходясь, Кыяне роптали:

— Онъ не вѣруетъ въ нашихъ боговъ: онъ не хорошій князь. Бѣда намъ будетъ съ такимъ княземъ.

— А коль бѣда, такъ чтожъ намъ глядѣть на него, какъ онъ убиваетъ нашихъ чтимыхъ жрецовъ. Не дадимъ ему убивать нашихъ чтимыхъ жрецовъ! совѣтывала одна удалая голова.

— И то, не дадимъ! подхватывали такіе же удальцы. — Пришелъ невѣсть откедова, и бьетъ нашихъ жрецовъ, и въ бога нашего не вѣруетъ. На что намъ такой князь! Готы, и тѣ съ нами такъ не дѣлали! они не рушили вѣры нашей. А этотъ пришелъ невѣсть откуда, и тутъ свои порядки заводитъ. На что намъ такой князь! долой такого князя!

Болѣе благоразумные усмиряли удалыхъ:

— Полно, будетъ вамъ, ребятки! какъ бы бѣды не вышло...

— Какая бѣда! Одну бѣду бѣдовать, другой не миновать!...

— Аль мы не Кыяне? Аль ужъ мы только и годимся въ челядинцы къ Готамъ да Венедамъ! Да пущай они у насъ челядинцами будутъ, а не мы у нихъ...

— Полно, будетъ вамъ, ребятки! какъ бы бѣды не вышло...

Но чѣмъ болѣе уговаривали удальцевъ, тѣмъ болѣе они храбрились, кричали, махали руками и находили себѣ новыхъ послѣдователей.

Толпа ихъ быстро увеличивалась, и они уже вовсеуслышаніе заявляли свое недовольство новымъ княземъ:

— Долой Болемира! на что намъ Болемиръ! Онъ безбожникъ! не вѣруетъ ни въ какихъ боговъ!

Къ сумеркамъ толпа возмутителей страшно возросла.

Венеды сначала смотрѣли на все это, какъ на шуточную продѣлку Кыянъ, смѣялись, сами шутили; но когда увидѣли, что Кыяне не на шутку поднимаютъ противу Болемира возмущеніе, сообщили ему о томъ.

Болемиръ и самъ давно уже зналъ о происходящемъ; но онъ тоже относился кь этому безучастно и равнодушно. Сознавая, что онъ дѣйствительно дерзко нарушилъ вѣру единокровнаго ему племени, онъ хотѣлъ дать Кыянамъ нѣкоторую свободу, чтобы они, пользуясь ею, излили на него свою горечь и простили ему его поступокъ.

Но онъ ошибся въ Кыянахъ.

Торгуя съ Ахаіею *) и нерѣдко посѣщая Византію, многіе изъ Кыянъ вынесли оттуда вліяніе Ѳракійцевъ и Римлянъ, которые въ эту эпоху отличались особеннымъ свободомысліемъ къ правителямъ, которые имъ почему либо не нравились, и буйными проявленіями своей народной силы.

Въ свою очередь, Кыяне ошиблись въ Болемирѣ: не по ихъ силамъ было бороться съ такимъ княземъ, какъ онъ.

Вечеромъ, когда уже весь Кыевъ былъ возмущенъ противу Болемира, и возмутители, махая въ воздухѣ оружіемъ и зажженными смоляными палками, вызывали Болемира съ его Венедами на бой,

*) Такъ въ то время называлась Греція.

Болемиръ выѣхалъ изъ занятыхъ имъ хоромъ, и повелѣлъ, чтобы, все еще стоявшая станомъ у Кыева орда, двинулась къ городу.

Орда быстро появилась въ городѣ. Съ появленіемъ ея, Кыяне не успокоились, а еще болѣе подняли вызывающій на бой крикъ и гамъ.

Тогда передъ Кыянами, посланный Болемиромъ, появился Данчулъ.

Данчулъ заговорилъ къ народу:

— Меня послалъ князь сказать вамъ, чтобъ вы мирно разошлись по домамъ и не кричали. Князь прощаетъ васъ.

— Не хотимъ Болемира! гудѣла толпа. — Не надо намъ Болемира! Долой такого князя!

— И такое ваше послѣднее слово? улучивъ минуту спросилъ Данчулъ.

— Послѣднее! послѣднее! долой князя! долой Болемира!

Данчулъ затрубилъ въ голосистую трубу. Изъ стана послышалась таковая же труба.

И — не прошло минуты — какъ весь Кыевъ огласился кликами боя, стонами, воплями, рыданьями. Какъ демоны, носились обручники Венедскіе по стогнамъ Кыева, и истребляли все, что попадалось имъ подъ руки. Имъ повелѣно было истребить всѣхъ Кыянъ, безъ исключенія. Къ утру нѣкого уже было истреблять, и напрасно, опьяненные кровью и усталостью, Венеды рыскали по домамъ, клѣтямъ и землянкамъ, отыскивая живыхъ. Вездѣ валялись одни трупы: трупы младенцевъ, матерей, женъ, стариковъ, отроковъ, дѣвицъ. Тамъ лежала цѣлая груда отрубленныхъ головъ; тамъ туловищъ, тамъ, съ изуродованной грудью, валялось тѣло молодой женщины, а рядомъ съ ней, разсѣченный на двое, ея малютка; тамъ цѣлая хижина была набита обрывками человѣческаго мяса... А кровь? кровь виднѣлась повсюду: въ домахъ, на домахъ, на листьяхъ, на травѣ, на одеждѣ побѣдителей и побѣжденныхъ, вездѣ, вездѣ, и даже воздухъ былъ пропитанъ запахомъ одной крови. Трудно было дышать въ этомъ воздухѣ; но побѣдители дышали имъ. Дышалъ имъ и самъ Болемиръ, виновникъ стольких несчастій, виновникъ стольких потоковъ крови.

Болѣе сорока тысячъ Кыянъ погибло въ одну ночь.

Объѣзжая городъ, тупо и безучастно смотрѣлъ на все произшедше побѣдитель.

Очнувшіеся отъ убійствъ Венеды, тоже, съ грустью и раскаяніемъ, смотрѣли на все ими содѣянное. Съ какимъ-то отчаяніемъ, они сами себя спрашивали: «за что мы побили ихъ всѣхъ? вѣдь они насъ не трогали; разогнать бы ихъ, и довольно».

Но какъ-то все такъ сопоставлялось для Венедовъ, что они именно такъ, а не иначе должны были поступать. И они, подъ первымъ впечатлѣніемъ, и поступали такъ, а не иначе. Такъ поступаютъ всѣ побѣдители, варвары, деспоты, злодѣи и даже простые убійцы. Сначала огонь, рвеніе, чувство безконечной мести, жажда чего-то, а потомъ — угрюмый отдыхъ, отдыхъ, когда человѣкъ входитъ въ самаго себя и задаетъ себѣ странные вопросы...

И мало ли такихъ странныхъ вопросовъ въ жизни человѣческой! но ни на одинъ изъ нихъ, по настоящее время, не получено еще ни одного удовлетворительнаго отвѣта, не взирая на то, что за разрѣшеніе ихъ брались мудрецы всѣхъ народовъ и вѣковъ. Вопросы остались тѣми же вопросами, хотя мнимые разрѣшители ихъ высоко поднимали знамя своего разрѣшенія и, не только силой слова, но и силой остраго меча заставляли вѣрить имъ и поклоняться, какъ кумирамъ. Устрашенные или умиленные народы вписывали ихъ въ число своихъ боговъ, изучали ихъ, поклонялись имъ, гордились ими, кичились, желали слѣдовать и слѣдовали ихъ примѣрамъ, а жизнь, бѣдная, прискорбная жизнь, все шла своимъ чередомъ, своимъ чередомъ терзала и мучила народы, задавая имъ новые вопросы, пока смерть, неумолимая, неотразимая, по очередно, другъ за другомъ, еле замѣтно, не стирала ихъ съ лица земли, какъ нѣчто лишнее, дряхлое, непотребное...

Зачѣмъ же, какъ нѣчто лишнее, дряхлое и непотребное не вырветъ смерть изъ жизни человѣческой и его неугомонныхъ, мятежныхъ вопросовъ, которые къ обыденной горечи его прибавляютъ еще новую, большую горечь!

Исчезни они — можетъ быть, и легче стало бы человѣчеству...

А впрочемъ — какъ знать!... можетъ быть, и тяжеле...

ГЛАВА IV.

НОВЫЯ ХОРОМЫ.

Подъ наружной оболочкой Болемирова спокойствія, скрывалось, однако, что-то такое, что нѣсколько тревожило его. Передъ нимъ лежали уже не трупы враговъ его родины, Готы, а тѣ же Славяне, какъ и онъ и его Венеды, и кромѣ того: младенцы, жены, старцы.

Чѣмъ-то зловѣщимъ пахнулъ на него этотъ опустошенный Славянскій городъ, гдѣ онъ захотѣлъ создать великую столицу великаго новаго царства.

«Гдѣ же мое величіе?» думалъ онъ, — «и неужели оно въ этомъ безцѣльномъ истребленіи и праваго, и виновнаго? Да и на что мнѣ оно, это величіе? Да и для кого оно? неужели для меня? Но я одинъ, одинъ, какъ вотъ это бездушное тѣло, кинутое кѣмъ-то безъ сожалѣнія: нѣкому пожалѣть, нѣкому помянуть добрымъ словомъ. Несчастный! а онъ жилъ, а онъ радовался, и кто же прекратилъ его жизнь, его радость?»

Болемиру страшно было сознаться, что онъ, одинъ онъ, грозный повелитель новой, появившейся съ сѣвера, орды.

И тяжело ему стало дышать этимъ ѣдкимъ, пропитаннымъ кровью, воздухомъ: хотѣлось подышать чистымъ, свѣжимъ воздухомъ, хотѣлось подышать тѣми полями, лугами и лѣсами, которыми онъ дышалъ когда-то, въ раннемъ дѣтствѣ, на берегахъ любимаго Нѣмана, широкаго, величественнаго...

Почти безсознательно, онъ куда-то поворотилъ своего коня.

Умный конь давно уже фыркалъ и нерѣдко, навостривъ уши и раздувая ноздры, отскакивалъ назадъ при видѣ какой либо неожиданной ночной жертвы, въ видѣ обезображеннаго трупа человѣка, или же цѣлой груды труповъ. Не хорошо было и ему, хотя и привыкшему уже не къ одной битвѣ, ступать на невиную кровь человѣческую. Почуявъ же, что сѣдокъ направляетъ его куда-то, онъ инстинктивно поворотилъ къ берегу Днѣпра, гдѣ чуялась ему свѣжая, сочная трава и откуда неслось ржаніе пасущихся табуновъ. Не

ожидая воли хозяина, онъ рѣзво направился туда, и вскорѣ Болемиръ очутился на какомъ-то высокомъ берегу Борисѳена.

Берегъ былъ оченъ крутой: почти что отвѣснымъ, какъ стѣна, обрывомъ спускался онъ въ воду, которая глубоко подмывала его и, дѣлая быстрые, дробные круги, бѣжала далѣе. На самомъ берегу росъ не густой, но многолѣтній дубнякъ. Болемиръ въѣхалъ въ этотъ дубнякъ, и его сразу охватила чарующая прелесть дубняка. Тамъ было тихо и спокойно. Остановивъ коня, онъ, помимо своей воли, заглядѣлся на этихъ могучихъ патріарховъ природы, которые такъ много напоминали ему родимые берега Нѣмана...

— Нѣманъ! Нѣманъ! невольно прошепталъ Болемиръ.

Въ это время до его слуха донесся какой-то непонятный звукъ: не то плачь, не то рыданіе, не то пѣсня...

Болемиръ прислушался. Насторожилъ уши и конь.

Звукъ послышался явственнѣе, и можно было разобрать, что кто-то надъ чѣмъ-то рыдаетъ. Такъ какъ звуки слышались недалеко и ясно можно было опредѣлить мѣсто, откуда они исходятъ, то Болемиръ и направилъ туда своего коня.

Не успѣлъ онъ приблизиться къ мѣсту, откуда исходило рыданіе, какъ почти у самыхъ ногъ его лошади послышался рѣзкій крикъ женщины:

— Венедъ! Венедъ!

Болемиръ оглянулся.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, испуганная, дрожащая, стояла молодая дѣвушка, почти обнаженная, съ распущенными по плечамъ косами...

Болемиръ остановилъ коня.

Широко открывъ глаза, дѣвушка съ ужасомъ смотрѣла на Болемира и дѣлала руками какіе-то причудливые знаки...

— Ты не бойся меня, заговорилъ Болемиръ, — я тебѣ зла не сдѣлаю.

— Венедъ! Венедъ! закричала она снова, широко открывая ротъ.

Болемиръ стоялъ въ недоумѣніи. У него явилось неодолимое желаніе узнать, кто эта несчастная, и хотѣлось помочь ей. И, странно, чѣмъ болѣе онъ вглядывался въ ея красивое, но безумное лицо, тѣмъ болѣе ему казалось, что онъ какъ будто видѣлъ ее гдѣ-то.

— Ты меня не бойся, заговорилъ Болемиръ снова, — я тебѣ зла не сдѣлаю.

— И въ жертву не принесешь? спросила она, какъ бы успокоившись.

— Нѣтъ, нѣтъ! торопился отвѣтить Болемиръ, и вспомнилъ, что это несчастная была виновницей страшнаго истребленія Кыянъ.

Это была та самая отроковица, которую хотѣли принести въ жертву и изъ-за которой Болемиръ раздробилъ голову жреца.

И бить меня не будешь? допрашивала дѣвушка, не трогаясь, однако, съ мѣста.

— И бить не буду.

— И не зарѣжешь?

— И не зарѣжу.

— Анъ, зарѣжешь! какъ бы обрадовалась дѣвушка тому, что можетъ быть зарѣзана.

— За что-жъ мнѣ тебя рѣзать?

— А за то: ты Венедъ. Ты вонъ всю Кыянію повырѣзалъ въ одну ночь.

Болемиръ помолчалъ.

— За то я тебя спасъ.

— Ты? вдругъ дико взвигнула дѣвушка, тряхнувъ кудрями, и мгновенно очутившись возлѣ Болемира.

— Я, я.

Болемиръ слѣзъ съ коня.

— Ты?! повторила она свой вопросъ.

И дѣвушка, сказавъ это, схватила Болемира за плечи и безумно уставилась своими глазами въ его глаза.

Черезъ нѣсколько мгновеній она уже лежала у ногъ Болемира и, обнимая его колѣни, молила:

— Ты, ты! я узнала тебя! возьми же меня къ себѣ, спаситель мой: я твоей вѣрной рабыней буду на вѣки!

Легче стало Болемиру...

Онъ поднялъ дѣвушку и поглядѣлъ ей въ глаза.

До сихъ поръ какъ бы безстыдная, безумная, она вдругъ покраснѣла и склонила голову... Она была прекрасна въ эту минуту... Въ груди Болемира какъ бы шевельнулось что-то...

— Приходи ко мнѣ сегодня же, сказалъ онъ ей ласково, — я тебя приму.

— Послѣ приду, чуть слышно сказала дѣвушка.

— Отчего же?

— Я... теперь... голая... протянула она боязно...

Говоря съ дѣвушкой, Болемиръ совсѣмъ забылъ, что она стояла передъ нимъ, еле прикрытая какой-то небольшой холстиной. Быстро снявъ съ себя длинную и широкую Фригійскую бурку,*) украшенную разнаго рода цвѣтами, онъ накинулъ ее на плечи полуобнаженной дѣвушки.

Дѣвушка нѣсколько оправилась и оживилась.

— Ладно, Венедъ, я приду къ тебѣ, коль повѣлишь мнѣ придти...

— Приходи, приходи...

Болемиръ сѣлъ на коня, и уѣхалъ.

Дѣвушка долго провожала его взглядами.

Возвратясь въ Кыевъ, Болемиръ приказалъ быстро очистить городъ отъ труповъ, покидавъ ихъ въ Днѣпръ или зарывъ въ глубокія могилы.

Работа закипѣла.

Дня черезъ два-три городъ былъ совершенно очищенъ отъ труповъ, и жилища Кыянъ были заняты семейными Венедскими переселенцами, изъ которыхъ одна часть, подъ предводительствомъ Венеда Ахтыра, была отправлена къ верховьямъ Дона...

Впослѣдствіи, переселенцы эти, отданные Болемиромъ на собственную волю и вытѣснившіе селившихся съ незапамятныхъ временъ по берегамъ рѣкъ: Золотоноши и Гусиной,**) Агаѳирсовъ, назвали себя Ахтырцами, и занялись преимущественно скотоводствомъ...

Объ Агаѳирсахъ часто упоминали даже и древнѣйшіе историки.

Замѣчательно, что страна Агаѳирсовъ,***) т. е. середина нынѣшней Харьковской губерніи, считалась древними Греками крайнимъ сѣверомъ.

---

*) У Римлянъ бурки эти или тоги носили названіе polimita-phrygia.

**) Нынѣ Гусинецъ.

***) Агаѳирсовъ называли еще Агатирсами, Аланами, Роксоланами, Скиѳами, Zannoni на рѣкѣ Chesinus, наконецъ—Руссами.

За страной Агаѳирсовъ предполагались ими какія-то фонтастическія Риѳейскія горы, изъ которыхъ вытекаетъ множество рѣкъ.

По Скиѳской легендѣ, переданной намъ Греками, Агаѳирсы были родственными Скиѳамъ. Агаѳирсы, по описанію историковъ, были народомъ красивымъ и носили много золота въ тканяхъ.*) Нравы у нихъ были Ѳракійскіе. Во времена Геродота у Агаѳирсовъ былъ царь, Спаргапитъ, умертвившій предательски Скиѳскаго царя, Аріапита.

Мела ставилъ Агаѳирсовъ на сѣверъ Скиѳіи.

Амміанъ указывалъ ихъ съ Гелонянами, которые назывались еще иначе Волынянами.

Діонисій Періегетъ называлъ Агаѳирсовъ «холодными».

Ахтырка есть одинъ изъ древнѣйшихъ Славянскихъ городовъ, и, по всѣмъ вѣроятіямъ, существовалъ не за одну сотню лѣтъ до Р. Х.

Безъ сомнѣнія, городъ построенъ Агаѳирсами, но когда — не извѣстно.

Можетъ быть, это былъ великій и знаменитый городъ, носившій другое названіе, но время умалило его значеніе, и онъ, постепенно падая и разрушаясь, превратился въ небольшой городокъ нашего времени, городокъ мирный, скучный. Превратилась же знаменитая Винета въ деревню. Превратилась же столица Древлянъ, Коростень, въ жидовское мѣстечко. Превратилась же древняя и славная Булгара въ груду камней. А Востокъ? Востокъ, который представляетъ груду развалинъ, не служитъ ли явнымъ доказательствомъ того, что было и что осталось...

---

*) Въ 100 верстахъ отъ Ахтырки, на западъ, рѣка Золотоноша какъ нельзя болѣе напоминаетъ своимъ названіемъ, что народъ жившій по ней или имѣлъ много золота или занимался золотыми издѣліями. Что же касается золотыхъ тканей, то выработка ихъ въ этой сторонѣ держалась много сотенъ лѣтъ. Даже и въ наше время лѣтъ семьдесятъ-восемьдесятъ тому назадъ, лучшія фоты (фота — большой шелковый, протканный золотомъ и серебромъ, платокъ, который накидывается однимъ краемъ на голову, а остальная часть его вся свѣшивается на спину, въ родѣ вуаля), — назывались ахтырскими, а похуже которыя — московскими. Ахтырскія фоты назывались также травчатыми.

Не всѣ, однако, Венеды, оставшіеся для поселенія въ Кыевѣ, помѣстились въ домахъ и клѣтяхъ Кыянъ: для множества семей не хватило мѣстъ.

И вотъ—вокругъ Кыева и окресностей его—какъ грибы, начали выростать землянки Венедовъ, крытыя землей и навозомъ; а въ самомъ Кыевѣ—застучали топоры и молота, воздвигавшіе новые брусяныя клѣти и избы, съ нахлабученными на нихъ соломенными крышами, длинными полутемными дворами, съ пузырями или напитанными масломъ холстинами въ окнахъ, съ колодцами, скворешниками и скрыпучими воротами.

И вскорѣ подъ руками Венедовъ-переселенцовъ Кыевъ совсѣмъ преобразился: много расширился и украсился; а окресности, густо населенныя Венедами-хлѣбопашцами, запестрѣли широкими обработанными полями.

Вокругъ же лучшей части Кыева, съ глубокимъ рвомъ и высокимъ валомъ, воздвиглась и деревянная стѣна, на случай нападеній непріятеля.

На томъ же мѣстѣ, гдѣ впослѣдствіи находилась весь Берестово, — Венеды начали воздвигать для своего князя чудо-хоромы. *)

Хоромы эти строились изъ вѣкового тесанаго дубняка, который покрывался блестящимъ свѣтло-желтымъ составомъ и такъ хорошо скрадывалъ кладку брусьевъ, что хоромы казались выточенными изъ одного гигантскаго куска дерева. Кровля, въ видѣ куполовъ, выкрашенныхъ синей, зеленой и желтой красками, украшалась вышками, башнями, шести и восьми угольными, и преузорочными гирляндами, то длинными, то широкими, то узкими, въ видѣ кружевъ. **)

Внутри хоромнаго двора находилось много еще и другихъ зданій, медушь, бань, менѣе разукрашенныхъ, но всетаки построенныхъ по образцу хоромъ и изъ такого же крѣпкаго дубняка, такъ что хоромы, окруженные этими постройками, представляли цѣлый стройный городокъ.

Такъ вообще строились и позднѣйшіе Русскіе Цари.

---

*) Въ Берестовѣ умеръ Равноапостольный князь Владиміръ. На мѣстѣ этого села находится нынѣ Печерскій монастырь.

**) Это зодчество наслѣдовала и Москва: дворецъ Коломенскій былъ послѣднимъ его образцомъ.

Древній Русскій царскій «дворъ» раздѣлялся на «дворцы», или малые «дворы», составлявшіе отдѣльныя помѣщенія лицъ семейства царскаго, съ полнымъ составомъ принадлежащихъ имъ дворянъ и хозяйственныхъ заведеній.

Въ новыхъ хоромахъ немедленно же помѣстился князь Болемиръ.

Такъ какъ по обычаю Венедовъ князь не имѣлъ права входить одинокимъ въ новый домъ, холостымъ-ли, вдовымъ-ли, то онъ и вошелъ въ него съ тремя женами и нѣсколькими наложницами.

Одною изъ первыхъ женъ его была спасенная имъ отъ ножа жреческаго отроковица-Кыянка; а двѣ другія — были избраны имъ изъ числа дѣвицъ, пришедшихъ съ переселенцами.

Наложницы были набраны преимущественно изъ окрестныхъ Кыеву весей и поселеній Кутавскихъ.

Вмѣстѣ съ Белемиромъ вошли въ новые хоромы Данчулъ и малолѣтній князь Аттила. Для князя Раò, находившагося въ бою, тоже была отведена часть хоромныхъ построекъ.

Многочисленная дворня и челядь, для каждаго изъ князей отдѣльно, заняла приготовленныя для нихъ помѣщенія, — и жизнь въ новыхъ хоромахъ пошла своимъ чередомъ, тѣмъ именно чередомъ, какому слѣдовали князья славянской крови не только въ III-мъ и IV-мъ столѣтіяхъ, но и въ столѣтіяхъ далеко позднѣйшихъ, уже освѣщенныхъ великимъ христіанствомъ, вплоть до XVII-го, когда онъ, этотъ чередъ, мгновенно исчезъ, замѣнившись новымъ, болѣе блестящимъ, болѣе подходящимъ къ времени и его требованіямъ, чередомъ.

ГЛАВА V.

СИЛА ЦАРЕЙ КЫЯНСКИХЪ.

Покуда все это происходило на берегахъ Борисѳена, вся Европа, отъ даннаго ей неожиданно толчка князьями, Радогостомъ и Раò, все еще страшно волновалась, шумѣла, двигалась, искала спасенія, ожидая съ востока еще большаго нашествія невѣдомыхъ варваровъ.

Испуганный же римскій императоръ, Валентъ I-й, не нашелъ ничего лучшаго, какъ послать въ Дацію, къ Раɗ, посольство для мирныхъ переговоровъ.

Раɗ принялъ посольство и объявилъ, что оно должно отправиться въ столицу его царя, Болемира, въ Кыевъ на Ѣорисѳенѣ.

Тамъ, онъ говорилъ, Римъ получитъ просимую милость, и посольство будетъ отпущено, какъ подобаетъ то для покореннаго народа.

Кичливые Римляне, волей-неволей, должны были отправиться за Дунай вмѣстѣ съ Раɗ.

Радогостъ въ это время былъ уже на пространствѣ нынѣшней Испаніи, на берегахъ Гвадалквивира; а часть его переселенцевъ сѣла у истоковъ Эльбы, гдѣ навсегда и утвердилась. *)

Ущелья Пиринеевъ не помогли Римлянамъ удержать движеніе Венедовъ.

Венеды перебрались черезъ горы, прошли побѣдоносно вдоль и поперегъ полуострова, и не только не встрѣтили въ жителяхъ сопротивленія и враждебныхъ чувствъ къ себѣ, но, напротивъ: варваровъ встрѣчали повсюду съ распростертыми объятіями, какъ избавителей отъ тяжкаго ига Римлянъ.

Очистивъ Испанію отъ войскъ Римскихъ, и загнавъ ихъ въ Таррагонію, покорители раздѣлили ее на три области: на Галицкую по рѣкѣ Туръ; на Лужицкую — между рѣками Туръ и Тугой, и, по названію Римлянъ, на Вандалію.

Въ рукахъ Рима оставалась только Таррагонская область. Границей были горы по правому берегу рѣки Эбро.

Такимъ образомъ, и Испанія, бывшая богатой римской провинціей, очутилась въ рукахъ Славянъ, подъ именемъ Вандаліи.

У Радогоста было два сына: Годорихъ и Гейзерихъ...

Годорихъ еще при отцѣ, въ званіи полководца, началъ покореніе Африки.

---

*) Венды живутъ тамъ и по настоящее время, составляя странный контрастъ съ окружающимъ ихъ нѣмецкимъ элементомъ. Хотя они уже издавна приняли христіанство, но много еще сохранили своихъ первобытныхъ обычаевъ, повѣрій, суевѣрій и обрядовъ. Ихъ тамъ живетъ болѣе 60 тысячъ, а всѣхъ вообще Славянъ Вендскаго племени во всей Европѣ насчитываютъ до 900 тысячъ. Названіе Вендовъ производятъ отъ «вендолъ» — оврагъ, логъ, низкое мѣсто, что значитъ жители низкихъ мѣстъ, и «венъ» — внѣ, въ смыслѣ странствовать, переходить съ мѣста на мѣсто. По польски странникъ — вендровецъ, и еще удà — венда.

Гейзерихъ, впослѣдствіи, наслѣдовалъ своему отцу, и былъ од-
нимъ изъ лучшихъ друзей восточнаго славянскаго царства...

Радъ, между тѣмъ, оставивъ часть войскъ на границахъ римской имперіи, въ сопровожденіи посольства, не замедлилъ явиться въ новую столицу Болемирова царства.

Гордо и заносчиво принялъ Болемиръ первое посольство кичливой имперіи: онъ, подъ разными предлогами, заставилъ посольство ждать нѣсколько дней разрѣшенія явиться передъ его свѣтлыя очи.

Наконецъ, посольство было допущено.

Въ блестящей одеждѣ, съ многочисленнымъ придворнымъ штатомъ, который также былъ одѣтъ въ раззолоченныя ткани, онъ встрѣтилъ посольство въ одной изъ комнатъ своихъ дубовыхъ хоромъ.

Сверхъ всякаго ожиданія, посольство увидѣло совсѣмъ не тѣхъ людей, о которыхъ оно составило себѣ понятіе. Благородные Римляне, составлявшіе посольство, думали встрѣтить грубую толпу дикарей, одѣтую въ звѣриныя шкуры, съ таковымъ же ихъ предводителемъ. Вмѣсто страшныхъ, искаверканныхъ, по слухамъ, лицъ, они увидѣли бодрыя, красивыя лица сѣверныхъ Славянъ.

Прежде всего посольство предложило Болемиру цѣлую груду всякаго рода подарковъ, состоявшихъ изъ стручковаго перцу, тканей, золота. Въ числѣ подарковъ посольство привезло также испанской породы вороного коня и молодого горнаго орленка.

Благосклонно принявъ отъ посольства подарки, Болемиръ спросилъ о цѣли посольства.

— Много лѣтъ, — говорили послы, — народъ твой, великій Сл
вянскій князь, жилъ мирно и спокойно, какъ подобаетъ всяко
великому народу, — зачѣмъ же теперь онъ опустошаетъ рим
области и города въ Даціи?

Обѣщая впредь воздерживаться отъ нападеній, по условію
годной уплаты ему 350 фунтовъ золота, Болемиръ отвѣчалъ
его народъ, по множеству причинъ неожиданныхъ, долженъ
неизбѣжно поднять войну.

Тѣмъ первое посольство и окончилось, и такъ была на
Славянами первая дань на величественную римскую импе

Одаренное, въ свою очередь, Болемиромъ посольство, за
условіе, отправилось обратно въ Римъ, чтобъ успокоить
вавшуюся имперію.

По случаю такого событія, Кыевъ нѣсколько дней предавался празднеству.

По окончаніи празднествъ, князь Раð снова отправился въ походъ.

Но теперь путь его лежалъ уже не на западъ, а на югъ, на Херсонескій полуостровъ, гдѣ еще не мало оставалось ненавистныхъ Славянамъ Готовъ, селившихся въ тамошнихъ горахъ.

Болемиръ опять остался одинъ въ Кыевѣ, и въ то время, какъ весь западъ дрожалъ при одномъ его имени, онъ уже дряхлѣлъ и слабѣлъ.

Не взирая на свои еще не старые года и на свою тѣлесную крѣпость, событія двухъ послѣднихъ лѣтъ, слѣдовавшія другъ за другомъ въ роковомъ порядкѣ, оставили на немъ свои неизгладимые слѣды, и онъ, видимо, началъ хирѣть и приближаться къ могилѣ.

Такъ прошло пять лѣтъ.

Въ эти пять лѣтъ царство Болемира расширилось еще болѣе.

Царство его уже обнимало весь сѣверъ и нѣдра Европы, и ограничивалось съ юга Альпами, Балканами и Чернымъ моремъ.

Съ каждымъ годомъ неустрашимый Раð приносилъ ему и новую часть земли, и новыхъ данниковъ...

Въ 382 году грознаго Болемира не стало...

Не имѣя прямыхъ наслѣдниковъ, онъ завѣщалъ свое могущественное царство князю Данчулу, съ тѣмъ, чтобы по смерти Данчула, обойдя его дѣтей, царство перешло въ руки его брата, князя Раð, а потомъ князя Аттилы. Только вслучаѣ смерти Раð и Аттилы, дѣти Данчула могли наслѣдовать созданное Болемиромъ царство.

Сжегши тѣло Болемира, и совершивши, съ плачемъ и рыданіемъ, надъ его прахомъ великую тризну,—Данчулъ вступилъ въ управленіе новымъ царствомъ. Явившійся изъ Херсонеса Раð, свято повинуясь волѣ Болемира, уступилъ брату престолъ Кыянскій, и снова отправился покорять—царей и народовъ Кавказскихъ...

Данчулъ царствовалъ 30 лѣтъ.

Онъ умеръ въ 412 году, коварно убитый подкупленнымъ Грекомъ.

Царствованіе Данчула было мирно и спокойно. Римская Имперія продолжала платить условленную дань.

Раð, занявъ по смерти брата престолъ Кыянскій, прежде всего вознамѣрился отмстить Грекамъ за смерть Данчула.

Собравъ многочисленное войско, Раѡ двинулся во Ѳракію, разбилъ нѣсколько разъ войска императора Ѳеодосія, и грозилъ уже Константинополю; но верховный совѣтъ Византіи предупредилъ разрушеніе столицы, обязавшись платить Раѡ ежегодно дань въ 700 фунтовъ золота.

Въ 438 году Греки, однако, нарушили договоръ. Престарѣлый Раѡ снова двинулся во Ѳракію, но почти у стѣнъ самаго Константинополя былъ убитъ громовымъ ударомъ.

Такимъ образомъ, Раѡ процарствовалъ 26 лѣтъ.

Согласно завѣщанію Болемира, которое свято чтилось новой династіей царей Славянскихъ, престолъ Кыянскій наслѣдовалъ, въ это время уже престарѣлый, Аттила, и немедленно же отправился изъ Кыева въ Византію, чтобы продолжать начатую княземъ Раѡ войну.

Тамъ встрѣтили его, вновь избранные совѣтомъ, послы: Плинѳъ и Діонисій, родомъ Грекъ, для обычнаго поздравленія и заключенія новыхъ договоровъ.

Аттила согласился на миръ, и условія договора были слѣдующія:

I. Всѣхъ Гуннскихъ перебѣжчиковъ, не исключая и тѣхъ, которые давно уже бѣжали, возвратить.

II. За плѣнныхъ Грековъ, которые ушли безъ выкупа, внести по восьми золотыхъ съ человѣка.

III. Греки, да не вступаютъ въ союзъ ни съ однимъ народомъ, съ которымъ Гунны будутъ въ непріязненныхъ отношеніяхъ.

IV. Народныя торжества *) исправлять Грекамъ и Гуннамъ на равныхъ узаконенныхъ правахъ и со взаимнымъ обезпеченіемъ.

V. Свято и нерушимо исполнять условіе ежегодной дани въ 700 фунтовъ золота, которые Греки обязались платить царямъ Гуннскимъ. **)

Переметчики, или бѣглецы изъ земель Славянскихъ въ Римскую Имперію, были всегда одною изъ главныхъ причинъ войны Славянъ даже и послѣдующихъ вѣковъ съ западными державами. Это видно изъ договоровъ Олега и Игоря, гдѣ также возвратъ «уско-

*) Т. е. торжища въ пограничныхъ мѣстахъ.

**) Въ договорѣ Греки называются Римлянами, а Славяне—Гуннами, Скиѳами, Кыянами и Руссами.

ковъ» *) и выкупъ ихъ составляетъ первую статью; при чемъ «не обрѣтеніе» ихъ въ Греціи, подтверждалось клятвой: «аще ли не обрящется, да на роту идутъ и ваши хрестьяне, а Русь и не хрестьяне, по закону своему, и тогда взимаютъ отъ васъ цѣну свою, яко же уставлена есть прежде: двѣ поволоки за челядина».

Нѣтъ сомнѣнія, что въ то время большая часть переметчиковъ состояла изъ челядиновъ, то-есть подвластныхъ Гуннамъ Готовъ, или изъ лицъ обращавшихся въ христіанство.

Всѣ пункты договора Греки исполнили, за исключеніемъ одного— не возвратили переметчиковъ, что и составляло всю суть договора.

Аттила снова грозилъ поднять войну съ Өеодосіемъ.

Посолъ Аттилы, Боричь, явился въ Константинополь съ требованіемъ возврата бѣглецовъ, и для новаго договора и условій дани.

Прочитавъ письмо Аттилы, затронутый императоръ отвѣчалъ, что переметчиковъ не отдастъ; но готовъ прислать посольство, чтобъ миролюбиво уладить на счетъ всѣхъ прочихъ требованій.

Получивъ такой отвѣтъ Өеодосія, Аттила вступилъ во владѣнія Грековъ, находившіяся на берегахъ Чернаго моря.

Өеодосій вздумалъ помѣряться силами съ новымъ царемъ Кыянскимъ; но сраженіе при Херсонесѣ **) рѣшило дѣло, а новыя условія мира были слѣдующія:

I. Переметчиковъ возвратить.

II. Внести единовременно дани 6,000 фунтовъ золота.

III. Ежегодно вносить 2,100 фунтовъ золота.

IV. За Греческихъ плѣнныхъ платить выкупу по 12 золотыхъ съ каждаго.

V. Не давать убѣжища бѣглецамъ, подданнымъ царя Гунновъ.

Какъ не тяжелы были подобныя условія мира, но Өеодосій, волей-неволей, долженъ былъ на нихъ согласиться.

Аттила побѣдоносно возвратился изъ Херсонеса въ столицу своего царства, Кыевъ...

---

*) Челядиновъ.

**) Развалины Херсонеса находятся близь нынѣшняго Севастополя. Херсонесъ въ переводѣ съ греческаго значитъ «почти-островъ». Крымскій полуостровъ носилъ названіе Херсонескаго, Серпскаго и Босбора Киммерійскаго. Боспоръ значитъ «бычачья дорога».

ГЛАВА VI.

ДВА ОРЛА.

Семидесятилѣтнимъ старцемъ вступилъ Аттила на престолъ Кыянскій...

Много воды утекло и много лѣтъ пронеслось надъ головой его съ тѣхъ поръ, какъ онъ вступилъ въ Кыевъ девятилѣтнимъ отрокомъ... Много предъ его глазами пронеслось событій, и грозныхъ и мирныхъ, и каждое изъ нихъ, непремѣнно, оставило въ груди его неизгладимое пятно. Задумчивый, страшно впечатлительный, онъ ко всему присматривался, во все вникалъ. Тѣмъ болѣе ему было удобно поступать такимъ образомъ, что объ немъ, казалось, всѣ забыли. Ему даже не разу не было поручено управленіе войскомъ.

Запершись въ своей гриднѣ, онъ по цѣлымъ днямъ сидѣлъ за столомъ, вперивъ глаза въ одну какую нибудь точку, или тихо разговаривалъ со своимъ любимцемъ—орломъ, котораго онъ получилъ въ подарокъ отъ Болемира во время перваго римскаго посольства. Орелъ, такой же старый какъ и Аттила, сумрачно выслушивалъ рѣчи своего мрачнаго властелина и, казалось, иногда понималъ, ихъ, потому что зорко смотрѣлъ на него и тихо встряхивалъ крыльями.

— Орелъ мой, орелъ!—говорилъ Аттила,—когда мы съ тобой, скажи, поднимемся въ тучи небесныя и кинемъ оттуда на народы ядовитые, смертоносные стрѣлы свои?

Молчалъ орелъ, но, глядя на Аттилу, будто отвѣчалъ ему:

— Скоро, скоро...

Аттила понималъ его отвѣтъ и, довольный имъ, ласково гладилъ его подъ шеей и расправлялъ ему крылья.

Темно-бурый сынъ горъ и лѣсовъ Горичанскихъ, *) въ свою очередь, начиналъ ласкаться къ своему властелину: широко встряхивалъ крыльями и не громко вскрикивалъ.

---

*) Громадные и непроходимые Горичанскіе лѣса находились на пространствѣ нынѣшнихъ Лейпцига и Дрездена.

Аттила никогда не разставался съ любимцемъ своимъ: куда бы ттила не шелъ, гдѣ бы онъ не былъ, орелъ вездѣ сопутствовалъ му, то сидя на его лѣвомъ плечѣ, то не высоко летая надъ нимъ.

Кыяне съ тайнымъ страхомъ взирали на Аттилу и его орла, говорили про себя:

— Старый князь — не простой человѣкъ, ему и птица покор- :твуетъ!...

Въ самомъ дѣлѣ, появляясь иногда среди Кыянъ со своимъ)ломъ, Аттила казался какимъ-то зловѣщимъ посланцомъ язычеихъ боговъ. Суровый, мрачный, съ вѣчно глядящими въ землю ıами, онъ тихо шелъ посреди толпы и не говорилъ ни слова.

Однимъ изъ любимыхъ занятій Аттилы была охота: на охотѣ ъ нерѣдко проводилъ цѣлые мѣсяцы. Сѣвъ на коня; онъ бралъ трый топоръ, груду стрѣлъ, своего любимца-орла, и уѣзжалъ ъ дебри Кривичскія. Тамъ онъ охотился одинъ.

Возвращаясь съ охоты, онъ привозилъ груды звѣриныхъ шкуръ, опять на долго запирался въ своей далекой гриднѣ, куда къ нему ікто не входилъ, кромѣ младшаго сына Ирнака, котораго онъ ;обенно любилъ.

Кромѣ Ирнака, у Аттилы былъ еще старшій сынъ — Данчичъ, средній — Гезерикъ.

Семьдесатъ лѣтъ нисколько не мѣшали Аттилѣ быть весьма бод- ымъ и здоровымъ мужчиной.

Станъ онъ имѣлъ средній, грудь широкую, голову большую, ıаза у него были малы, борода рѣдка, сѣдые волосы жестки, носъ ;дернутый, лицо было нѣсколько смугловато.

Впервый же день вступленія Аттилы на престолъ Кыянскій, ыло нѣсколько предзнаменованій о грозномъ и славномъ царство- ıніи его. Въ ту минуту, когда Аттила, поднявъ къ верху мечъ, ıвалъ клятву народу быть справедливымъ защитникомъ стараго малаго, вдругъ поднялась необыкновенная буря, сверкнула блес- ›вица, грянулъ громъ, и статуя Перуна, стоявшая на берегу нѣпра, была разбита въ дребезги.

Къ вечеру, когда гроза прошла, на небѣ появился большой гненный шаръ, который пошелъ на западъ, и скрылся тамъ.

Народъ смотрѣлъ на небо, пугался, и говорилъ:

— О, кровавъ будетъ путь нашего царя!

На другой день, одинъ пастухъ, находясь на пастбищѣ, замѣтилъ на травѣ кровь. Онъ пошелъ по слѣду, и увидѣлъ, что изъ земли торчитъ мечъ, на который споткнулся быкъ. Мечъ этотъ пастухъ представилъ Аттилѣ.

Взглянувъ на мечъ, Аттила радостно сверкнулъ глазами, и сказалъ:

— Во знаменіе побѣдъ, богъ далъ мнѣ въ наслѣдіе этотъ священный мечъ Арея. *) Мечъ этотъ долженъ уважаться Кыянскими царями, какъ посвященный богу войны. Въ древніе времена онъ исчезъ, а вотъ нынѣ снова обрѣтенъ Туромъ!

Аттила вовсе не былъ суевѣренъ. Онъ былъ человѣкъ умный и умѣлъ пользоваться обстоятельствами. Видя, что народъ вѣритъ предзнаменованіямъ, онъ старался поддерживать его вѣру въ этомъ отношеніи. Никакихъ мечей, кромѣ меча въ своей рукѣ, онъ не признавалъ; однако, какъ дальновидный политикъ, онъ пустилъ въ ходъ легенду о славномъ мечѣ Арея, которымъ онъ побѣдитъ вселенную.

Свободу въ своей обширной странѣ Аттила допускалъ полную: всякій жилъ, какъ хотѣлъ, селился, гдѣ хотѣлъ, свято соблюдая при этомъ повиновеніе существовавшимъ обычаямъ.

Особенной свободой въ царствѣ его пользовались еще женщины. Гуннянка отдавалась, кому хотѣла, и сама себѣ выбирала мужа, на играхъ и другихъ празднествахъ народа, которые и устраивались собственно съ этой цѣлью.

Гдѣ нибудь за городомъ, въ рощѣ, въ теплый вечеръ, раскладывалось множество костровъ, приносились меда, закуски, собирались молодые люди, молодыя дѣвушки,—и начинались игры.

Полуобнаженные парни ловили полуобнаженныхъ молодыхъ дѣвушекъ, и если пойманная парнемъ дѣвушка находила парня любымъ для себя, то ужъ болѣе не убѣгала отъ него, а, взявъ его за руку, вела въ какой нибудь далекій уголокъ рощи, гдѣ и объяснялось все, что надо.

Объясненіе происходило въ такомъ родѣ.

Дѣвушка, въ большинствѣ случаевъ, не зная, кого она «поважала», спрашивала:

*) Мечъ Арея, въ сѣверныхъ миѳахъ мечъ Сигурда, которымъ онъ поразилъ змѣя, живаго въ скалѣ.

— Кто ты, молодецъ?

Молодецъ удовлетворялъ любопытство своей избранницы: объявлялъ, какого онъ роду, гдѣ живетъ, что имѣетъ, кто такіе его отецъ, мать, сестры, братья.

— А ты поважаешь меня? спрашивала дѣвушка.

— Кабы не поважалъ, не ловилъ бы!

— А можетъ, ты ловилъ зря!

— Зачѣмъ же зря.

— А коль не зря, такъ скажи, за что ты поважилъ меня передъ другими дѣвоньками?

— А за то: ты пригожая.

— Приглядись, можетъ и не пригожая.

— Приглядѣлся ужъ.

— А еще за что?

Если парень зналъ дѣвушку раньше, то объяснялъ ей «за что еще»; если же нѣтъ, то, обыкновенно, заминался, и дѣвушка должна была уже разсказывать о своей нравственной сторонѣ.

Въ послѣднемъ случаѣ, дѣвушка разсказывала:

— Ты гляди, парень, я дѣвонька злая, ничего что такая пригожая, гляди, чтобъ тебѣ послѣ не пришлось плакаться на меня: Лучше ужъ теперь отказывайся, а послѣ будетъ поздно.

Случалось такъ, что тутъ же ужъ было поздно отказываться.

Возвратившись къ кострамъ, молодые объявляли о своемъ соединеніи.

Ихъ встрѣчали криками одобренія и обливали головы ихъ медомъ. Кромѣ того, молодой обязанъ былъ перепрыгнуть нѣсколько разъ черезъ горящій костеръ.

Тѣмъ выборъ невѣсты и оканчивался.

Относительно религіи въ царствѣ Аттилы тоже допускалась полная свобода: среди Гунновъ, язычниковъ, было множество и христіанъ, которые безпрепятственно совершали вездѣ и всегда свои обряды. Нерѣдко случалось, что и сами Гунны переходили въ христіанство. *)

Только для самого цара, повидимому, не существовало никакой религіи. Семидесятилѣтній царь съ одинаковымъ равнодушіемъ

---

*) Блаженный Іеронимъ писалъ: «Гунны изучаютъ псалтирь; хладная Скиѳія согрѣвается огнемъ вѣры истинной».

смотрѣлъ и на обряды язычества и на обряды христіанства. Всѣ его мысли, всѣ его желанія стремились къ одному: ему нужна была война, война, и война, и онъ искалъ поводовъ къ войнѣ, грозно кичась званіемъ царя, царя всей вселенной.

При всякомъ удобномъ случаѣ, онъ восклицалъ:

— Я Бичъ Божій, и молотъ вселенной! Звѣзды небесныя падаютъ и земля трепещетъ отъ одного взора моего!

Подвластные Аттилѣ народы, любили его, какъ отца, и уважали, какъ нѣкое божество, благодѣтельное для нихъ, ужасное для враговъ, неумолимое для всѣхъ, преступившихъ его волю. Отдаленные племена считали его чародѣемъ. Всю добычу онъ отдавалъ своимъ воинамъ, и довольствовался одною властью надъ ними. Называясь царемъ царей, повелѣвая многочисленными племенами, занимая обширныя страны, и будучи въ состояніи избрать любой городъ на Дунаѣ, Вислѣ и Эльбѣ для своего мѣстопребыванія, Аттила любилъ одинъ свой некрасивый, но обширный Кыевъ, куда уже, заслышавъ о привольной жизни, собирались выходцы со всѣхъ сторонъ Европы, поступали въ отряды царя Гуннскаго, и оставались всѣмъ довольны. Даже нѣкоторые изъ благородныхъ Римлянъ покинули свою развращенную родину, и предпочли ей далекіе берега Борисѳена. Одними изъ таковыхъ были: благорожденный римлянинъ, Орестъ, котораго Аттила держалъ для веденія переговоровъ, отецъ его, Татуллъ, Констанцій и др. *) Но у Аттилы были и свои хорошіе воеводы: Скотанъ, Иславъ, Боричъ, Онигисъ и Годичанъ. **) Они обладали обширными землями, богатствами, жили въ красивыхъ, дубовыхъ хоромахъ, и вѣрно служили

---

*) Впослѣдствіи, въ 474 году, Орестъ былъ римскимъ полководцемъ. Не призвавъ провозглашеннаго Гундибаломъ императора Глицерія, онъ присоединился сначала со своими войсками къ войскамъ другаго полководцо, Юлія Непота, но потомъ отпалъ отъ него, изгналъ Непота изъ Рима и поставилъ императоромъ своего, еще очень юнаго, сына, Ромуля Августула. Это былъ послѣдній Римскій Императоръ. Въ 476 году полководецъ Одоакръ ворвался съ германскими войсками въ Римъ и безъ особеннаго труда побѣдилъ Ореста и его сына. Орестъ былъ взятъ въ плѣнъ и казненъ, а сынъ его сосланъ въ одно помѣстье въ Компаніи. Одоакръ провозгласилъ себя королемъ Италіи. Черезъ восемьдесятъ лѣтъ римская имперія окончательно распалась.

**) Боричъ, иначе — Борихъ или Борисъ, Онигисъ — Онигизій, Иславъ — Вославъ, Годичанъ — Эдиконъ.

своему мрачному повелителю, который позволялъ имъ раскошничать, сколько имъ угодно.

Громадныя богатства, въ золотѣ, серебрѣ, драгоцѣнныхъ каменьяхъ, тканяхъ, со всѣхъ сторонъ стекались въ Кыевъ.

И что же?

Властелинъ всего этого, могшій усыпать себя съ головы до ногъ драгоцѣнными каменьями, носилъ простую, широкую бурку изъ грубаго бѣловатаго сукна, шерстяныя шаровары, высокіе башмаки изъ невыдѣланной кожи, рысью шапку и при бедрѣ широкій мечъ. Вотъ все его украшеніе, въ которомъ онъ появлялся и на пирахъ, и на войнѣ, и передъ всѣми посольствами, являвшимися къ нему въ Кыевѣ и на полѣ брани. Также была проста и его трапеза: онъ ѣлъ изъ деревянныхъ чашъ деревянной ложкой мясное, горячее блюдо, и больше ничего. Изрѣдка только онъ позволялъ себѣ пить вино; но, вообще, велъ жизнь замѣчательно умѣренную.

Лучшимъ любимцемъ его, по прежнему, оставался орелъ.

Опочивъ отъ дѣлъ, онъ, по прежнему, велъ со своимъ любимцемъ странную бесѣду:

— Что, мой орелъ, велики мы съ тобой?

Орелъ махалъ крыльями и какъ бы кричалъ:

— Велики! велики! о, велики!

— Да, велики!—договаривалъ Аттила, — но мало мнѣ земли, орелъ мой! Я хотѣлъ бы, какъ ты, подниматься къ небесамъ, и оттуда уже, съ огнемъ и трескомъ, изрыгать на землю громы небесныя, чтобы истребить весь подлый и грязный родъ человѣческій!...

— За что? точно бы спрашивалъ орелъ, впоривъ на властелина свои пытливые, хищные глаза...

Властелинъ молчалъ... А иногда сейчасъ же хлопалъ въ ладоши...

У дверей появлялся вѣрный рабъ.

— Женъ, гуслей, медовъ! повелѣвалъ Аттила.

Появлялись жены, гусли, меда, и начиналась буйная пирушка, въ которой, однако, Аттила не принималъ никого участія. Съ орломъ на плечѣ, онъ сидѣлъ молчаливо и даже не глядѣлъ на пиръ, сидѣлъ и только слушалъ, покуда ему все это не надоѣдало...

Орелъ и ночью не покидалъ Аттилы: онъ садился у его изголовья, и дремалъ...

Такъ жили, не покидая другъ друга, эти царственныя существа, оба смѣлые, оба достойные; жили, охраняя другъ друга, жили, любя другъ друга...

Достойные всегда понимаютъ достойныхъ...

ГЛАВА VII.

КВИДЫ И САГИ.

Однимъ изъ любимѣйшихъ героевъ сѣверныхъ сагъ и квидъ, является Аттила.

Поэтому нисколько не мѣшаетъ поговорить объ этихъ квидахъ, представляющихъ всетаки нѣкоторый интересъ.

Въ эпоху Карла Великаго, первобытное славянское царство, заключавшее въ себѣ пространство между Рейномъ и Одеромъ, полуостровъ Киммерійскій, и всю Скандинавію, подпало на твердой землѣ подъ власть Франковъ, а за моремъ—подъ оперившееся вліяніе Готовъ.

Славяне заморскіе, отрѣзанные отъ сообщенія съ материкомъ, слабѣли безъ помощи, покорялись или отправлялись на своихъ корабляхъ искать новыхъ земель на краю свѣта. Туда перенеслись съ ними и народныя повѣрья, и преданья, и гусляры, воспѣвавшіе славу. Въ число новыхъ мѣстъ, куда переселялись тѣснимые, попалъ и островъ Исландія.

Первоначальнымъ переселенцемъ острова Исландіи былъ нѣкто Ингольфъ съ своимъ родомъ и дружиной. Въ XI вѣкѣ свѣтъ христіанскаго ученія проникаетъ и въ Исландію. Одинъ изъ проповѣдниковъ, Земундъ, прозванный мудрымъ, съ другимъ духовнымъ лицомъ — Аре, прозваннымъ «полигисторомъ», написали. какъ говорятъ, цѣлыя книги исторіи сѣвера, Германіи и Англіи. Но ни сокровища мудрости, ни зерцало исторіи Земунда, не дошли до потомства; объ нихъ погибла бы даже и память, еслибы не Снорро Стурлезонъ.

Снорро Стурлезонъ былъ знаменитымъ ярломъ и скальдомъ при королѣ Гаконѣ *) Новая династія любила старую «славу», и скальды, воспѣвавшіе конунговъ. **) получали награды, почетныя званія и доходныя мѣста. Вѣроятно, вслѣдствіе подобныхъ заслугъ, и ученый скальдъ Снорро Стурлезонъ былъ произведенъ въ ярлы Норвегіи и назначенъ верховнымъ судьей въ Исландію. Въ бытность свою тамъ. Снорро Стурлезонъ оказалъ великую услугу всему мыслящему міру. Во первыхъ, онъ собралъ изустные, а, по мнѣнію нѣкоторыхъ, начертанные рунами, то-есть могильными письменами, остатки древней Эдды, приписываемой Земунду, а потомъ написалъ сказаніе о родѣ Индовъ. Въ дополненіе, для всѣхъ скальдовъ будущихъ временъ, онъ объяснилъ древнюю Эдду, Эддой новой. ***)

Обратившись къ Skaldamal, т. е. къ сборнику, собственно, витязныхъ пѣсенъ, квидъ Эдды, мы увидимъ, что воспѣваемыя событія и герои большей части древнихъ квидъ относятся къ IV и V столѣтіямъ. Hunugard и имя Аттилы упоминается во многихъ. Но двѣ, такъ называемыя Гренландскія квиды, —Atlaquida и Atlamal, относятся, собственно, до Аттилы, хотя главное содержаніе ихъ есть гибель Нибелунговъ и мщеніе Гудруны, дочери владѣтеля Бургундскаго, Гойко, рода Нибелунговъ. Обстановка событія, воспѣваемаго въ квидѣ, видимо кѣмъ-то исправлена.

Грелaдскія квиды объ Аттилѣ и Исландскія о Гудрунѣ, воспѣвая, преимуществено, гибель Нибелунговъ и составляя какъ будто одно цѣлое, въ то же время безпощадно противорѣчатъ другъ другу, не говоря уже о смѣшеніи собственныхъ именъ.

Преданіе о женитьбѣ Аттилы на княжнѣ Бургундской заключается въ поэмѣ Nibelungenlied, относимой къ X вѣку, и въ поэмѣ Waltarius Aquitanus, почерпнутой изъ одного и того же источника. но преобразованной въ честь и пользу Визиготовъ Аквитанскихъ.

Въ Nibelungenlied, Аттила и его Гунны, играютъ болѣе благовидную роль, и лицо ихъ не изрыто ни оспой, ни раскаленнымъ

*) Ярлами у Готовъ называлось сословіе въ родѣ нашихъ бояръ.

**) Конунгъ—нѣчто въ родѣ короля.

***) Названіе Edda объясняется различно; но всѣ эти объясненія странны. Можно полагать съ большею достовѣрностью, что Edda значитъ тоже, что Gydda, Quida—пѣснь, въ значеніи сборника пѣсенъ. — Стурлезону отрубили голову на плахѣ въ 1241 году по проискамъ разгнѣвавшагося на него Гакона.

желѣзомъ, чтобъ не росла борода. Эта трагическая поэма создана не по замышленію ходячихъ, природныхъ пѣвцовъ, а по тщательному соображенію сидячихъ поэтовъ, въ подражаніе Иліадѣ. Тутъ изліяніе задушевной пѣсни во славу славныхъ, замѣнено похвальнымъ прилежаніемъ къ труду для собственной своей славы. По послѣдовательности, подробностямъ и сухости описанія приключенія протяжными стихами съ риѳмами, явно, что Nibelungenlied образовалась не собственно изъ витязныхъ пѣсенъ, а изъ полноты древняго народнаго разсказа о мщеніи Гримгильды, по квидамъ Гудруны Бургундской.

Главнымъ источникомъ всѣхъ этихъ древнихъ сказокъ была Vilkin Saga, сборникъ, въ которомъ находится сказаніе и о Нибелунгахъ.

Событія въ Nibelungenlied, во всякомъ случаѣ, ближе къ исторической истинѣ, чѣмъ въ Эддѣ, гдѣ тоже самое происшествіе разрознено на квиды съ разнорѣчивыми варіантами, и эти квиды, въ свою очередь, похожи на обрывки, для слѣпки которыхъ необъяснимыя слова употреблены вмѣсто цемента.

Какъ въ Скандинавскихъ квидахъ, такъ и въ Германской поэмѣ о Нибелунгахъ, вступленіемъ въ разсказъ о союзѣ Гримгильды или Гудруны съ Аттилой, служитъ смерть героя, Сигурда, перваго ея мужа. Онъ злодѣйски убитъ старшимъ ея братомъ, Гунтеромъ. въ квидахъ Гуннаромъ, при помощи Хагена.

Въ поэмѣ, мщеніе Гримгильды естественнымъ образомъ падаетъ на братьевъ и на Хагена. Въ квидахъ, напротивъ, мщеніе обращено на Аттилу.

Вотъ содержаніе пѣсни о Нибелунгахъ.

По смерти первой жены своей, Іельки, Аттила, прослышав о необыкновенной красотѣ Гримгильды Бургундской, предложи ей свою руку. Гримгильда, побуждаемая славой обратить язычни на путь истины, отправилась въ невѣдомую до сихъ поръ стр Гунновъ. Аттила встрѣтилъ невѣсту на границѣ своего царс и привезъ ее въ свой таинственный градъ.

По прошествіи семи лѣтъ, родивъ сына Ортлиба, Гримги надумалась, что пора уже мстить братьямъ за смерть перваго м Сигурда.

Она сказала Аттилѣ:

— Какъ горько мнѣ, что въ твоей землѣ всѣ смотрятъ на меня, какъ на безродную сироту. Какъ бы я желала видѣть братьевъ моихъ и всю родню у себя въ гостяхъ.

Аттила отвѣчаетъ:

— Хорошо. Если только ты этого желаешь, то мы немедленно же пошлемъ въ Бургундію двухъ гудочниковъ.

И дѣйствительно, немедленно же и отправилъ послами въ Бургундію двухъ придворныхъ пѣвцовъ. *)

Когда явилось посольство съ приглашеніемъ короля Гунтёра и его братьевъ, Гернота и юнаго Гизельгера, въ гости къ Аттилѣ, Хагенъ, главное орудіе убійства Сигурда, навелъ было сомнѣніе на присланный поцѣлуй отъ Гримгильды; но Гунтеръ, полагаясь на семь лѣтъ, послѣ которыхъ всѣ старые счеты и долги прекращаются, а особенно довѣряясь гостепріимству, доблестной и честной славѣ Аттилы, рѣшилъ ѣхать. Однако же, въ предосторожность, на всякій случай, подъ предводителъствомъ Хагена, сопровождаетъ путниковъ отборная, храбрая дружина. Миновавъ и горы высокія, и степи широкія, и моря глубокія, братья Гримгильды пріѣзжаютъ въ Гуннское царство. Аттила радушно встрѣчаетъ и принимаетъ гостей, сажаетъ ихъ за бранные столы, угощаетъ медвянымъ питьемъ и явствами. Кормилецъ выноситъ его младенца-сына на показъ дядямъ. А между тѣмъ, Гримгильда распорядилась уже инымъ угощеніемъ, склонивъ нѣкоторыхъ витязей, а въ томъ числѣ и брата Аттилы, Владо, мстить за себя.

Во время столованья Нибелунговъ въ палатахъ царскихъ, дружина ихъ, въ свою очередь, столовала въ гербергѣ.**) Владо, съ своей тысячью, окружилъ герберґъ, вошелъ къ пирующимъ, и на поклонъ командира дружины Бургундской, брата Хагена, Данкварта, отвѣчалъ, что пришелъ не за поклономъ его, а за головой. Послѣ краткихъ, на этотъ разъ, объясненій, Данквартъ снесъ голову Владу. Вслѣдствіе чего, Гунны, разумѣется, бросились съ обнаженными мечами на гостей. Началась рѣзня. Данквартъ отправился

*) Посольство поэтовъ было въ старину въ большомъ употребленіи. Они составляли при дворахъ классъ ученыхъ, писцовъ и возглашателей славы. Пѣвецъ былъ собственно законникъ.

**) Гостинницѣ.

во дворецъ и донесъ Хагену, что въ гербергѣ не благополучно. Вспыльчивый Хагенъ понялъ въ чемъ дѣло, звѣрски взглянулъ на Гримгильду, выхватилъ мечъ изъ ноженъ, вцѣпился въ волоса маленькаго Ортлиба, отмахнулъ голову, бросилъ ее на колѣни матери, и сказалъ:

— На! Я зналъ, что ты намъ даромъ не поднесешь вина! Вотъ тебѣ въ задатокъ!

Взоры и мечи хозяевъ и гостей ярко блеснули: начался кровавый бой.

Бургундовъ тѣснятъ. Храбро защищаясь, они отступаютъ къ гридницѣ, гдѣ идетъ свалка между воинами. Гримгильда предусмотрительна: гридница вспыхнула, горитъ. Отъ жару и жажды изнемогаютъ Бургунды.

— Пей кровь! кричитъ Хагенъ.

И эпическіе Бургунды, въ самомъ дѣлѣ, по надлежащемъ, однако же, испытаніи, дѣйствительно ли кровь утоляетъ жажду, прохлаждаетъ и подкрѣпляетъ силы, — принялись пить кровь.

Послѣ этой попойки, во время которой Гунны, вѣроятно, также утоляли жажду чѣмъ нибудь, битва возгорѣласъ.

Драматическое сраженіе между витязями Аттилы и Нибелунгами тянется въ продолженіи 2000 стиховъ. Всѣ сражающіеся, по очереди, перебили другъ друга. Въ заключеніе, Ѳеодорикъ Бернскій, сражается съ Хагеномъ, и ранитъ его. Но не желая умертвить, связываетъ и передаетъ Гримгильдѣ. Потомъ сражается съ самимъ Гунтеромъ, королемъ Бургундскимъ, ранитъ его, и передаетъ Гримгильдѣ, въ увѣренности, что она пощадитъ и помилуетъ братьевъ. Но Гримгильда злобно и торжественно говоритъ Хагену:

— Хочешь жить, такъ скажи, гдѣ затаены вами сокровища Сигурда?

— Сказалъ бы, — отвѣчаетъ Хагенъ, — да я далъ клятву, до тѣхъ поръ не говорить никому, гдѣ лежитъ кладъ, покуда живъ хоть одинъ изъ моихъ владыкъ.

— О, такъ мы сейчасъ же кончимъ дѣло, — прошипѣла Гримгильда, и, черезъ нѣсколько мгновеній, она держала уже передъ глазами Хагена отрубленную голову брата своего, Гунтера, за волоса.

Хагенъ содрогнулся.

— Нѣтъ уже въ живыхъ благороднаго короля Гунтера! — вскричалъ онъ, — нѣтъ юнаго Гизельгера! нѣтъ и Гернота. Но живъ еще владыко мой, Богъ, и дѣло твое не кончено, злодѣйка!

— Такъ подай же мнѣ хоть мечъ Сигурда! — изступленно проговорила Гримгильда и быстро выхватила она мечъ изъ ноженъ, взмахнула имъ — и голова Хагена отпала отъ плечь.

Въ это время входитъ Аттила.

— Отъ рукъ женщины гибнетъ герой! — восклицаетъ онъ въ ужасѣ.

— Я за него мститель! — сказалъ какой-то старый Гадобратъ, поражая, въ свою очередь, Гримгильду.

И поэма оканчивается слѣдующими стихами:

И легли тутъ всѣ, смерти обреченные,
Въ куски изрублена великая жена;
Ѳеодорикъ и Аттила скорбно восплакали
О кровныхъ своихъ, и о своихъ витязяхъ.

Въ квидахъ, вмѣсто Гримгильды, послѣ смерти Іельки, сердце Аттилы наслѣдовала Гудруна. Вмѣсто одного сына, Ортлиба, у ней два сына: Эрпо и Эйтиль. По Atlaquida, не Гудруна замышляетъ мстить братьямъ смерть Сигурда, а самъ Аттила, изъ корысти сокровища, которымъ они завладѣли. Онъ посылаетъ къ нимъ посла, какого-то Кнефрода, звать къ себѣ на пиръ.

Кнефродъ пріѣзжаетъ —

Во владѣнія Гойковичей,
Къ дому Гуннара,
Къ желѣзнокованной скамьѣ
И къ сладкому напитку.

Пріѣхавъ, посолъ заговорилъ зычнымъ голосомъ:

Аттила сюда меня послалъ
Рядъ урядить.

На конѣ, грызущемъ узду,
Черезъ темный лѣсъ,
Васъ проситъ, Гуннаръ,
Чтобъ пришли на скамью,
Съ шлемомъ желѣзокованнымъ,
Домъ посѣтить Аттилы!

Братья Гудруны, Гуннаръ и Хагенъ, не смотря на всѣ предостереженія, ѣдутъ въ Гунигардъ, въ гости къ Аттилѣ.

Гудруна встрѣчаетъ Гуннара слѣдующими словами:

Лучше бы было, братъ,
Еслибъ надѣлъ ты на себя броню,
Нежели желѣзокованный шлемъ,
Чтобъ видѣть домъ Аттилы.
Сидѣлъ бы ты въ сѣдлѣ
Солнце-свѣтлаго дня;
Пришлось бы блѣдный трупъ
Норнамъ*) оплакивать,
А Гунскимъ дѣвамъ
Извѣдать горе:
Быть бы самому Аттилѣ
Въ башнѣ змѣй;
А теперь эта обитель
Для васъ заготовлена.

На рѣчи Гудруны, Гуннаръ отвѣчаетъ:

— Поздно уже, сестра, собирать Нифлунговъ!

И дѣйствительно, поздно: Гуннара вяжутъ по рукамъ и по ногамъ.

Хагенъ тщетно защищаетъ Гуннара.

Кто-то спрашиваетъ:

— Не хочешь ли, владыко Готовъ, искупить душу золотомъ?

Гуннаръ отвѣчаетъ:

— Пусть мнѣ дадутъ въ руки сердце Хагена, пусть вырубятъ его изъ груди сына народоправителя.

---

*) Норнами въ Скандинавской миѳологіи назывались богини судебъ, которымъ не только люди, но даже боги должны были повиноваться. Ихъ было три: Урдъ, Верданде и Скульда. Кромѣ того, Норнами назывались и другія богини, покровительницы людей.

И вотъ для Гуннара вырѣзываютъ сердце изъ груди какого-то Гіалли, и подносятъ ему на блюдѣ.

— Это сердце слабаго Гіалли, — говоритъ Гуннаръ, — оно дрожитъ. Это не крѣпкое сердце Хагена.

Гуннару подаютъ сердце Хагена, говоря:

— Смѣялся Хагенъ, когда вырѣзывали его сердце.

— Вотъ, это сердце Хагена, — говоритъ Гуннаръ, — оно и на блюдѣ не дрожитъ. Теперь только я одинъ знаю, гдѣ сокрытъ кладъ.

Но гдѣ кладъ — онъ никому не говоритъ.

За укрываніе клада, Гуннара сажаютъ въ погребъ, полный змѣй.

Въ погребѣ Гуннаръ беретъ арфу и играетъ послѣднюю пѣснь.

Между тѣмъ, Аттила откуда-то возвращается. Гудруна встрѣчаетъ его съ золотой чашей въ рукахъ, и проситъ испить за упокой братьевъ.

Когда Аттила выпилъ чашу и вкусилъ брашно, Гудруна объявляетъ ему, что онъ упился кровью дѣтей своихъ и насытился ихъ сердцами.

На это сознаніе Аттила ничего не отвѣчаетъ, идетъ и ложится спать. А Гудруна даетъ своему «ложу» напиться крови Аттилы, выпускаетъ собакъ подлизать ее, и, въ заключеніе, запаливаетъ царскія палаты. Въ этомъ пожарѣ погибаетъ Аттила и, вѣроятно, сама Гудруна, потому что въ заключительной строфѣ сказано:

«Она отправила трехъ королей славныхъ на тотъ свѣтъ, потомъ сама погибла».

Другое сѣверное сказаніе объ Аттилѣ называемое Atlamal, не болѣе, какъ нѣсколько обширный перефразъ Atlaquida и преисполнено столькими несообразностями, что о немъ и говорить не стоитъ. Достаточно сказать, что въ немъ еще дѣйствуетъ Эрманарикъ, погибшій въ 376 году, и даже переживаетъ Аттилу...

Вотъ и всѣ сѣверныя сказанія объ Аттилѣ, изъ которыхъ едва ли что нибудь можетъ почерпнуть историкъ или изслѣдователь древностей. Все это не болѣе, какъ сказки, сшитыя самыми безыскуственными нитками и не имѣющія никакого историческаго значенія. И ошибется тотъ, кто вздумаетъ по этимъ сказкамъ судить объ Аттилѣ, этомъ славянскомъ царѣ половины V-го столѣтія.

Славянскій царь V-го столѣтія былъ не кровопійца, не жадный до золота человѣкъ, а былъ геній, который цѣлой головой стоялъ выше своихъ современниковъ, а если и проливалъ кровь, то проливалъ сознательно, если и бичевалъ Римъ, то бичевалъ потому, что Римское владычество стоило бичеванія...

Не даромъ же и сами Римляне называли его flagellum Dei — бичъ Божій...

КНИГА ПЯТАЯ.

БИЧЪ БОЖІЙ.

ГЛАВА I.

Византійскій заговоръ.

Глубоко оскорбленный унизительнымъ для себя договоромъ съ Аттилой, восточный императоръ, Ѳеодосій II, въ свою очередь, искалъ случая унизить, или даже погубить Аттилу.

Но съ Аттилой не такъ легко было справиться, особенно еще такому императору, какъ былъ Ѳеодосій.

Подобно большей части Византійскихъ императоровъ, Ѳеодосій былъ слѣпымъ орудіемъ женщинъ, духовенства, придворныхъ, и проводилъ все свое время въ удовольствіяхъ и набожныхъ обрядахъ. Въ продолженіе краткаго своего царствованія, онъ находился подъ опекою префекта Анѳимія, искусно управлявшаго государствомъ. Потомъ преобладающимъ вліяніемъ пользовались на него, сначала сестра его, Пульхерія, а за нею супруга его, Евдокія, ученая, образованная аѳинянка, отличавшаяся своею страстью къ пышности и внѣшнимъ благочестіемъ.

Тѣмъ не менѣе, Ѳеодосій, слабый, легкомысленный, не терялъ надежды найдти случай отмстить Аттилѣ, и, подобно всѣмъ боязливымъ, но заносчивымъ натурамъ, хотѣлъ сдѣлать это тайно, посредствомъ подкупа.

Вскорѣ подобный случай ему представился.

Въ Константинополь и Равенну Аттила отправилъ пословъ съ требованіемъ, ради глумленія надъ Өеодосіемъ и Валентиніаномъ, чтобы они для него, ихъ властелина, вслучаѣ если ему вздумается побывать въ Равеннѣ и Константинополѣ, приготовили роскошные дворцы.

Въ Равенну было отправлено посольство изъ Готскаго племени. Въ Константинополь любимецъ Аттилы — Годичанъ.

Өеодосій, по совѣту евнуха своего Хрисафія, вздумалъ воспользоватся пріѣздомъ Годичана, который привезъ еще и новыя, постыдныя для императора, требованія. Вмѣстѣ съ Годичаномъ прибылъ въ Византію Орестъ и еще нѣсколько воеводъ Аттилова двора.

Это было въ 447 году.

Въ этомъ году, недовольный возвратомъ переметчиковъ, Аттила сразу двинулъ свои войска на Грецію, и въ нѣсколько дней покорилъ города по Дунаю, область Сирмію, *) Ниссу, **) и Сардику. ***)

Испуганный императоръ хотѣлъ послать къ Аттилѣ посольство, чтобы умилостивить его, но Аттила предупредилъ императора, приславъ къ нему свое посольство.

Императоръ отвелъ для посольства лучшую часть своего дворца.

Въ первый же день пріѣзда, Өеодосій принялъ Годичана.

Когда Годичанъ вошелъ къ императору, который, окруженный своими придворными, сидѣлъ на обычномъ своемъ мѣстѣ, императоръ тотчасъ же всталъ передъ посломъ великаго царя и, въ знакъ покорности, слегка склонилъ свою голову.

Придворные послѣдовали примѣру императора. Одна только супруга Өеодосія, Евдокія, находившаяся возлѣ императора, презрительно окинула взглядомъ посла и не подала ни малѣйшаго признака уваженія къ царскому послу.

Посолъ это замѣтилъ.

Годичанъ, подобно своему властелину, былъ избалованъ всеобщимъ уваженіемъ и почетомъ. Поэтому онъ нѣсколько оскорбился поступкомъ императрицы и, въ свою очередь, захотѣлъ ей отплатить тѣмъ же. Онъ и началъ съ того.

— Я посолъ великаго царя,—заговорилъ Годичанъ, ты—импера-

*) Сирмія — Сербія.

**) Нисса — Нишава.

***) Сардика — Софія, Тріадица.

торъ, къ которому я посланъ для переговоровъ. Стало быть, мы съ тобой и должны рѣчь вести. Но зачѣмъ же тутъ баба?

Ѳеодосій нѣсколько растерялся отъ такого вступленія посла, и постарался объяснить:

— Посолъ царя великаго, это моя супруга, императрица.

Императрица чувствовала себя неловко, двигалась на сѣдалищe, и ворчала:

— Варваръ! варваръ!

— Пусть и супруга, мнѣ все равно. Но я при бабѣ рѣчь вести не стану.

Ѳеодосій умоляющимъ взглядомъ посмотрѣлъ на Евдокію.

Евдокія поняла его взглядъ, презрительно улыбнулась, и торжественно вышла.

— Ну вотъ теперь другое дѣло, — сказалъ Годичанъ, — теперь я могу съ тобой рѣчь вести, и онъ сѣлъ на приготовленное для него мѣсто.

Ѳеодосій тоже сѣлъ.

Орестъ помѣстился за сѣдалищемъ Годичана.

Сѣвъ, Ѳеодосій прежде всего справился о здоровьи великаго царя.

— Здоровъ ли великій царь и его семья? спросилъ онъ.

— Царь здоровъ, — отвѣчалъ Годичанъ, — здорова также и его семья. Великій царь и тебѣ желаетъ здоровья.

— Благодарю, благодарю за вниманіе ко мнѣ великаго царя.

Послѣ этого Орестъ подошелъ къ Ѳеодосію и вручилъ ему письмо Аттилы, въ которомъ заключались условія мира.

Ѳеодосій передалъ письмо переводчику Вигилѣ, который громко прочелъ его.

«Царь Аттила, повелѣвающій восточными и западными народами, предлагаетъ побѣжденной Византіи такія условія:

I. Не возвращенныхъ еще переметчиковъ, немедленно возвратить.

II. Греки очистятъ, подъ опасеніемъ возобновленія войны, всѣ покоренные оружіемъ царя Аттилы земли, простирающіяся по теченію Истра отъ областей Пеоніи *) по протяженію областей Ѳракійскихъ, въ длину, и на пять дней пути **) въ ширину.

---

*) Пеонія — Паннонія.

**) Пять дней пути — 200 верстъ.

III. Бывшее издревле торжище на берегу Дунайскомъ, перенесется на новую границу, въ Ниссу.

IV. Впредь послы отъ императора къ царю Аттилѣ должны быть не изъ разночинцевъ, но знаменитые мужи по роду, и консульскаго сана».

Условіями этими самолюбіе Θеодосія было затронуто окончательно.

Θеодосій всталъ и, весь дрожа отъ безсильной злости, только и могъ проговорить:

— Хорошо, я пошлю къ великому царю достойное посольство.

Годичанъ, въ знакъ согласія, кивнулъ головой.

Никогда ничего подобнаго не видѣлъ дворъ Византійскій. Послы царя Аттилы вели себя съ императоромъ не только какъ равные ему, но даже какъ бы повелѣвали имъ. Жалкій Θеодосій, не смотря на всѣ свои усилія, никакъ не могъ возвыситься до почтенія къ себѣ Аттиловыхъ пословъ. Маленькая, щедушная фигурка его, съ нѣсколько опухшимъ, бритымъ лицомъ, съ влажными глазками, никакъ не подходила къ царственной особѣ. Даже драгоцѣнная, пурпуровая, вышитая золотомъ, тирская тога, не придавала ему никакой величавости.*) Взрощенецъ толпы Византійскихъ красавицъ и всегда вращавшійся между ними, Θеодосій былъ и кокетливъ, какъ женщина. Особенное кокетство его заключалось въ обуви. Онъ носилъ

*) Тирскій пурпуръ считался драгоцѣннѣйшимъ, такъ что фунтъ матеріи, окрашенной въ немъ, стоилъ больше тысячи динаріевъ. — Серебряный динарій стоилъ въ позднѣйшія времена римской республики нѣсколько больше 20 к. с. на наши деньги. — Пурпуровую краску добывали изъ сока раковинъ, которыхъ древніе различали два сорта: одинъ сортъ — murex, buccinum, другой — purpura pelagia. Пурпуровая краска была собственно двухъ цвѣтовъ: черная и красная, но изъ этихъ двухъ цвѣтовъ выдѣлывалось тридцать сортовъ пурпура. Цѣнился болѣе пурпуръ черный. Пурпуръ еще выдѣлывали изъ сока какихъ-то травъ, смѣшивая съ настоящимъ пурпуромъ, и эта краска называлась полупурпуромъ. Одежды, выкрашиваемыя пурпуромъ, приготовляли обыкновенно изъ шерсти, въ послѣдствіи изъ шелка, льна и даже изъ хлопчатой бумаги. Матеріи красили не въ пряжѣ, не въ тканяхъ, а въ грубомъ состояніи; уже послѣ окраски пряли и ткали. Пурпуровая краска отличалась особенною крѣпостію и прочностію, такъ что никогда не линяла. Лукрецій такъ восхитился прочностію пурпура, что написалъ о немъ слѣдующее: «Пурпуровая краска, соединившись съ шерстью, никогда не можетъ пропасть, даже если самъ Нептунъ станетъ мыть ее въ волнахъ, даже если онъ захочетъ вылить на нее все море со всѣми его водами». Но Лукрецій забылъ объ одномъ недостаткѣ пурпура: онъ имѣлъ довольно непріятный запахъ.

замѣчательно красивые башмаки, унизанные драгоцѣнными каменьями, которые и старался выказывать при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Но на маленькую императорскую ножку рѣдко кто обращалъ вниманіе,—разумѣется, исключая его любимцевъ,— что императора необыкновенно волновало и сердило. *)

Рѣзкій контрастъ составлялъ съ Ѳеодосіемъ посолъ Аттилы.

Рослый, стройный, съ окладистой русой бородой, подстриженный въ кружокъ, въ короткомъ, опушенномъ соболемъ, парчевомъ кафтанѣ, который по стану перехваченъ былъ алымъ кушакомъ, Годичанъ являлся передъ дворомъ Византійскаго императора олицетвореніемъ физической и нравственной силы.

Послѣ вступительнаго пріема посла великаго царя Гуннскаго, Ѳеодосій раскланялся съ Годичаномъ и Орестомъ, и попросилъ ихъ отдохнуть съ дороги, обѣщая, что они не будутъ имъ забыты, какъ послы великаго царя. Это было напоминаніемъ о томъ, что онъ хорошо одаритъ ихъ подарками.

Посольскіе подарки имѣли въ то время довольно важное значеніе, и послы судили по подаркамъ о степени величія и значеніи того, къ кому они посылались. Секретъ подарковъ заключался не въ цѣнности ихъ, а во вкусѣ. Надо было сдѣлать посламъ такіе подарки, которые бы пришлись имъ по нраву. На сколько послы восточныхъ владыкъ были въ этомъ отношеніи не требовательны, видно изъ того, что они, нерѣдко, въ первое время, довольствовались, какъ подаркомъ, однимъ только стручковымъ перцемъ, особенной породы лукомъ и чеснокомъ, которыхъ не производила ихъ земля. Разумѣется, этого нельзя сказать про время болѣе позднѣйшее, когда Славяне, знакомясь все болѣе и болѣе съ западомъ, постигли настоящую суть золота и драгоцѣнныхъ тканей. При Аттилѣ, зачастую, послы даже и отправлялись къ иностраннымъ державамъ для того только, чтобы получить хорошіе подарки.

*) Кажется, и самъ великій Цезарь имѣлъ подобную же слабость.

Сенека пишетъ:

«К. Цезарь даровалъ жизнь Помпею Пенну. Когда Пеннъ приносилъ Цезарю благодарность за это, то послѣдній протянулъ для поцѣлуя свою лѣвую ногу. Нѣкоторые изъ желанія извинить поступокъ, утверждаютъ, что Цезарь сдѣлалъ его не изъ высокомѣрія, а что ему хотѣлось показать свой позолоченный, или точнѣе золотой, унизанный жемчугомъ, башмачекъ».

Презирая самъ лично золото, ткани и драгоцѣнныя каменья, Аттила, однако, придворнымъ своимъ давалъ полную свободу роскошничать, какъ имъ угодно: позволялъ носить одежды, вышитыя золотомъ, украшать сбрую своихъ коней серебромъ и кистями, заводить въ домѣ золотую и серебряную посуду, и т. п. Роскошь при Аттилѣ дошла до того, что не только приближенные его, воеводы, полководцы, но даже и простые воины,—разумѣется, болѣе достаточные,—носили дорогіе кафтаны и полукафтанья изъ шелковой матеріи и украшали сбрую своихъ коней серебромъ и золотомъ. *)

Какъ великій, геніальный человѣкъ, Аттила очень хорошо понималъ, что онъ великъ величіемъ своихъ воиновъ, и поэтому всегда старался обогащать ихъ и въ нѣкоторомъ родѣ даже поощрялъ ихъ слабости. **)

А самъ Аттила, среди нихъ, былъ великъ я недосягаемъ и въ своей простой, шерстяной буркѣ.

Аттила даже какъ бы рисовался простотою своей жизни.

Дѣйствительно, контрастъ былъ поразительный: придворные и воины въ серебрѣ, золотѣ, каменьяхъ, а властелинъ ихъ, властолинъ, передъ которымъ дрожали двѣ великія имперіи, передъ которымъ каждый изъ его воеводъ былъ ничтожнѣе песчинки незамѣтной,—въ грубой, сѣрой буркѣ, ничѣмъ не украшенной, и въ простой, холщевой рубахѣ!...

---

*) Шелкъ въ ту эпоху извѣстенъ былъ въ двоякомъ видѣ, какъ сырецъ, и въ видѣ обработанномъ. Изъ греческихъ шелковыхъ фабрикъ самыя лучшія были на островѣ Косѣ; а изъ римскихъ, по крайней мѣрѣ во времена Марціана, въ тусскомъ кварталѣ города. Съ шелковыми и полушелковами тканями Римляне познакомились, надо полагать, въ послѣднія времена республики. Объ этомъ упоминаетъ Варронъ. Шелковыя ткани составляли сначала исключительную принадлежность женскаго пола. Для мужскаго онѣ считались неприличными. У Римлямъ даже существовали узаконенія противъ обычая носить мужчинамъ шелковую одежду. Разумѣется, эти узаконенія часто забывались, а наконецъ и совсѣмъ были забыты. Шелковыя одежды составляли въ древности предметъ роскоши и расточительности. По своей дороговизнѣ, онѣ были доступны немногимъ, такъ что во времена Авреліана шелкъ равнялся по цѣнѣ золоту, именно: фунтъ шелку стоилъ фунтъ золота.

**) Въ позднѣйшее время, Владиміръ Красное Солнышко, услыхавъ жалобу своихъ воиновъ, что, молъ, ѣдятъ они деревянными ложками, приказалъ выковать для нихъ серебряныя ложки, проговоривъ: будутъ воины — будетъ и серебро, а безъ воиновъ я серебра не добуду.

Оставивъ императора, послы, Орестъ и Годичанъ, отправились въ отведенные имъ роскошные покои дворца Византійскихъ императоровъ...

Взбѣшенный требованіемъ Аттилы, Θеодосій положительно не зналъ, что предпринять, чтобы хоть нѣсколько умѣрить требованія побѣдителя.

Окружавшіе его придворные стояли въ недоумѣніи.

Наконецъ, Θеодосій всталъ и далъ знакъ, чтобы его оставили одного.

Придворные, одинъ по одному, вышли изъ посольскаго покоя императора, тихо перешептываясь между собою о предстоящей придворной грозѣ.

Оставшись одинъ, Θеодосій, въ раздумьи, быстро началъ ходить изъ угла въ уголъ, потомъ подошелъ къ столу и ударилъ небольшой пальмовой палочкой по серебряной дощечкѣ, которая висѣла между двухъ мраморныхъ столбиковъ.

Пріятный звонъ серебра раздался въ посольскомъ покоѣ, и быстро смолкъ.

На звонъ вошелъ евнухъ Хрисафій, и почтительно остановился у дверей.

Нѣкоторое время Θеодосій не замѣчалъ вошедшаго любимца, потомъ, увидавъ, быстро подошелъ къ нему, положилъ руку на его плечо, и проговорилъ:

— Ты правъ, Хрисафій: поступить иначе я не могу. Съ этимъ согласна и Евдокія. Я ей уже передавалъ о твоемъ совѣтѣ. Согласна также и сестра моя, Пульхерія, и Марціалій.

Хрисафій склонилъ голову и поцѣловалъ лежащую на его плечѣ руку.

— Правъ, правъ! продолжалъ Θеодосій,—но какъ же это сдѣлать? Я, признаюсь, не знаю

— Повели мнѣ властелинъ, поступить такъ, какъ я найду лучшимъ, отвѣтилъ Хрисафій какимъ-то полумужскимъ, полуженскимъ голосамъ.

Θеодосій помолчалъ, и потомъ спросилъ:

— И ты, Хрисафій, надѣешься?

— Властелинъ,—отвѣчалъ Хрисафій — не въ нашей власти исполнить то, чтобы хотѣлось исполнить. Но, какъ вѣрный рабъ твой, я приму всѣ мѣры, чтобы замыселъ намъ удался.

— Ну, хорошо, хорошо, сказалъ въ раздумьи Θеодосій, — я тебѣ вѣрю, много вѣрю, и думаю, что ты поможешь мнѣ. Ступай, дѣлай то, что тебѣ угодно. Только, пожалуста, прошу тебя, не безпокой меня: я такъ утомленъ, такъ разстроенъ этимъ варварскимъ посольствомъ, что готовъ слечь въ постель.

Поклонившись и поцѣловавъ руку у Θеодосія, Хрисафій вышелъ и тотчасъ же отправился въ покой къ Годичану. Но такъ какъ онъ не зналъ славянскаго языка, то взялъ съ собою переводчика. Вигилу.

Хрисафій съ Вигилою вошли къ Годичану какъ нельзя болѣе кстати.

Годичанъ ходилъ и съ любопытствомъ осматривалъ стѣны, на которыхъ искусной рукой были написаны картины изъ греческой миθологіи.

— Посолъ великаго царя,—заговорилъ, черезъ переводчика, Хрисафій, — не хочетъ ли осмотрѣть и другіе покои императорскаго дворца?

Годичанъ изъявилъ свое согласіе.

Они пошли осматривать императорскій дворецъ.

Дворецъ, дѣйствительно, предстовлялъ много чудеснаго и восхитительнаго. Въ немъ было собрано все, что только создало дивнаго и роскошнаго человѣчество той эпохи. Каждый изъ народовъ внесъ во дворецъ какое либо свое диво, величіе, красоту, прелесть, очарованіе. Римъ внесъ туда свои соблазнительные термы, съ ваннами, каскадами, басейнами, цвѣтными гирляндами и благовоніями. Аравія — свои пушистые ковры, шелки, прозрачныя ткани, роскошныя сѣдалища и ложа. Сѣверъ принесъ туда цѣлыя груды блѣдножелтыхъ янтарей. Индія — драгоцѣнныя каменья, прихотливыя раковины, деревья и цвѣты. Сама Греція — украсила ихъ роскошными коллонадами, картинами и статуями. Это было диво своего вѣка, диво вѣка, когда человѣкъ весь свой умъ, все свое знаніе, свой геній вкладывалъ въ созидаемыя имъ громады: дворцы, мосты, сады, каналы и пирамиды...

И до сихъ поръ—западная Европа, Африка, Аравія, Персія и Индія полны этими величественными развалинами...

Годичанъ никогда невидавшій подобныхъ дивъ, приходилъ на каждомъ шагу въ неописанное восхищеніе и распрашивалъ Хри-

сафія, какъ и откуда все это взято, когда и кѣмъ сдѣлано, много ли стоило...

Хрисафій, черезъ Вигилу, удовлетворялъ его любопытство и, вмѣстѣ съ тѣмъ, прибавлялъ:

— Все это очень легко пріобрѣсть, стоитъ только захотѣть.

Сначала Годичанъ не обращалъ на эту прибавку вниманія, наконецъ, частое повтореніе ее, показалось ему нѣсколько странной, и онъ, черезъ переводчика, спросилъ у Хрисафія:

— Какъ такъ легко?

— Очень легко, отвѣчалъ Хрисафій.

— А какъ? спросилъ Годичанъ.

— А такъ: и посла ожидаетъ подобное же богатство, если онъ перейдетъ къ Византійцамъ.

Годичанъ на это возразилъ:

— Слугѣ и подданному, имѣющему свое отечество, сего сдѣлать непристойно.

— А имѣетъ ли посолъ, — спросилъ Хрисафій, — легкій доступъ къ царю, и какой чинъ занимаетъ?

— Чинъ на мнѣ воеводскій, отвѣчалъ Годичанъ, — я вхожъ къ своему царю и начальствую его тѣлохранителями вмѣстѣ съ другими вельможами, которые, по опредѣленнымъ днямъ, вооруженные, исправляютъ эту службу при своемъ царѣ.

Послѣ этого, Хрисафій намекнулъ Годичану, что можетъ доставить ему величайшее счастіе и почести, и изъявилъ желаніе поговорить съ нимъ откровенно.

Годичанъ согласился выслушать его.

Тогда Хрисафій, черезъ Вигилу, поклялся Годичану въ томъ, что будетъ говорить о дѣлѣ, для него полезномъ, и требовалъ взаимной клятвы въ томъ, что Годичанъ не разгласитъ ввѣренной ему тайны, если и не согласится на предложеніе.

Годичанъ поклялся по своему славянскому обычаю.

Тогда Хрисафій сказалъ Годичану, что, если онъ, возвратясь къ своему двору, умертвитъ царя и перейдетъ къ Византійцамъ, то будетъ принятъ съ великими почестями, и будетъ жить въ великомъ богатствѣ и счастіи между ними.

Хитрый Годичанъ притворно согласился, прибавивъ, однако, что ему нужны деньги, по крайней мѣрѣ, пятьдесятъ фунтовъ золота.

Хрисафій тотчасъ же бросился было за деньгами, но Годичанъ остановилъ его, сказавъ, что прежде ему надо возвратиться къ царю съ отвѣтомъ императора, и взять съ собою Вигилу, толмача, котораго онъ, если нужда потребуетъ, отправить въ Византію за условленными деньгами; что теперь принять ихъ не можетъ, потому что нельзя скрыть ихъ ни отъ своихъ чиновниковъ посольства, ни отъ самаго царя, который непремѣнно спроситъ, отъ кого и сколько онъ, Годичанъ, получилъ подарковъ въ Византіи.

Хрисафій, признавъ доводы Годичана справедливыми, согласился на исполненіе его мнѣнія и, почтительно проводивъ его въ назначенный покой, увѣдомилъ немедленно Ѳеодосія объ удачномъ окончаніи дѣла.

Ѳеодосій выслушалъ Хрисафія съ удовольствіемъ, а потомъ, посовѣтывавшись съ придворнымъ Марціаліемъ, свидѣтелемъ всѣхъ тайнъ двора, рѣшилъ отправить къ царю Аттилѣ Вигилу, соучастника замысла, и Максимина, вельможу, не знавшаго объ этомъ ничего, для прикрытія заговорщиковъ, чрезвычайнымъ посланникомъ по дѣлу о мирномъ договорѣ...

Когда, послѣ свиданія съ Хрисафіемъ, Годичанъ вошелъ въ отведенную для него палату дворца, палата показалась ему нѣсколько измѣнившеюся. Стѣны и картины, правда, оставались тѣже, но откуда-то появились, не стоявшія тамъ прежде, широкія и мягкія сѣдалища, необыкновенно роскошное ложе, по угламъ — высокія курильницы, на полу — драгоцѣнные ковры, а окна, задернутыя плотной, но очень прозрачной шелковой матеріей, выходили прямо на небольшое, уложенное по берегамъ бѣлымъ мраморомъ, озеро. Годичанъ невольно залюбовался на это прекрасное водное пространство, и, когда онъ, глядя на него, раздумывалъ о предательскомъ и дерзкомъ предложеніи Хрисафія, взоръ его вдругъ остановился на медленно двигавшейся по озеру ладьѣ. Ладья была устроена въ видѣ огромной раковины, съ парусами изъ пурпуроваго шелка, которые дивно гармонировали съ самою ладьей, раскрашенной въ блѣдно-розовый цвѣтъ. Не взирая на то, что ладья двигалась, она всетаки, какъ бы съ намѣреніемъ, не скрывалась изъ глазъ Годичана, и какъ бы стояла на одномъ мѣстѣ. Сначала Го-

дичану показалось, что въ ладьѣ никого не было, но потомъ, всматриваясь хорошенько, онъ увидѣлъ въ ней что-то такое, что заставило его сначала удивиться, а потомъ съ любопытствомъ вперить глаза свои въ самую глубину ладьи-раковины. Въ раковинѣ полулежала необыкновенной красоты женщина, которая почти что была обнажена и пересыпала въ рукахъ крупныя жемчужины.

Дѐнь уже склонялся къ вечеру, и лучи заходящаго солнца, скользя по темно-голубой поверхности озера, какъ-то странно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, очаровательно освѣщали волшебницу въ ея блѣдно-розовой раковинѣ...

Здоровый и молодой Годичанъ слегка вздрогнулъ: по его тѣлу пробѣжала та обольстительно-опъяняющая дрожь, которая охватываетъ человѣка при видѣ чего либо чарующаго и дѣйствующаго на воображеніе... Годичанъ еще болѣе впился глазами въ ладью-раковину, которая, какъ бы предугадавъ его желаніе, медленно начала приближаться къ мраморному берегу озера, но вдругъ остановилась у него, а черезъ нѣсколько мгновеній скользнула въ сторону, и исчезла за какой-то полувоздушной коллонадой...

Въ это же время на ступеняхъ набережной, которыя уходили въ самую глубину прозрачныхъ водъ озера, мгновенно появилось нѣсколько обнаженныхъ прелестницъ, которыя, съ раскиданными по плечамъ кудрями, шаля и играя, начали, одна за другой, погружаться въ воду...

Годичанъ устыдился такой картины, отшатнулся отъ окна, и, странно, вдругъ почувствовалъ въ головѣ невыразимо пріятную тяжѐсть...

Сдѣлавъ отъ окна нѣсколько шаговъ, онъ почти упалъ на близь стоящее ложе: въ ушахъ его слегка звенѣло, зрачки глазъ расширялись, а обоняніе рѣзко чуяло нѣчто страстно опьяняющее... Кинувъ взглядъ въ одинъ изъ угловъ палаты, гдѣ стояла высокая, золотая, фигурная курильница съ едва замѣтнымъ, синимъ огонькомъ, Годичанъ, къ удивленію, замѣтилъ, что курильница какъ будто движется и свѣтъ ея все болѣе и болѣе увеличивается... Годичанъ, лѣниво повернувъ голову, заглянулъ въ другой уголъ: съ курильницей, тамъ стоявшей, происходило тоже самое... «Это мнѣ чудится такъ» подумалъ онъ, и успокоился... А между тѣмъ, пріятная лѣнь совсѣмъ одолѣвала его: ему даже лѣнь было

пошевелить рукой, ногой, головой, даже лѣнь было думать о чемъ-либо, а хотѣлось только отдыхать, и безконечно отдыхать на этомъ мягкомъ, удобномъ и прекрасномъ ложѣ...

Годичана начала уже томить легкая дрема, какъ передъ нимъ, точно во снѣ, тихія, прекрасныя, появились дѣвушки, и начали играть на цитрахъ.

Всѣ онѣ были одѣты въ косскія шелковыя ткани, такія легкія, такія прозрачныя, что черезъ нихъ сквозило все тѣло дѣвушекъ, казавшееся еще прекраснѣе, еще обольстительнѣе. *) На обнаженныхъ до плечь рукахъ, выше локтя, блистали у нихъ золотыя запястья, унизанныя драгоцѣнными каменьями, издававшими невѣроятно прекрасный свѣтъ. На ногахъ, ниже колѣнъ, были надѣты такія же запястья, которыя, при малѣйшемъ движеніи прелестницъ, издавали тихій и пріятный звонъ. Волосы ихъ были переплетены жемчужными нитками и цвѣтными гирляндами; на шее висѣли ожерелья изъ крупнаго Винетскаго янтаря.

Годичанъ смотрѣлъ на нихъ съ нѣкотораго рода удивленіемъ. А онѣ, между тѣмъ, начали передъ нимъ пѣть и плясать... Пѣсни ихъ звучали самой неудержимой, самой соблазнительной любовью, а пляски — опъяняли, какъ хмѣлемъ, до самой глубины души... Годичану хотѣлось имъ что-то сказать, но языкъ его какъ будто прилипъ къ гортани, и онъ ничего не могъ промолвить... А дрема

---

*) Косскія шелковыя ткани между порядочными людьми пользовались дурною славою. Многіе считали совершенно неприличнымъ употребленіе косскихъ тканей, — онѣ приготовлялись на островѣ Косѣ, — потому что сквозь нихъ просвѣчивало тѣло. Замѣчательны слова Сенеки въ его трактатѣ о благодѣяніяхъ относительно подобныхъ тканей. «Вижу шелковыя одежды, говоритъ онъ, если можно назвать одеждою то, въ чемъ ничего нѣтъ, чѣмъ можно прикрыть тѣло и стыдливость. Какая изъ Римлянокъ, надѣвши ихъ, побожится, что она въ самомъ дѣлѣ одѣта. Эти одежды привозятся отъ народовъ, неизвѣстныхъ даже купцамъ, за огромныя деньги, чтобы наши дамы могли выставлять себя въ нихъ на показъ, не только любовникамъ, но и всему народу.» И въ другомъ мѣстѣ: «Что сказать объ одеждѣ нашего времени, которая ничего не въ состояніи прикрыть, въ которой не только нѣтъ никакой защиты нашему тѣлу, но нѣтъ ея и стыдливости.» Сначала косскія шелковыя ткани были принадлежностью однѣхъ только куртизанокъ. Но въ описываемую эпоху, въ западной и восточной имперіяхъ, стали носить ихъ не только женщины извѣстнаго поведенія, но и женщины благородныя и даже мужчины.

все болѣе и болѣе одолѣвала его, и, вмѣстѣ съ нею, по всему тѣлу его пробѣгали какія-то огненныя струи...

Годичанъ началъ забываться...

Въ это время, одна за одной, съ милыми ласками на устахъ, съ чарующимъ огнемъ на рѣсницахъ, лобзая и обнимая его, къ нему начали подходить молодыя, обольстительныя прелестницы...

Далѣе Годичанъ ничего не помнилъ...

Проснувшись довольно поздно, онъ чувствовалъ необыкновенную тяжесть въ головѣ, сердце его сильно билось, вѣки сжимались, ноги нервно вздрагивали. Недоумѣвая, что такое съ нимъ происходило вчера вечеромъ, онъ вдругъ увидѣлъ вошедшаго къ нему Хрисафія.

— Хорошо ли царскій посолъ изволилъ почивать? — хитро привѣтствовалъ его Хрисафій.

Годичанъ объявилъ ему о своемъ недоумѣніи и что чувствуетъ себя не особенно хорошо.

— Неужели?—удивился, улыбаясь, Хрисафій. — А я думалъ на оборотъ. Я думалъ, что царскій посолъ изволилъ провесть самую пріятную и самую восхитительную ночь.

— Почему такъ? спросилъ Годичанъ.

— Мало ли почему! отвѣчалъ уклончиво Хрисафій, и улыбнулся.

Годичанъ понялъ, что для него, изъ угожденія, рѣшились на что-то не особенно благовидное. Это что-то пришло Годичану очень не по вкусу, и онъ съ недовольствомъ сказалъ Хрисафію:

— Спасибо зà ночь... Только ужъ вы, въ другой разъ, пожалуй, не дѣлайте такъ... Мнѣ такъ не нравится.

— Во всякомъ случаѣ, — заговорилъ нѣсколько безпокойно Хрисафій, — царскій посолъ на меня за это не осердится, и не забудетъ того, о чемъ у насъ вчера шла рѣчь.

— Нѣтъ! отвѣтилъ рѣзко Годичанъ.

Хрисафій помолчалъ, медленно поклонился Годичану, и, объявивъ, что посольство императоромъ уже назначено, вышелъ.

Годичанъ, проводивъ его глазами, далъ въ душѣ клятву разоблачить заговоръ Византійскаго двора передъ своимъ властелиномъ.

Дворъ Византійскій горько ошибся въ выборѣ Годичана.

Годичанъ былъ однимъ изъ вѣрнѣйшихъ слугъ Аттилы.

ГЛАВА II.

ПОСОЛЬСТВО ѲЕОДОСІЯ.

Въ тотъ же день, посольство императора Ѳеодосія, во главѣ съ Максиминомъ, секретаремъ Прискомъ Риторомъ и переводчикомъ Вигилой, вмѣстѣ съ возвращавшимся посольствомъ Аттилы, выступило въ дорогу.

Послѣ тринадцатидневнаго пути, посольство прибыло въ Сардику.

По прибытіи туда, посольство императора пригласило Годичана вмѣстѣ со свитой откушать съ нимъ. Столъ былъ у посольства порядочный: жители Сардики доставили ему довольно говядины и баранины.

Во время обѣда, Гунны стали превозносить Аттилу:

— Великъ нашъ царь, Аттила, и нѣтъ равнаго ему царя на свѣтѣ!

Въ свою очередь, послы Ѳеодосія начали превозносить своего императора:

— Нашъ Ѳеодосій лучшій императоръ, и не было такого императора, какъ онъ! Только одному Августу онъ и равенъ!

А переводчикъ Вигила прибавилъ:

— Что вы, Гунны, хвалите своего царя, человѣка, съ такимъ императоромъ, какъ нашъ божественный Ѳеодосій!

За это сравненіе Гунны разсердились на пословъ императора, и готовы были затѣять ссору; но послы обратили разговоръ на другіе предметы и старались ласковыми словами укротить гнѣвъ Гунновъ.

Послѣ обѣда, Максиминъ, чтобы совершенно примириться съ посольствомъ Аттилы, предложилъ Годичану и Оресту подарки: шелковыя платья и индійскій жемчугъ.

Орестъ, дождавшись пока Годичанъ оставилъ общество, обратился къ Максимину и хвалилъ его благоразуміе, что не мѣшался въ общій разговоръ, явно противный обоимъ правителямъ, и замѣтилъ ему:

— Зачѣмъ всѣ, дѣлая подарки Годичану, пренебрегли меня?

Послы императора, не зная къ чему относились подобныя слова Ореста, спрашивали его:

— Въ чемъ и какимъ образомъ произошло такое пренебреженіе?

Орестъ, однако, не сказавъ ни слова, вышелъ.

На другой день, продолжая путь, секретарь посольства, Прискъ Риторъ, сошелся съ Вигилою и повторилъ ему слова Ореста.

Вигила отвѣчалъ:

— Орестъ отнюдь не долженъ сердиться за неполученіе подарковъ на равнѣ съ Годичаномъ, потому что онъ есть только писецъ или секретарь Аттилы, а Годичанъ знаменитый вождь и вельможа, и много выше его достоинствомъ.

Затѣмъ, Вигила обратился къ Годичану и началъ говорить съ нимъ на славянскомъ языкѣ, и все, о чемъ шла рѣчь, передавалъ посольству. Но онъ посольство обманывалъ, и передавалъ ему совсѣмъ другое.

Слушая все это, Орестъ началъ нѣчто подозрѣвать. А Вигила обманывалъ посольство потому, что боялся открытія заговора.

Наконецъ, посольство императора прибыло въ городъ Ниссу, который былъ почти совсѣмъ разоренъ и оставленъ жителями. Только въ развалинахъ церквей находилось по нѣскольку больныхъ.

Перейдя рѣку Нишаву, посольство двинулось черезъ Нисскія поля, которыя еще были усѣяны костями убитыхъ въ бывшемъ тамъ недавно сраженіи.

На другой день, посольство прибыло въ главное становище Агинтея, главноначальствовавшаго войсками Ѳеодосія въ Иллирикѣ, находившееся не подалеку отъ Ниссы.

Ѳеодосій далъ Агинтею повелѣніе отпустить посламъ пять Гуннскихъ бѣглецовъ, для пополненія числа семьнадцати, которыхъ обѣщался возвратить Аттилѣ.

Агинтей, отпуская бѣдныхъ бѣглецовъ, на сколько возможно, утѣшалъ ихъ.

Такъ какъ Аттила не хотѣлъ принимать посольства императора въ Сардикѣ, то послы, переночевавъ въ Иллирикѣ, взяли направленіе отъ Нисскихъ горъ къ Дунаю.

Въ дорогѣ, послѣ многихъ извилинъ и переходовъ, посольство набрело на одно селеніе, изъ котораго оно, черезъ ровныя и влажныя мѣста, пробралось къ берегу Дуная.

На берегу Дуная Гуннскіе перевозчики приняли посольство въ свои лодки, которыя были выдолблены изъ толстыхъ бревенъ.

Лодки эти были приготовлены не для посольскаго перевоза, а для переправы на южный берегъ многочисленнаго войска Гунновъ, съ которымъ посольству должно было встрѣтиться въ дорогѣ.

Аттила выступалъ въ походъ такъ же легко, какъ и на охоту, и таковы были его приготовленія къ войнѣ за горсть какихъ-нибудь жалкихъ бѣглецовъ.

Переправившись черезъ Дунай, посольство проѣхало верстъ пятнадцать, и его вдругъ остановили на одномъ полѣ и велѣли дожидаться, пока Годичанъ отправится къ Аттилѣ и извѣстить его о прибытіи. При императорскомъ посольствѣ оставлены были воины, которые должны были провожать посольство, какъ иностранцевъ.

Къ вечеру, во время ужина посольства, послышался топотъ лошадей, и вдругъ появились два Аттиловыхъ всадника.

Они велѣли посольству ѣхать на другой день къ Аттилѣ.

Императорскіе послы просили всадниковъ откушать съ ними. Всадники сошли съ лошадей, присѣли къ нимъ и отужинали вмѣстѣ.

На другой день, всадники проводили пословъ, и послы, въ восьмомъ часу, приблизились къ палаткѣ царя-полководца, вокругъ которой было раскидано множество другихъ палатокъ.

Это былъ воинскій станъ Аттилы.

На одномъ удобномъ возвышеніи императорскіе послы хотѣли было раскинуть и свою палатку, но это имъ было запрещено, и послы должны были остановиться тамъ, гдѣ имъ назначили.

Вскорѣ къ посламъ императорскимъ прискакали Годичанъ, Скотанъ, Орестъ и другіе Гуннскіе воеводы, и стали у пословъ спрашивать:

— Для чего, и по какому поводу прибыли вы сюда?

Удивленные послы не понимали такого страннаго вопроса. Но Гунны настаивали и стали заводить шумъ, чтобы вынудить у пословъ признаніе. Послы отвѣчали, что они имѣютъ повелѣніе отъ своего императора, которое сообщатъ одному только царю.

Скотанъ разсердился на такой отвѣтъ, и крикнулъ:

— Я получилъ повелѣніе отъ самого царя узнать причину вашего прибытія! А вашу хитрость и низость въ дѣлахъ мы знаемъ!

Послы начали увѣрять и доказывать, что еще никогда не было ни закона, ни обыкновенія, чтобы посланники разглашали всякому ввѣренныя имъ препорученія прежде, нежели будутъ допущены

къ тому, къ кому онѣ прямо относятся, что это имъ самимъ должно быть извѣстно, такъ какъ они сами были посланниками въ Византіи, и что̀ имъ позволено было, того и они не должны отвергать, а должны поддерживать права посольства.

Получивъ такой отвѣтъ, воеводы Аттиловы отправились къ нему, но вскорѣ возвратились.

Недостовало одного только Годичана.

Посланцы Аттиловы сами высказали императорскому посольству цѣль ихъ прибытія, и прибавили, что если они, кромѣ этихъ порученій, другихъ не имѣютъ, то могутъ отправляться во свояси.

Въ такомъ положеніи послы не знали что предпринять и никакъ не могли додуматься, какимъ образомъ тайныя порученія императора были извѣстны Аттилѣ. Сколько послы не оправдывались и не просили, чтобы ихъ допустили къ царю, но Гунны настояли, чтобы они отправились въ обратный путь.

Во время приготовленія къ отъѣзду, Вигила упрекалъ своихъ товарищей за отвѣтъ. Онъ говорилъ, что «гораздо лучше было бы солгать что либо, чѣмъ, не сдѣлавъ ничего, возвратиться домой. Если бы я, говорилъ онъ, повидалъ царя, то всѣ несогласія между обѣими державами прекратились бы, тѣмъ болѣе, что я уже прежде оказалъ царю услуги во время перваго заключенія договора. Того же мнѣнія и Годичанъ».

Вигила мѣтилъ на то, чтобы, подъ видомъ посольства, исполнить тайныя порученія Византійскаго двора относительно умерщвленія Аттилы, но онъ не зналъ, что умыселъ двора былъ уже открытъ. Его открылъ Аттилѣ Годичанъ, притворно согласившійся на подкупъ. Онъ же ему сообщилъ и то, о чемъ долженъ былъ вести переговоры и Максиминъ.

Осѣдлавъ коней, послы, по необходимости, вечеромъ, отправились было въ обратный путь, какъ вдругъ къ нимъ прискакали царскіе воины съ повелѣніемъ, чтобы они, не пускаясь въ путь въ темную ночь, возвратились на свое мѣсто. Къ посламъ тотчасъ же привели и зарѣзали быка и принесли много рыбы, присланной имъ Аттилой. Поужинавъ, послы улеглись спать. На разсвѣтѣ послы императорскіе ласкали себя надеждой, что Аттила, смягчившись, приметъ ихъ благосклоннѣе. Однако, онъ велѣлъ сказать посламъ,

что если они не имѣютъ сказать болѣе того, что уже ему извѣстно, то должны возвратиться домой.

Послы снова собрались въ дорогу, не смотря на то, что Вигила убѣдительно совѣтовалъ сказать царю, что имѣетъ еще что-то сообщить ему, для него весьма важное.

Замѣтивъ прискорбіе Максимина по случаю неудачнаго и постыднаго посольства, Прискъ Риторъ рѣшился сходить въ палатку Скотана, и взялъ съ собою одного изъ чиновъ посольства, Рустиція, который хорошо зналъ славянскій языкъ.

Чрезъ Рустиція, Прискъ разговаривалъ со Скотаномъ и отъ имени Максимина обѣщалъ ему великіе подарки, если онъ откроетъ посламъ доступъ къ Аттилѣ, такъ какъ Максиминъ желаетъ заключить такой договоръ, который очень будетъ полезенъ не только для Византіи, но и для самаго Аттилы.

Убѣжденный словами Приска, Скотанъ сѣлъ на коня и поскакалъ къ палаткѣ Аттилы.

Возвратясъ къ своей палаткѣ, Прискъ нашелъ Максимина и Вигилу въ величайшемъ недоумѣніи и страхѣ. Прискъ разсказалъ Максимину о своемъ посѣщеніи Скотана и о его поѣздкѣ къ царю, и просилъ Максимина приготовить обѣщанные ему имъ подарки, и придумать рѣчь, которою должно будетъ привѣтствовать гордаго Аттилу.

Лежавшіе на травѣ Максиминъ и Вигила, встали, похвалили Приска за предпріимчивость, и велѣли позвать назадъ часть посольской свиты, выступившей уже въ путь.

Тогда послы императорскіе стали думать, какъ привѣтствовать царя Аттилу и поднести ему Ѳеодосіевы подарки.

Въ это время къ посламъ прибылъ Скотанъ съ повелѣніемъ приготовляться къ свиданію съ царемъ.

Посольство отправилось къ палаткѣ Аттилы, которая была окружена многочисленной стражей.

Когда послы вошли въ палатку, Аттила сидѣлъ въ деревянныхъ креслахъ, окруженный своими воеводами.

Послы остановились у входа палатки. А Максиминъ, подойдя къ Аттилѣ, поклонился и, вручая письмо Ѳеодосія, сказалъ:

— Императоръ желаетъ тебѣ, великій царь, и всѣмъ твоимъ подданнымъ здравствовать.

Аттила гордо отвѣчалъ:

— Ваши желанія вамъ же на голову!

Послѣ этого, онъ обратился къ Вигилѣ:

— Ты зачѣмъ здѣсь? для чего ты сюда прибылъ, когда миръ заключенъ на такихъ условіяхъ, какія я предложилъ?

Испугавшійся Вигила не зналъ что отвѣчать, а Аттила продолжалъ:

— Императоръ не прежде могъ прислать ко мнѣ посольство, какъ только по возвращеніи всѣхъ бѣглецовъ, находящихся въ его владѣніяхъ!

Вигила на это отвѣчалъ, что въ Имперіи не осталось ни одного бѣглаго изъ Скиѳскаго народа, такъ какъ всѣ они уже выданы.

Аттила вспыхнулъ.

— За эту дерзкую ложь слѣдовало бы тебя повѣсить; но я уважаю права посольства!—грозно произнесъ Аттила, и велѣлъ писцамъ своимъ подать списокъ бѣглыхъ, которые находились еще въ Византіи, и читать вслухъ.

Аттила имѣлъ достаточно причинъ, чтобы добиться выдачи бѣглецовъ, такъ какъ Византійцы покровительствомъ своимъ бѣглецамъ, подавали поводъ воинамъ Аттилы къ побѣгу. А Аттила этого страшно не любилъ.

Когда отмѣтили число недостававшихъ, Аттила тотчасъ же повелѣлъ одному изъ своихъ воеводъ, Иславу, отправиться съ Вигилою въ Византію и, по объявленіи императору, чтобы немедленно выданы были всѣ бѣглецы, проживающіе въ его областяхъ,—возвратиться скорѣе съ отвѣтомъ: будутъ ли возвращены переметчики, или, въ противномъ случаѣ, желаютъ ли Византійцы продолженія войны. Максимину же велѣлъ дожидаться, пока приготовится отвѣтъ на письмо императора.

Вслѣдъ за этимъ, принявъ отъ пословъ подарки, ихъ отпустили. Когда они пришли къ себѣ, къ нимъ явился Годичанъ, и отозвавъ Вигилу въ сторону, велѣлъ ему, при возвращеніи изъ Византіи, привезти условленныя деньги для подкупа стражи и, кончивъ совѣщаніе, ушелъ опять. Тутъ же послы получили запрещеніе Аттилы выкупать Византійскихъ плѣнныхъ у его подданныхъ, или покупать рабовъ, лошадей, или чтобы то ни было, кромѣ съѣстнаго, до тѣхъ поръ, пока не будетъ заключенъ окончательный миръ между нимъ и Ѳеодосіемъ.

Иславъ и Вигила отправились въ Константинополь будто для того, чтобы по повелѣнію Аттилы привести плѣнныхъ и переметчиковъ, а на самомъ дѣлѣ, для того, чтобы Вигила привезъ обѣщенное Годичану золото, и Аттила могъ уличить его въ заговорѣ на его жизнь и тѣмъ еще болѣе увеличить свои требованія отъ Ѳеодосія.

По отъѣздѣ въ Константинополь Ислава и Вигилы, Аттила приказалъ посламъ императора дожидаться прибытія Онигиса, перваго своего совѣтника и воеводы, который долженъ былъ написать отвѣтъ на письмо Ѳеодосія и принять, для храненія, подарки, присланные и ему, и Онигису.

На третій день послѣ этого, посольство отправилось за Аттилою въ мѣста, лежащія болѣе къ сѣверу. Проѣхавъ нѣкоторое время за Аттилою, послы, по указанію проводниковъ, поворотили на другую дорогу.

Аттила же остановился въ одномъ селеніи и затѣялъ свадьбу на встрѣтившейся ему на Дунаѣ дѣвушкѣ-красавицѣ, дочери нѣкоего Эски, Эскинѣ.

Между тѣмъ, послы продолжали путь все на сѣверо-востокъ, переправляясь черезъ нѣсколько судоходныхъ рѣкъ. Черезъ рѣки перевозили ихъ жители сосѣднихъ деревень. На пути, въ селеніяхъ, имъ вездѣ доставляли съѣстные припасы: мучныя лепешки и квасъ.

Послѣ долгаго пути, въ вечернее время, послы прибыли къ одному озеру и, желая отдохнуть, раскинули на берегу озера свои палатки. Но вдругъ поднялся сильный вѣтеръ, загремѣла ужасная гроза: палатку пословъ разломало, а вещи унесло въ озеро. Послы испугались и во мракѣ разсѣялись, кто куда могъ, искать отъ грозы убѣжища. Наконецъ, разными дорогами, они достигли селенія, собрались и начали кричать о помощи. На этотъ шумъ жители селенія выбѣжали съ зажженными лучинами въ рукахъ, и, приблизившись къ посламъ, спрашивали, что съ ними сдѣлалось и отчего они такъ разшумѣлись. Проводники отвѣчали, что гроза преслѣдуетъ ихъ. Узнавъ это, селенцы съ радушіемъ просили ихъ къ себѣ.

Это селеніе принадлежало вдовѣ Влада.

Она прислала посламъ кушаньевъ, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣсколько красавицъ, чтобы имъ пріятнѣе было провести вечеръ. Поблаго-

дарилъ за кушанья, послы, однако, отказались отъ пріятнаго сообщества съ милыми красавицами.

На утро слѣдующаго дня, послы начали искать своихъ вещей, потерянныхъ ими ввечеру. Они нашли ихъ отчасти тамъ, гдѣ стояли наканунѣ, отчасти на берегу озера, частью же въ самомъ озерѣ. Обсушившись и осѣдлавъ лошадей, послы отправились къ Владо, чтобы откланяться ей и поблагодарить за гостепріимство. Послы подарили ее серебряными сосудами, красною шерстью, индійскимъ перцемъ, финиками и другими сухими плодами.

Откланявшись, послы отправились далѣе.

Проѣхавъ шесть дней сряду, проводники заставили пословъ подождать, пока Аттила проѣдетъ этою дорогою.

Тутъ послы Восточнаго императора встрѣтились съ послами Западнаго, которые тоже ѣхали за Аттилой.

Въ Римскомъ посольствѣ состояли: комитъ Ромулъ, префектъ Норики, Примутъ, и Романъ, извѣстный римскій военачальникъ. Съ ними былъ и секретарь Аттилы, Констанцій, и Татуллъ, отецъ Ореста, въ качествѣ свата Ромулова, такъ какъ Орестъ былъ женатъ на Ромуловой дочери.

Переждавъ проѣздъ Аттилы, оба посольства отправились вслѣдъ за нимъ.

Дня черезъ три, оба посольства прибыли въ столицу Аттилы, Кыевъ...

ГЛАВА III.

ОБѢДЫ АТТИЛЫ.

Хоромы, постренныя Болемиромъ, при Аттилѣ еще болѣе украсились, и были выше и величественнѣе всѣхъ строеній въ городѣ. Нѣкоторыя постройки были уже воздвигнуты изъ хорошо полированныхъ каменьевъ. Весь дворецъ былъ окруженъ рѣзною деревянною оградою не для укрѣпленія, а для украшенія. Ближе всѣхъ

къ дворцу находился домъ Онигиса, тоже съ оградою, но не съ такими красивыми башнями, какъ на дворцѣ. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ дома Онигиса, находилась каменная, прекрасная баня. Баню эту построилъ Онигису одинъ плѣнный изъ Сирміи.

При въѣздѣ въ Кыевъ, на встрѣчу Аттилѣ, какъ прежде Болемиру, вышли дѣвушки и, воспѣвая ему славу, шли рядами въ городъ подъ длинными и широкими бѣлыми покрывалами, которыя, на подобіе балдахина, поддерживаемы были пожилыми женщинами. Подъ каждымъ покрываломъ находилось по шести и болѣе дѣвушекъ.

Когда Аттила приблизился къ дому Онигиса, на встрѣчу ему, изъ дверей дома, вышла супруга воеводы, сопровождаемая множествомъ дѣвушекъ, и поднесла на серебряномъ блюдѣ Аттилѣ закуску и вино. Аттила, не слѣзая съ лошади, прикушалъ нѣсколько съ блюда, поддерживаемаго его приближенными, и выпивъ чашу, поѣхалъ во дворецъ.

Послы же, по повелѣнію Онигиса, остались въ его домѣ. Здѣсь ихъ, супруга Онигиса съ другими знатными женщинами, угощала ужиномъ. Самого Онигиса не было: онъ все времо былъ у Аттилы. Послѣ ужина, оставивъ домъ Онигиса, Византійскіе послы въѣхали въ дворцовый обширный дворъ и раскинули тамъ свою палатку съ тѣмъ, чтобы Максимину легче было являться къ Аттилѣ. Послы тамъ переночевали.

Утромъ, на другой день, Максиминъ послалъ Приска вручить Онигису подарки, какъ отъ императора, такъ и отъ него, и просить его назначить посланнику время и мѣсто для переговоровъ. Съ Прискомъ шли слуги, которые несли подарки.

Прискъ слишкомъ рано сдѣлалъ посѣщеніе: въ домѣ еще спали.

Прохаживаясь отъ скуки возлѣ дома Онигиса, Прискъ встрѣтилъ одного плѣннаго Грека, который былъ съ виду богатъ и, по Гуннскому обычаю, носилъ волосы, подстриженные въ кружокъ.

Прискъ съ нимъ разговорился.

Оказалось, что это былъ Мизійскій Грекъ, жившій въ городѣ на Дунаѣ, Виминаціѣ, гдѣ производилъ торговыя дѣла, женился тамъ выгодно, но, послѣ взятія приступомъ Гуннами этого городо, лишился свободы и имѣнія, и при раздѣлѣ плѣнныхъ достался Онигису. Потомъ, сражавшись храбро подъ знаменами Аттилы противъ

Римлянъ, и на Днѣпрѣ, получилъ въ награду добычу вмѣстѣ съ свободою, женился на Гуннянкѣ, имѣетъ уже отъ нее дѣтей, и удостоившись любви и стола Онигиса, считаетъ себя гораздо счастливѣе, чѣмъ въ Византіи. Въ заключеніе разговора, онъ прибавилъ, что воины у Аттилы имѣютъ великія права и преимущества, и пользуются своимъ заслуженнымъ имѣніемъ вполнѣ, безъ всякихъ заботъ и обязанностей.

Между тѣмъ, одинъ изъ служителей Онигиса отворилъ ворота. Прискъ вошелъ и просилъ доложить, что онъ пришелъ отъ Византійскаго посланника и желаетъ говорить съ Онигисомъ. Служитель просилъ его подождать. Вскорѣ вышелъ Онигисъ. Сдѣлавъ поклонъ отъ имени посланника, и представивъ ему подарки какъ отъ императора, такъ и отъ Максимина, Прискъ спросилъ его о мѣстѣ и времени свиданія съ царемъ.

Онигисъ велѣлъ слугамъ своимъ принять золото и подарки, а Приску сказалъ, чтобы онъ доложилъ Максимину, что тотчасъ же къ нему прибудетъ.

И дѣйствительно, вслѣдъ за Прискомъ Онигисъ прибылъ въ палатку Максимина.

Изъявивъ свою благодарность какъ Ѳеодосію, такъ и Максимину, Онигисъ спросилъ у Максимина о причинѣ своего призыва. Максиминъ сталъ представлять Онигису, что пора уже прекратить несогласія обоихъ дворовъ, и что, отправясь въ Константинополь и прекративъ несогласія мирнымъ договоромъ, онъ принесъ бы великую пользу не только обѣимъ державамъ, но и себѣ доставилъ бы славу и богатство, по милости императора.

Тогда Онигисъ спросилъ:

— Въ чемъ же я могу быть полезнымъ императору?

Максиминъ отвѣчалъ:

— Императоръ проситъ, чтобы Онигисъ самъ отправился въ Константинополь, и, разобравъ спорныя статьи между обѣими державами, сдѣлался посредникомъ въ окончаніи ихъ и заключеніи мирнаго договора.

— Зачѣмъ же мнѣ ѣхать самому въ Константинополь, — говорилъ Онигисъ, — если я уже давно извѣстилъ вашего императора и его приближенныхъ, въ чемъ состоитъ желаніе моего царя и мнѣніе относительно всего спорнаго дѣла. Неужели императоръ думаетъ,

прибавилъ онъ, что своими обѣщаніями побудитъ его измѣнить своему царю и отечеству.

Уходя отъ Максимина, Онигисъ замѣтилъ:

— Оставаясь дома, я, во всякомъ случаѣ, могу быть полезнѣе вамъ своими представленіями царю, и могу скорѣе укротить его гнѣвъ, если я въ чемъ либо слишкомъ бы настоятельно требовалъ въ вашу пользу. Если же я отправлюсь въ Константинополь, и сдѣлаю что либо не по его желанію, то навлеку на себя гнѣвъ не только моего царя, но и вашего императора.

На другой день, Прискъ, вмѣстѣ съ другими сановниками Византіи, былъ представленъ царицѣ, Іеркѣ.

Царица жила совершенно въ отдѣльномъ помѣщеніи дворца, со дворомъ, гдѣ такъ же находилось много строеній какъ изъ каменьевъ, обдѣланныхъ и красиво сложенныхъ, такъ и изъ бревенъ, во всю ихъ длину, чисто и искусно выглаженныхъ. Одна башня, начинаясь кругами отъ земли, возвышалась къ верху до извѣстной пропорціи. Тамъ жила царица, Іерка.

Находившіеся у дверей слуги, по поламъ, устланнымъ коврами, ввели Приска въ свѣтлицу царицы.

Царица въ это время полулежала на мягкомъ ложѣ. На ней было длинное, льняное покрывало, изузоренное пурпуровымъ цвѣтомъ. Покрывало по стану было стянуто поясомъ и красиво обрисовывало станъ царицы. Такъ какъ покрывало не имѣло ни рукавовъ, ни воротника, то руки и плечи у царицы были голы и близкая къ нимъ часть груди открыта.

Вокругъ царицы находилось множество прислужниковъ, а напротивъ, на полу, у ея ногъ, сидѣли за работой молодыя дѣвушки. Онѣ вышивали красками полотно, служившее для украшенія одѣянія.

Молча принявъ отъ Приска императорскіе подарки, царица дала ему знакъ, что онъ можетъ идти.

Когда Прискъ вышелъ отъ царицы, то увидѣлъ множество народа, который съ шумомъ бѣжалъ къ царскому крыльцу.

Въ это время на крыльцѣ показался Аттила въ сопровожденіи Онигиса.

Вся толпа смолкла и устремила на него взоры.

Сѣвъ на приготовленное для него мѣсто, Аттила началъ принимать жалобы, накопившіеся во время его отсутствія. Нѣкоторыя

жалобы онъ тутъ же разрѣшалъ, а нѣкоторыя поручалъ хорошенько изслѣдовать Онигису. Такъ Аттила творилъ свои судъ и расправу. Любя свой народъ, онъ допускалъ къ себѣ всякаго, кто имѣлъ къ нему дѣло. За то же и народъ до обожанія любилъ его. Когда Аттила возвращался изъ арміи въ Кыевъ, то народъ каждый разъ шумно и радостно встрѣчалъ его и долго толпился вокругъ дворца, чтобы, встрѣтивъ царя, снова привѣтствовать его своею любовью.

Послѣ жалобъ, Аттила принималъ посольства отъ покорныхъ ему Славянскихъ народовъ.

Между тѣмъ, посланники западнаго императора Валентиніана III-го, Ромулъ, Примутъ, Романъ, а потомъ Рустицій и Констанцій, подошли къ Приску, и спрашивали:

— Что вы, отпущены?

Сказавъ имъ, что зашелъ ко дворцу именно отъ Онигиса узнать, когда ихъ отпустятъ, Прискъ, въ свою очередь, спросилъ Римлянъ каковы ихъ дѣла?

Они отвѣтили, что Аттила въ своихъ требованіяхъ непреклоненъ и настоитъ на своемъ, или же объявитъ страшную войну.

Заговоривъ вмѣстѣ о гордости и могуществѣ Аттилы, Ромулъ, бывшій во многихъ почетнѣйшихъ посольствахъ, мужъ опытный и свѣдущій, прибавилъ, что счастіе дѣлаетъ Аттилу горделивымъ. Никто, говорилъ онъ, изъ владѣтелей Скиѳіи, его предшественниковъ, не совершилъ стольких подвиговъ въ столь короткое время, какъ онъ. Аттила, говорилъ онъ, владѣетъ цѣлою обширною Скиѳіею, отъ островов океана до предѣловъ имперіи Римлянъ, которыхъ сдѣлалъ уже своими данниками. Но этимъ еще онъ недоволенъ, душа его стремится къ большимъ подвигамъ. Желая распространить предѣлы своего владычества, онъ имѣетъ намѣреніе объявить войну и Персіи.

Примутъ спросилъ:

— А есть ли дорога изъ Гунніи въ Персію?

Ромулъ отвѣчалъ:

— Мидія отъ Гунновъ недалека, и Гунны очень хорошо знаютъ эту дорогу, по которой они уже ходили и нападали на Мидійскіе города, Васихъ и Карсихъ. По причинѣ близости, Аттилѣ легко напасть на Персовъ и побѣдить ихъ. Войска у него столько, что ни одинъ народъ не въ состояніи сопротивляться ему. Я бы же-

лалъ, заключилъ Ромулъ, чтобы Аттила началъ войну съ Персами, потому что вся тяжесть войны съ Аттилой была бы снята съ Римской имперіи.

Констанцій на это возразилъ:

— Напротивъ, не надо желать этого. Если Персія погибнетъ, то вся тяжесть Аттиловой державы падетъ на восточную и западную имперіи, и Аттила будетъ обращаться съ нами, какъ съ вассалами. Мы уже и теперь платимъ ему постыдную дань.

Замѣтивъ, что Онигисъ вышелъ изъ дворца, послы бросились къ нему съ вопросами: «что царь? какъ царь? скоро ли приметъ?»

Поговоривъ со своими приближенными, Онигисъ обратился къ Приску:

— Спроси, пожалуй, у Максимина: кого императоръ намѣренъ изъ высшихъ сановниковъ прислать къ царю уполномоченнымъ.

Посовѣтовавшись съ Максиминомъ объ отвѣтѣ, Прискъ возвратился къ Онигису, и сказалъ, что императоръ желаетъ, напротивъ, видѣть его самого въ Константинополѣ, и кончить съ нимъ спорное дѣло. Если же нельзя надѣяться на это, то императоръ пришлетъ, кого заблагоразсудится.

Онигисъ велѣлъ Приску позвать Максимина, и повелъ его къ Аттилѣ. Аттила хотѣлъ, чтобы Ѳеодосій отправилъ къ нему послами, Нотія и Анатолія, которые уже прежде у него были, и что другаго посольства онъ не приметъ. Максиминъ замѣтилъ царю, что неприлично назначать поименно тѣхъ, кого онъ къ себѣ желаетъ, потому что на нихъ можетъ лечь подозрѣніе императора.

— Если императоръ, — сказалъ гордо Аттила, — не исполнитъ моего требованія, то пусть снова приготовляется къ войнѣ.

Въ тотъ же день восточное и западное посольство было приглашено на царскій обѣдъ.

Въ назначенное время послы явились во дворецъ. Аттила встрѣтилъ ихъ въ пріемной. Послѣ обычныхъ привѣтствій съ обѣихъ сторонъ, царскіе кравчіе поднесли посламъ по чаркѣ вина, чтобы они до обѣда выпили за здоровье другъ друга.

Выпивъ, послы вошли въ обѣденную свѣтлицу, которая была пышно разукрашена и обстановлена кругомъ стѣнъ сѣдалищами.

Въ срединѣ ея, на ложѣ, сидѣлъ самъ Аттила. Противъ него было другое его сѣдалище со ступенями, ведущими въ его опочи-

ванію. Ступени были устланы бѣлыми и другаго цвѣта коврами. Первостепенные гости заняли мѣста по правую руку Аттилы, менѣе знатные — по лѣвую. На лѣво же помѣстили и Приска. Рядомъ съ нимъ сѣлъ Боричь, богатый вельможа Аттилова двора. Тутъ же сидѣлъ и Онигисъ, но только выше другихъ. На креслахъ, по правую руку царя, сидѣли два его сына: старшій, Данчичъ, на одномъ ложѣ съ Аттилой, нѣсколько поодаль, а другой, Гезерикъ, рядомъ, на креслѣ.

Когда всѣ усѣлись, вошелъ старшій кравчій съ огромнымъ серебрянымъ сосудомъ, въ которомъ было вино. Аттила, черпнувъ изъ сосуда вина, выпилъ за здравіе первѣйшаго по порядку гостя, который, вставъ и отблагодаривъ поклономъ, не прежде могъ сѣсть, какъ отвѣдавъ или совсѣмъ опорожнивъ подносимую ему золотую чару съ виномъ за здравіе слѣдующаго сосѣда. Всякій гость, по порядку, принималъ чару и, выпивъ, по объявленіи тоста, кланялся сидящему царю въ знакъ почтенія. Царь отвѣчалъ легкимъ наклоненіемъ головы. За спиной у каждаго гостя стоялъ кравчій съ виномъ, къ его услугамъ.

Когда весь кругъ гостей былъ обойденъ чарой, Аттила, шутя, подозвалъ Византійскихъ пословъ къ себѣ и, по Византійскому обычаю, вызвалъ ихъ на стаканный бой, т. е. кто больше выпьетъ. Послы, разумѣется, вели себя благоразумно, а царь отчасти зло посмѣивался надъ ними.

Наконецъ, кравчіе съ виномъ удалились.

Наступило время обѣда.

Прежде всѣхъ вошелъ прислужникъ Аттилы, и принесъ блюдо съ мяснымъ кушаньемъ, которое Аттила началъ ѣсть на деревянной тарелкѣ. Прочіе прислужники подносили ему хлѣбъ. Затѣмъ, начали подавать обѣдъ и гостямъ. Гостямъ все подавалось на грузныхъ серебряныхъ блюдахъ, обильно и вкусно.

За столомъ, Аттила, по обыкновенію, сидѣлъ въ своей буркѣ, перепоясанной мечемъ. Вельможи его, напротивъ, были осыпаны золотомъ, драгоцѣнными каменьями и жемчугами. Послѣ каждаго кушанья, всѣ вставали и рядомъ выпивали за здоровье Аттилы. Аттила тоже пилъ за общее здоровье изъ своей деревянной чары.

Пообѣдавъ, всѣ встали, и, выпивъ еще по чарѣ вина, сѣли по своимъ мѣстамъ.

Нѣсколько спустя послѣ обѣда, въ свѣтлицу вошли два пожилыхъ гусляра, и, поклонившись царю, начали играть на гусляхъ и пѣть славельныя пѣсни о подвигахъ Аттилы.

Гусляры пѣли:

Расплескался безпокойный Нѣманъ;
Поднялись отъ Нѣмана Венеды:
Собрались въ могучую громаду,
И ударили тогда на Готовъ.

Ой вы, Готы, Готы!
Злое ваше племя!
Гдѣ-жъ вы подѣвались?
Что же васъ не стало?

Разшумѣлся, разгудѣлся весь Дунай;
Разшумѣлись Гунны на Дунаѣ:
Царь срываетъ вражьи стѣны, города,
Царь беретъ и почести, и дани.

Что же васъ не слышно
Римъ и Византія?
Гдѣ же ваша слава?
Гдѣ гордыня ваша?

Солнце ясное съ востока поднялось:
Звѣзды ночи всѣ померкли въ вышинѣ.
Солнце ясное — великій властелинъ,
Властелинъ Аттила, царь другихъ царей!

Воспоемъ же славу
Нашему царю,
И ударимъ въ гусли
Громко и скорѣй!

Всѣ, не исключая и самого Аттилы, съ удовольствіемъ слушали гусляровъ.

Иные восхищались стихами, которые возбуждали воспоминанія о военныхъ дѣяніяхъ и подвигахъ, а у иныхъ, особенно стариковъ, при пѣніи появлялись на глазахъ непритворныя слезы.

Аттила любилъ стихи и пѣніе, а потому при его дворѣ находились постоянные, такъ называемые, гадляры, т. е. стихослагатели и пѣвцы. Вообще, пѣсни у Кыянъ были въ постоянномъ употребленіи, и они любили ихъ, какъ и теперь русскій человѣкъ любитъ свою родную, подъ часъ заунывную, а подъ часъ и разгульную, пѣсню-сказаніе...

Послѣ пѣнія и стиховъ, быстро вбѣжалъ въ горницу царскій шутъ, по имени Харя Муринъ. Онъ одѣтъ былъ въ цвѣтные лоскутья, въ колпакѣ съ гремушками, и въ неимовѣрно большихъ башмакахъ, которыя, когда онъ ходилъ, шлепали по полу и давали поводъ смѣяться надъ нимъ. Кромѣ этого, шутъ говорилъ всякій вздоръ: охалъ, представлялся больнымъ, быстро выздоравливалъ, и производилъ этими выходками среди гостей неудержимый хохотъ.

Во время всеобщаго веселья, Аттила оставался мрачнымъ. Онъ не сказалъ ничего, что могло бы одобрить гостей къ еще большему веселью.

Когда шутъ дурачился, вошелъ младшій сынъ Аттилы, Ирнакъ. Аттила подозвалъ его къ себѣ и началъ ласково гладить по головѣ.

Между тѣмъ, шутъ остановился передъ Годичаномъ и началъ низко кланяться ему.

— Чего тебѣ? спросилъ Годичанъ.

— Охъ! тяжело вздохнулъ Харя Муринъ.

— Ну, сказывай, въ чемъ дѣло? допрашивалъ Годичанъ.

— Самъ знаешь... охалъ шутъ.

— Что знаю?...

— Жены нѣтъ...

— А куда-жъ ты ее подѣвалъ?

— У Аэція оставилъ, — говорилъ жалобно Муринъ. — Когда я былъ посланъ царемъ въ подарокъ Аэцію, то убѣжалъ отъ него: не по нутру мнѣ пришелся Римъ, гдѣ человѣка звѣрями травятъ, а ословъ на воеводства садятъ. А жену-то, въ торопяхъ, повѣришь ли, и позабылъ съ собой прихватить. Батюшка, помоги мнѣ добыть жену. Очень ужъ мнѣ жена надобна.

— Ну, ладно, ладно, помогу, — смѣялся Годичанъ. — А ты вотъ, кстати, разскажи намъ: откуда ты родомъ, потому у насъ на Кыевѣ подобныхъ тебѣ балясниковъ нѣтъ, да и зовутъ тебя какъ, тоже скажи?

— Родомъ я съ Дуная, а зовутъ меня Зерхонъ Мавруэскій.

— И ты любишь свой Дунай?

— Охъ, люблю, люблю! воскликнулъ жалобно шутъ.

— А коль такъ, разскажи намъ, какъ ты скучаешь по своей родинѣ.

Харя Муринъ сталъ посреди свѣтлицы, склонилъ голову, сложилъ на груди руки, и началъ грустно разсказывать о своей тоскѣ-кручинѣ по далекой родинѣ.

Онъ разсказывалъ:

— Опять блеснуло солнце на ясномъ, высокомъ небѣ, опять я спрашиваю его о моей милой, дорогой родинѣ. Спрашиваю у солнца: скажи мнѣ, солнышко красное, когда ты утромъ рано пробѣгало надъ моею родиной, что ты видѣло въ нашемъ домѣ на дворѣ? Проснулась ли мать моя? помнитъ ли она меня? Если она встала со сна и если она вспоминаетъ обо мнѣ, то что она говоритъ? Еще спали ли дѣти? что мои братья дѣлаютъ? Такъ ли встрѣчаютъ они утреннюю зарю, какъ я ее здѣсь встрѣчаю, съ грустью на сердцѣ, со слезами на глазахъ! Помнятъ ли они о своемъ младшемъ братѣ? Помнятъ ли друзья своего вѣрнаго друга? Или же они, послѣ вчерашняго веселья, уснули крѣпко? Помнятъ ли они меня? Шумитъ ли волнами бѣлый Дунай? ходятъ ли еще по немъ большія и малыя ладьи? уносятъ ли онѣ вѣсти къ грустнымъ матерямъ, или потопаютъ въ морѣ? Вѣютъ ли бурные вѣтры въ Балканахъ — горныхъ стремнинахъ? Скажи мнѣ, другъ солнце, скажи мнѣ правду о всемъ, о чемъ я тебя спрашиваю теперь! Если ты встрѣтишь зарю вечернюю, ее въ обѣдъ ты застанешь, скажи ей — пусть она съ вечера, какъ скоро ты засядешь, раньше засвѣтитъ! Мнѣ нужно разсказать ей про мою жизнь въ этой далекой землѣ. Стану я ей жаловаться о томъ, какъ бурные вѣтры вчера, съ обѣда до вечера, сильно и люто вѣяли мнѣ отъ моей родины, отъ бѣлаго и мутнаго Дуная: какъ надрывалося у меня сердце, что они не донесли до меня никакой вѣсточки! Высказалъ я все это солнцу, оно посмотрѣло на меня съ ногъ до головы, показавъ свое ясное лицо, и, какъ бы съ грустью на сердцѣ, отвѣчало мнѣ: и бѣлый Дунай, широкій, мутными волнами шумитъ, большія и малыя ладьи все также вѣсти уносятъ по Дунаю-рѣкѣ, широкой, по морю синю, глубокому, къ грустнымъ матерямъ. Бурные вѣтры все вѣдаютъ

въ Балканахъ — горныхъ стремнинахъ. Твои же вѣрные друзья не только еще не встали отъ сна послѣ вчерашняго ихъ веселья, но даже въ дружбѣ не вѣрны! Тебя они по часту не вспоминаютъ! Встали и твои братья, и дѣти также рано поднялись: они играютъ на дворѣ; но никто о тебѣ не вспоминаетъ! Только одна душа, тамъ, гдѣ-то дальше, помнитъ тебя: она всегда рано встаетъ и слезы роняетъ горючія, капля по каплѣ, о тебѣ, и какъ только встанетъ утромъ, такъ все плачетъ и все поджидаетъ тебя!

По окончаніи разсказа, всѣ, зная, что Харя Муринъ разсказывалъ вздоръ, что у него никакой жены у Аэція не было, что онъ родомъ вовсе не съ Дуная, а природный Кыянинъ, шумно и весело расхохотались.

Одинъ только Аттила пасмурно молчалъ.

Вымышленный, но задушевный разсказъ Хари Мурина, напомнилъ ему и его родину, и его далекіе, лѣсистые берега Нѣмана...

Аттила быстро всталъ, и ушелъ въ свою опочивальню...

Гости тоже повставали, и начали расходится...

Было уже довольно поздно...

На слѣдующій день, Византійскіе послы отравились къ Онигису, спросить объ отпускѣ. Онигисъ сказалъ посламъ, что царь желаетъ того же. Послѣ этого, Онигисъ собралъ совѣтъ воеводъ, въ которомъ разсуждали о предположеніяхъ Аттилы, и приготовили письмо къ императору Ѳеодосію.

Въ тотъ же день пословъ пригласили на ужинъ къ царицѣ. Послы имѣли удовольствіе пользоваться ея благоволѣніемъ.

Царица была окружена многими Гуннскими князьями, и подчивала пословъ пряниками, вареньями, и великолѣпнымъ ужиномъ. На ужинѣ, всякій изъ присутствовавшихъ Гунновъ, по правиламъ Гуннской вѣжливости и учтивости, вставъ съ мѣста, подносилъ посламъ полную чару вина, и, облобызавъ пившаго, относилъ опорожненный.

Потомъ послы опять были приглашены къ обѣду Аттилы.

Обѣдъ былъ такой же, какъ и прежде. Только на этотъ разъ старшаго сына не было.

А Харя Муринъ разсказалъ повѣствованіе о необыкновенной красотѣ одной Бактріанской царевны, Ильдицы.

Аттила съ любопытствомъ слушалъ разсказъ шута, а потомъ спросилъ его:

— И ты правду говоришь, Муринъ?

— Охъ, правду, царь... Такой красоты нигдѣ не видано... Само солнце прячется, когда завидитъ ее... Вѣтры буйные стихаютъ отъ одного взора ея. Запоетъ соловей, и она запоетъ: и смолкнетъ соловей передъ ея плѣнительнымъ голосомъ. Черныя кудри ея похожи на тучи небесныя. А очи — на синеву Адріатическаго моря...

Аттила, выслушавъ этотъ разсказъ, почему-то глубоко задумался...

ГЛАВА IV.

ПЕРЕМѢНА ВИЗАНТІЙСКАГО ДВОРА.

Спустя три дня, Византійскихъ пословъ отдарили, и дали имъ отпускную. Съ ними вмѣстѣ отправленъ былъ въ Константинополь и Боричь, который и прежде былъ посланникомъ въ Константинополѣ. Вмѣстѣ съ Византійскимъ посольствомъ, возвращалось и посольство западнаго императора.

На дорогѣ изъ Адріанополя въ Константинополь, послы встрѣтили возвращавшагося ко двору Аттилы, переводчика Вигилу.

Вслѣдъ за посольствомъ и Аттила выѣхалъ изъ Кыева, и отправился на Дунай, гдѣ стояли его войска.

Для принятія возвращающагося заговорщика, Вигилы, Аттилой были сдѣланы распоряженія. Переправившись черезъ Дунай, заговорщикъ Вигила тотчасъ же былъ взятъ подъ стражу. Всѣ вещи у него были отобраны. Въ числѣ вещей вмѣсто пятидесяти фунтовъ золота, предназначеннаго дла Годичана, найдено было сто фунтовъ. Аттила велѣлъ его представить для допроса. Мошенникъ утверждалъ, что золото назначено совсѣмъ для другой цѣли. Аттила велѣлъ схватить сына его, прибывшаго съ нимъ, и грозилъ повѣсить его, если отецъ не признается въ тайномъ покушеніи.

Тронутый участью сына, преступный отецъ признался въ своемъ намѣреніи и самъ открылъ козни Византійскаго двора. По совершеніи допроса, Аттила велѣлъ заковать его въ цѣпи, и сказать ему, что онъ до тѣхъ поръ не отпуститъ его на волю, пока сынъ его не привезетъ изъ Константинополя другихъ ста фунтовъ золота.

Сынъ Вигилы былъ отпущенъ обратно въ Константинополь. А вмѣстѣ съ нимъ были отправлены Иславъ и Орестъ.

Оресту велѣно было явиться къ императору Ѳеодосію съ мѣшкомъ на шеѣ, въ которомъ было привезено для Годичана золото, и спросить любимца императорскаго, Хрисафія: знакомъ ли ему этотъ мѣшокъ? а императору сказать, что онъ сынъ отца благороднаго, и Аттила также сынъ мужа, не менѣе благороднаго и знаменитаго, и поддержалъ и наслѣдовалъ достоинство и благородство своего родителя. А императоръ, напротивъ, унизился, сдѣлавшись данникомъ и вассаломъ Гунновъ, и, потому, ему, какъ слугѣ подлому и невѣрному, не прилично дѣлать тайный заговоръ и покушеніе на жизнь своего господина.

Посольствомъ этимъ чрезвычайно былъ пораженъ дворъ Византійскій, и, изъ страха, на сколько возможно, сталъ угождать Аттилѣ.

По требованію Аттилы, были отправлены къ нему послами двое вельможъ имперіи, Анатолій, и Номій, одинъ изъ богатѣйшихъ придворныхъ, и другъ Хрисафія. А Ѳеодосій, чтобы укротить оскорбленнаго Аттилу, и привести къ окончанію переговоры, отправилъ къ нему весьма значительное количество золота. Съ своей стороны не пощадилъ своего кармана и Хрисафій, по крайней мѣрѣ, чтобы избѣгнуть бѣды.

Аттила сначала не хотѣлъ допустить къ себѣ пословъ Ѳеодосія, но потомъ, узнавъ о количествѣ привезеннаго ему золота, смягчился, и, допустивъ ихъ къ себѣ, принялъ ласково и снисходительно.

По полученіи золота и другихъ подарковъ, присланныхъ императоромъ и его любимцемъ Хрисафіемъ, былъ заключенъ между обѣими державами миръ, по которому возвращены Византійской имперіи всѣ области, занятыя Гуннами по ту сторону Дуная до восточныхъ береговъ рѣки Моравы. А Византійцы обязались не принимать Гуннскихъ бѣглецовъ. Выпущенъ былъ и Вигила, но только по взысканіи съ него ста фунтовъ золота.

Отпустивъ императорскихъ пословъ, Аттила вмѣстѣ съ ними отправилъ и своего секретаря, Констанція, чтобы Θеодосій лично подтвердилъ договоръ.

Договоръ былъ подтвержденъ.

29-го Іюля 450 года Θеодосій II-й скончался.

Ему наслѣдовала сестра его, Пульхерія, умная и рѣшительная женщина.

Пульхерія первая изъ женщинъ вступила на престолъ Византійскій, и, по необходимости, должна была избрать супруга.

Выборъ ея палъ на Марціана, иначе Маркіана, человѣка не высокаго происхожденія, но умнаго, храбраго и заслуженнаго.

При Византійскомъ дворѣ произошелъ переворотъ. Переворотъ долженъ былъ произойти и въ отношеніяхъ Византійскаго правительства къ Аттилѣ.

Онъ и произошелъ, на бѣду, можетъ быть, цѣлой Европы, особенно же — Западной имперіи, которая находилась въ рукахъ слабаго и развратнаго императора Валентиніана III-го, утопавшаго въ сладострастіи и наносившаго самыя возмутительныя оскорбленія не только знатнымъ фамиліямъ имперіи, но даже и своимъ приближеннымъ родственникамъ...

КНИГА ШЕСТАЯ.

КАТАЛАУНСКАЯ БИТВА.

ГЛАВА I.

ВОСТОКЪ И ЗАПАДЪ.

Одною изъ тѣхъ, на которыхъ особенно ложилась гнетомъ тяжесть Валентиніановой натуры, была родная сестра его, Гонорія...

Восхитительная красавица собой, молодая, здоровая, полная юношескаго блеска и страсти, она была поставлена въ необходимость дать обѣтъ безбрачія на всю жизнь за титулъ Августы, или императрицы. Кромѣ этого, и сама мать ея, Плацидія, поступала съ нею съ необыкновенной строгостью. Надзоръ былъ за ней самый строгій и, съ каждымъ днемъ, все болѣе и болѣе усиливался. Наконецъ, Гоноріи невыносимо стало терпѣть притѣсненія, и она, чтобы избавиться отъ нихъ, тайно послала къ Аттилѣ любовное письмо съ кольцомъ, предлагаему ему себя въ жены.

Аттила получивъ это письмо, обрадовался случаю придраться къ Валентиніану, который давно уже строилъ тайные ковы противу Кыянскаго двора, и отправилъ къ нему посольство, съ требованіемъ въ приданое за Гоноріей полъимперіи и нѣсколько тысячь фунтовъ золота.

Въ это же время Аттила отправилъ своего посла и къ Византійскому императору, Марціану, съ требованіемъ, чтобы новый императоръ подписалъ условія договора съ его предшественникомъ,

въ силу котораго Византія должна была платить Аттилѣ ежегодную дань.

Марціанъ, отличавшійся военными талантами, дѣятельный и энергическій, медлилъ подтвержденіемъ договора, и, между прочимъ, стягивалъ свои войска, чтобы противустать Аттилѣ.

Валентиніанъ же, весьма естественно, отвѣчалъ, что Гонорія не можетъ выйдти за него замужъ, такъ какъ она уже имѣла мужа и дала обѣтъ безбрачія. Кромѣ этого, отвѣчалъ онъ, Гонорія не имѣетъ никакого права на наслѣдство имперскихъ владѣній, отъ котораго, по государственному постановленію, женщины исключаются.

Въ это же время собирались напасть на Западную имперію Испанскіе Вандалы. *)

Царь этихъ Вандаловъ, Гейзерихъ, основавшій свою столицу въ области древняго Кареагена и Нумидіи и захватившій Сицилію, Сардинію и Болеарскіе острова, захотѣлъ почему-то вступить въ сношенія съ Везиготами, и женилъ своего сына, Гуннериха, на дочери Везиготскаго короля, Теодориха. **)

Но въ скоромъ времени Гейзерихъ разсорился съ своей невѣсткою, за то, что она хотѣла его отравить, и, обрѣзавъ ей носъ и уши, отослалъ къ отцу. Въ отмщеніе за это, Гейзерихъ долженъ былъ ожидать войны, которая была бы для него тѣмъ опаснѣе, что, по его соображеніямъ, Валентиніанъ могъ соединиться съ Теодорихомъ.

Гейзерихъ напомнилъ объ этомъ Аттилѣ, который любилъ Гейзериха, и даже въ честь его назвалъ Гезерикомъ одного изъ своихъ сыновей.

Надо замѣтить, что территорія нынѣшней Франціи была въ то время подъ владычествомъ трехъ народовъ. Юго-Восточная часть принадлежала Римлянамъ. Юго-Западная Везиготамъ. Сѣверо-Западная же, или, вообще, Сѣверная, была во владѣніи, такъ называемыхъ, Галлскихъ Вандаловъ, по рѣкѣ Лоарѣ до Сены, которыя, не смотря на то, что произошли отъ одного и того же племени

---

*) Вандалы занимали южную часть Испаніи, которая съ тѣхъ поръ получила названіе Вандалузіи, а потомъ Андалузіи.

**) Иначе — Өеодорихъ.

Венедовъ, вышедшихъ съ Балтійскаго побережья, ничего не имѣли между собою общаго и даже нравственно разъединились. Вандалы Испанскіе составляли самостоятельное государство, тогда какъ Вандалы Галліи находились подъ вліяніемъ Римскаго владычества. Столицею Везиготовъ была Тулуза. Ихъ называли Везиготами въ отличіе отъ Вестготовъ, которые, изгнанные Болемиромъ съ береговъ Чернаго моря, наводнили Мизію и Иллирику. Везиготы, послѣ множества испытаній, удачь и неудачь, поселились, наконецъ, въ Юго-Западной части Галліи *) по волѣ императора Гонорія, въ 411-мъ году, съ цѣлью выжить оттуда Вандалъ. Вандалъ они не выжили, а осовали свое королевство.

Случилось это такъ.

На первый взглядъ здраво обдуманная цѣль императора Гонорія состояла въ томъ, чтобы враждебные между собой варвары, Славяне, вышедшіе туда подъ предводительствомъ Радогоста, и Готы, поселенные имъ тамъ же, загрызли другъ друга на смерть. Заботу же похоронить ихъ и торжественно отпраздновать побѣду надъ врагами Рима, онъ бралъ на себя.

Это предначертаніе вполнѣ бы удалось, если бы новые владѣтели Аквитаніи рѣшились на дѣло безъ глубокой обдуманности, и употребивъ, прежде оружія, орудія болѣе тонкія, острыя, и болѣе вѣрныя.

Въ 415 году конунгомъ Везиготовъ былъ Валлій.

Валлій находился въ затрудненіи, съ кѣмъ выгоднѣе держать дружбу: съ Римлянами, или съ Вандалами. Не зная, которая сторона была лучше, онъ рѣшился съ народомъ своимъ бѣжать отъ той и отъ другой въ Африку и основать тамъ новую Готію. Посадивъ всѣхъ Везиготовъ на корабли, Валлій пустился по океану; но, къ несчастію, буря прибила его корабли обратно къ берегамъ Аквитаніи. По волѣ Одена надо было оставаться въ Европѣ и снова обдумывать, съ кѣмъ вести дружбу, съ Римлянами, или съ Вандалами. Черезъ два года послѣдовало рѣшеніе. Валлій произнесъ къ своему

---

*) Римляне, подъ предводительствомъ Юлія Цезаря, вступивъ впервые на территорію нынѣшней Франціи, и не зная названія этой страны назвали ее Галліей, т. е. Петушьею страною.

войску слѣдующую рѣчь: «Непобѣдимые Готы, куда бы не пожелали вы направить свои стопы, отъ далекаго сѣвера до окраинъ юга, повсюду вы пробивали себѣ дорогу оружіемъ. Ничто не останавливало вашего торжественнаго шествія: ни пространство, ни климатъ, ни горы, ни рѣки, ни дикіе звѣри, ни даже многочисленные и храбрые народы. Но вотъ въ какомъ положеніи мы теперь: Вандалы, Аланы и Свевы, осмѣливаются нападать на насъ съ тылу, тогда какъ Римляне угрожаютъ намъ съ переди. Отъ васъ, храбрые воины, зависитъ теперь рѣшить, на кого изъ нихъ подымать оружіе. Въ побѣдѣ вашей я увѣренъ. Но стоитъ ли терять время на сраженіе съ трусами, Римлянами: не лучше ли избрать врага достойнаго васъ?»

Врага достойнаго себѣ Валлій не избралъ. Онъ только схватилъ тайно одного изъ оплошавшихъ князей Вандальскихъ, по имени Фредибала, и послалъ его къ императору Гонорію, какъ плѣннаго, взятаго съ бою на полѣ побѣды. Римъ восторжествовалъ. Было рѣшено почтить Гонорія тріумфомъ. Подобно побѣдоносцу во времена славы Рима, Гонорій вступилъ въ него при торжественныхъ возглашеніяхъ побѣдъ надъ Свевами, надъ Силингами, надъ Аланами и надъ Вандалами. Ничтожный Гонорій не устыдился этого тріумфа, а Валлій не устыдился принять на себя роль славнаго героя. *)

По смерти Валлія, въ конунги Везиготовъ былъ избранъ Теодорихъ.

Теодорихъ, дѣйствительно, за обезображеніе своей родной дочери рѣшился немедленно же мстить Гейзериху.

Первымъ его дѣломъ было изъявить свою преданность императору Валентиніану, и снискать дружбу римскаго полководца Аэція, который управлялъ Галлскими областями Римлянъ и два раза наказалъ его за покушеніе распространить свои владѣнія на счетъ Римлянъ, пользуясь смутами имперіи послѣ смерти Гонорія. **)

Теодориху легко было склонить Валентиніана на новый опытъ исхитить Испанію изъ рукъ Гейзериха.

---

*) Гонорій умеръ въ 423 году.

**) Главная квартира Аэція была въ Ареалатѣ или Арлѣ въ южной Франціи.

Къ заключенному союзу присоединился и Византійскій дворъ.

Новый Византійскій императоръ, Марціанъ, смѣло отказалъ Аттилѣ возобновить договоры на постыдныхъ условіяхъ Өеодосія II-го.

Аттила предвидѣлъ все это.

Но не столько возмутилъ Аттилу отказъ императоровъ, Марціана и Валентиніана, въ возобновленіи договоровъ и выдачи за него Гоноріи съ чудовищнымъ приданымъ, — онъ бы съ ними, пожалуй, сошелся, не прибѣгая къ оружію, — какъ не понравилось ему новое оживленіе Готовъ, давнишнихъ его враговъ, которые, подъ предводительствомъ Теодориха, грозили родственному ему племени Славянъ-Вандаловъ.

Аттила махнулъ рукой на отказы Византіи и Рима, и началъ собирать свои необъятныя полчища, чтобы, двинувъ ихъ на Западъ, наказать Готовъ.

Но предварительно, чрезъ явившагося къ нему посломъ сына Аэція, Карпиліона, Аттила написалъ къ Валентиніану, чтобъ онъ не мѣшался въ расправу его съ Везиготами, какъ съ бѣглецами изъ подданства Гунновъ. А Теодориху сообщилъ, чтобъ онъ не надѣялся на союзъ съ Римлянами, противъ Славянъ Испаніи и Африки.

Теодорихъ задумался, но ничего не отвѣтилъ грозному восточному царю. Валентиніанъ съ трепетомъ ожидалъ новаго движенія Гунновъ. Марціанъ нерѣшительно скоплялъ свои войска въ Панноніи.

Не унывалъ одинъ только храбрый Аэцій.

Аэцій дѣйствовалъ рѣшительно, и далъ повелѣніе римскимъ войскамъ, шедшимъ изъ Савойи, Піемонта и Милана, ускорить ходъ въ южную Галлію и соединиться въ ней съ Везиготами. Войска пришли, а Везиготовъ нѣтъ. Эта медленность поразила Аэція. Посылаютъ къ Теодориху узнать причину этой медленности, торопятъ его. Теодорихъ представляетъ законную причину, что онъ вступалъ въ союзъ съ Римлянами противъ Гейзериха, а въ дѣла ихъ съ Аттилой вмѣшиваться не намѣренъ. Посылаютъ къ Теодориху снова убѣждать, доказывать необходимость взаимнаго возстанія противъ общаго врага. Теодорихъ стоитъ твердо, неуклонно отъ здраво-обдуманнаго своего рѣшенія. Наконецъ, Аэцію приходитъ счастливая мысль отправить къ нему сенатора Мечелія, хитраго, искуснаго и счастливаго политика, который пользовался пріязнью и величайшей довѣренностью

Теодориха. Мечелій жилъ уже на покоѣ въ роскошной своей виллѣ Аватикумъ, въ горахъ Арверніи, устроивъ на берегу одного озера великолѣпную теплицу. «Готы», говорилъ ему Аэцій, «смотрятъ на все твоими глазами, слышатъ твоими ушами. Въ 439 году ты указалъ имъ миръ, теперь укажи войну».

Мечелій былъ другъ Теодориха.

Опасаясь за себя и за свою роскошную виллу, которая лежала на пути Аттилы, Мечелій уговорилъ Теодориха соединиться съ римскими войсками противъ Аттилы.

Знавшій хорошо расправу Гунновъ съ его предками, Теодорихъ хотя и согласился на предложеніе своего друга, но не охотно.

Все это было извѣстно Аттилѣ и произвело на его избалованную успѣхами гордость непріятное впечатлѣніе. Лицо семидесятивосьмилѣтняго царя омрачилось, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, по всеобщему сочувствію, омрачилась и вся Западная Европа. Всѣ точили оружіе и чуяли неотразимую грозу. Аттила не прощалъ обидъ своей гордости.

И вотъ — по мановенію грознаго царя — весь Востокъ немедленно выставилъ подъ его знамена лучшій цвѣтъ своего юношества.

Подъ знамена Аттилы собралось болѣе 500,000 войска.

Походъ Аттилы былъ подобенъ новому переселенію народовъ, какъ говорятъ современники.

Аттила самъ предводительствовалъ своими непобѣдимыми войсками.

Въ числѣ многочисленныхъ дружинъ, подвластныхъ ему народовъ, составлявшихъ крылья рати, особенно были замѣчательны дружины Велемира, Тодомира и Видимира, и безчисленные рати Гепидовъ, подъ начальствомъ Ардарика. По словамъ Іорнанда, изъ всѣхъ подвластныхъ князей, Аттила больше всѣхъ предпочиталъ Велемира и Ардарика. Велемира за ненарушимую преданность, Ардарика — за вѣрность и умъ. Толпа иныхъ князей и воеводъ различныхъ народовъ, по его же словамъ, слѣдили, подобно спутникамъ свѣтила, за малѣйшими движеніями Аттилы, и, по знаку, поданному взглядомъ, приближались къ нему со страхомъ и трепетомъ; получивъ же приказаніе, торопились исполнить его.

7-го Апрѣля, въ день Свѣтлаго Воскресенія, 451 года, войска Аттилы переправились нѣсколькими путями черезъ Рейнъ.

Аттила, какъ опытный полководецъ, не забылъ, однако, для прикрытія тыла походной арміи, оставить въ Малой Валахіи и Панноніи сторожевые дружины.

Взявъ приступомъ знаменитые города, Равраціи, Виндониссу и Аргентоварію, Аттила до основанія разорилъ ихъ. *) Потомъ онъ взялъ Старсбургъ, Спейеръ, Вормсъ, Майнцъ, Тулъ, Діезъ. Седьмаго же Апрѣля, при переправѣ черезъ Рейнъ, онъ взялъ и Мецъ, гдѣ было много побито жителей. Далѣе взяты были приступомъ Тангръ, Реймсъ, Аррасъ, Тревъ, и всѣ области между Рейномъ, Мозелемъ, Марною и Сеною, вдругъ покрылись полчищами Аттилы, для которыхъ не существовало никакихъ преградъ, крѣпостей, войскъ.

Одинъ изъ храбрѣйшихъ князей соединенныхъ силъ имперій, Мировой, телько что послѣ смерти Клодовоя завладѣвшій Галлской Вандаліей, стойко защищаясь противу Аттилы, нигдѣ, однако, не могъ устоять, и долженъ былъ съ береговъ Рейна бѣжать къ союзникамъ.

Переправившись черезъ Рейнъ, Аттила направилъ свои военныя дѣйствія на Сѣверо-Западную часть Галліи, къ рѣкѣ Лоарѣ.

Миновавъ Парижъ, тогда еще крошечный городишка, Аттила двинулъ одну часть своего войска на Орлеанъ, тогда столичный городъ. **)

Сильныя укрѣпленія города пали, и Аттила наполнилъ ихъ своими воинами.

Въ это время, соединившись, союзники рѣшились дѣйствовать наступательно, и Орлеанъ былъ взятъ обратно. Жители Орлеана, отворивъ тайно городскія ворота, впустили передовой корпусъ союзниковъ, и онъ, хотя съ трудомъ, но вытѣснилъ оттуда войска Аттилы.

По словамъ Григорія Туровскаго, битва началась подлѣ моста и въ городѣ. Гонимые, продолжаетъ онъ, изъ улицы въ улицу и поражаемые камнями изъ оконъ домовъ, Гунны не знали что дѣлать, и отступили.

Это было 14-го Іюня 451 года.

---

*) На ихъ развалинахъ построены впослѣдствіи Базель, Виндишъ и Колмаръ.

**) Орлеанъ былъ столицей Мировоя и носилъ названіе Genabum.

Между тѣмъ, обѣ стороны, соединяя свои легіоны въ одну массу, предвидѣли необходимость полной и рѣшительной битвы.

Наконецъ, Аэцій рѣшился дать генеральное сраженіе, и обѣ стороны сблизились на поляхъ близъ Шалона на Марнѣ, на, такъ называемыхъ, Мауріацкихъ или Каталаунскихъ равнинахъ. *)

Гдѣ находились, поля Mauriacii, или Catalaunici, на которыхъ Востокъ и Западъ сосредоточили свои арміи, состоявшія болѣе чѣмъ изъ милліона воиновъ, навѣрное неизвѣстно. Странно, какъ всѣ историки запада упустили это изъ виду. Тѣмъ болѣе это странно, что всѣ они знали, какъ Аттила провелъ ночь передъ битвой, а не могли указать, гдѣ собственно происходила столь чудовищная въ исторіи человѣчества битва.

По словамъ Тьерри, который изъ Аттилы силился сдѣлать Монгола, Аттила, во первыхъ, всю ночь передъ битвой провелъ въ страшномъ, невыразимомъ безпокойствѣ и волненіи духа; во вторыхъ, гадалъ у какого-то пустынника, и, недовольствуясь его предсказаніями, гдѣ-то добылъ шамана, заставилъ его вызывать съ того свѣта души покойниковъ, и, сидя въ глубинѣ своего шатра, слѣдилъ глазами за его безумнымъ круженьемъ и вслушивался въ его взвизгиванья. Неудовлетворившись вызовомъ тѣней, Аттила началъ разлагать внутренности животныхъ и разсматривать кости барановъ. Кости предвѣщали ему не побѣду, а отступленіе.

Далѣе, Аттила обратился къ своимъ придворнымъ жрецамъ. Жрецы порадовали его нѣсколько, объявивъ, что, по всѣмъ знаменіямъ, хотя побѣда будетъ не на сторонѣ Гунновъ, но за то непріятельскій вождь погибнетъ въ битвѣ. Словомъ, Аттила исполнилъ все въ угоду своему историку, чтобы походить на дикаго Монгола.

На самомъ же дѣлѣ, Аттила, вполнѣ увѣренный въ своихъ силахъ, провелъ ночь передъ битвой также, какъ онъ проводилъ таковыя и передъ другими битвами.

Окруженный своими храбрыми любимцами, спокойно и сознательно, Аттила распредѣлялъ, кто и гдѣ долженъ стоять, какъ и что долженъ дѣлать, кого и когда долженъ слушать.

---

*) Равнины нынѣшней Шампаніи, гдѣ ростетъ прекрасный виноградъ и вырабатывается знаменитое вино. Не на крови ли и костяхъ тысячи жертвъ выросъ этотъ виноградъ!

На утро же, передъ сраженіемъ, Аттила сказалъ къ любимцамъ своимъ сильную и выразительную рѣчь, въ которой, упомянувъ о трусости Римлянъ, напоминалъ своимъ воямъ, что онъ долженъ уничтожить Готовъ, и уничтожить потому, что Готы давнишніе враги Славянъ и много имъ зла сдѣлали. Обѣщался также наказать и Римлянъ, которые вздумали поддерживать ихъ.

Послѣ этого, Аттила распредѣлилъ войска.

Правое крыло онъ препоручилъ Ардарику, лѣвое — Велемиру. Самъ же, со своими Кыянами, онъ взялся командовать центромъ и стоять впереди.

Между союзниками, лѣвымъ крыломъ, состоявшимъ изъ римскихъ легіоновъ, управлялъ самъ Аэцій. На правомъ флангѣ стоялъ Теодорихъ съ Везиготами. Бургунды же, Франки, Поморяне и Аланы Галлскіе, помѣщены были, подъ начальствомъ воеводы Сангибана, въ центрѣ, съ тою цѣлью, чтобъ вѣрные фланги сторожили надъ невѣрнымъ центромъ, потому что Сангибанъ и всѣ полки его были въ сильномъ подозрѣніи. Сангибанъ подозрѣвался въ готовности измѣнить. Родственные восточнымъ Славянамъ, Поморяне и Аланы, не охотно шли на битву противу своихъ собратій.

Поморяне эти были Венеды, покоренные еще во времена Цезаря и поселенные имъ на сѣверѣ Галліи. Они нѣсколько разъ возставали противу римскаго владычества, желая примкнуть къ своимъ собратьямъ. Въ 445 году они съ трудомъ были усмирены Аэціемъ.

Одинъ историкъ сказалъ, что никогда еще Европа не видала такихъ громадныхъ войскъ, готовящихся поразить другъ друга, и никогда еще властолюбію одного человѣка не приносилось въ жертву столько народовъ.

Битву началъ самъ Аттила.

Впереди своихъ грозныхъ дружинъ, сидя на конѣ, онъ первый бросилъ копье въ непріятеля.

Увидѣвъ это, дружина крикнула:

— Царь началъ! пойдемъ за царемъ!

И эта дружина бросилась впередъ, пробила центръ непріятельской арміи, отрѣзала Везиготовъ отъ Римлянъ, и насѣла на нихъ...

Битва продолжалась безпрерывно цѣлый день, до глубокой ночи...

Исторія не оставила подробностей этой ужасной и чудовищной битвы милліонной арміи. Она только говоритъ, что на Каталаун-

скихъ поляхъ легло болѣе трехъ сотъ тысячь человѣкъ, не считая раненыхъ. Въ числѣ погибшихъ находился и Везиготскій король, Теодорихъ. Носясь передъ рядами своихъ войскъ, для возбужденія ихъ мужества, онъ упалъ съ коня, и былъ раздавленъ своими же воинами. Сынъ его, Ѳорисмондъ, *) раненый въ голову, тоже было упалъ съ лошади, но былъ спасенъ своими приближенными. Самъ Аэцій чуть было не попался въ плѣнъ. А необозримая равнина до того была загромождена трупами убитыхъ и упитана кровью, что всѣ воды равнины превратились въ кровавые потоки, издавали невѣроятное зловоніе и раненые, утолявшіе жажду изъ этихъ потоковъ, немедленно же умирали. Такъ какъ битва продолжалась до глубокой ночи, въ страшной темнотѣ, то нерѣдко озлобившіеся воины поражали стрѣлами, топорами и мечами своихъ же собратій... Ожесточеніе противниковъ въ Каталаунской битвѣ было такъ велико, что, по народному повѣрью, души убитыхъ еще три дня сражались въ воздухѣ...

И въ самомъ дѣлѣ, это была самая ужасная и самая чудовищная битва изъ всѣхъ битвъ, происходившихъ когда либо на землѣ...

И это былъ день 14-го Іюня 451 года...

Въ полуночь битва прекратилась, союзники, собирая свою раздробленную армію, отступили, а Аттила, угрожая непріятелю звукомъ оружія и завываніемъ трубъ, сталъ станомъ на самомъ полѣ битвы. **)

Побѣда, по всѣмъ вѣроятіямъ, осталась на сторонѣ Аттилы, хотя нѣкоторые историки и стараются доказать противное, или, по крайней мѣрѣ, увѣрить въ томъ, что сраженіе кончилось «dubio marte» т. е. безъ побѣды съ той или съ другой стороны. Но послѣдующія за Каталаунской битвой событія явно свидѣтельствуютъ, кто остался побѣдителемъ.

*) Иначе Торисмондъ.

**) Историкъ Іорнандъ, приписывая побѣду союзникамъ, говоритъ: побѣжденный Аттила заперся въ своемъ лагерѣ, велѣлъ окружить его со всѣхъ сторонъ кибитками и сложить посрединѣ огромный костеръ изъ сѣделъ на которомъ онъ рѣшился сгорѣть, еслибы непріятели ворвались въ лагерь. Объясняя побѣдные клики Гунновъ желаніемъ устрашить враговъ, Іорнандъ дѣлаетъ слѣдующее сравненіе: «Такъ левъ, преслѣдуемый охотниками до своего логовища, оборачивается, останавливаетъ ихъ и наводитъ на нихъ ужасъ своимъ рыканіемъ».

Желаніе Аттилы, двинувшагося въ Галлію, состояло въ томъ, чтобы разъединить союзниковъ и потомъ, по одиночкѣ, разбить ихъ или заставить согласиться на тѣ условія, которыя онъ предложитъ.

Желаніе его, какъ нельзя лучше, увѣнчалось успѣхомъ.

Западный союзъ разстроился.

Наслѣдникъ погибшаго въ Каталаунской битвѣ Везиготскаго короля, Теодориха, Өорисмондъ, оставивъ римскіе легіоны, сталъ болѣе думать о наслѣдствѣ, чѣмъ о продолженіи безполезной и пагубной для него войны. Онъ обратился съ мирными условіями къ Аттилѣ. Съ согласія Аттилы, Өорисмондъ, имѣвшій еще пять братьевъ, былъ провозглашенъ королемъ Везиготовъ. За то онъ долженъ былъ подписать тѣ мирныя условія, какія предписаны были ему грознымъ побѣдителемъ.

Мировой тоже согласился на требованія Аттилы и отъ Римлянъ перешелъ на сторону Гунновъ. Мировой послѣ этого процарствовалъ спокойно еще десять лѣтъ. Потомки его, подъ именемъ Мировичей, или Меровинговъ, царствовали надъ Галлской Вандаліей съ 458 по 754 годъ.

Оставивъ поле Каталаунской битвы, лишенные двухъ и необходимѣйшихъ союзниковъ, Өорисмонда и Мироваго, Римляне отступили къ югу, къ предѣламъ Италіи.

Аттила слѣдовалъ по ихъ пятамъ.

Дрогнулъ и римскій дворъ, и римскій сенатъ.

Аэцій шелъ во внутренность имперіи. Шелъ за нимъ и Аттила, и такъ быстро двигались войска его, что Риму никакъ не удавалось собрать новыя силы.

Испуганный Валентиніанъ немедленно же отправилъ въ Константинополь посольство съ просьбой о скорѣйшей помощи.

Вслѣдствіе этой просьбы, войска Византійской имперіи, стоявшія въ Македоніи, Өессаліи, Албаніи, Сирміи, черезъ Кроацію, быстро поспѣшили для соединенія съ арміею Аэція въ Краинѣ и около Милана. Но Аттила предупредилъ ихъ. Онъ далъ повѣленіе своей Дунайской арміи занять Паннонію и дѣйствовать на Кроацію и Иллирикъ. Такимъ образомъ, Византійскія войска были удержены. Другимъ легіономъ Аттила препоручилъ выгнать Римлянъ изъ Адріатической Украины. *) Самъ же онъ, на пути отъ Шалона на

*) Нынѣшнихъ: Австріи, Штиріи, Каринтіи, Карніагіи и Краины.

Марнѣ, взялъ многіе укрѣпленные города, какъ напримѣръ Augusta Vindelicorum, *) а потомъ, перешагнувъ Альпы, вторгнулся въ Италію, взялъ штурмомъ укрѣпленный и знаменитый торговый городъ Аквилею, ограбилъ и разорилъ его, и двинулся на Миланъ, въ опрестольный градъ Римской имперіи. **)

Миланъ былъ взятъ.

Объѣзжая какъ-то улицы Милана, Аттила увидалъ выставленную каррикатуру, на которой римскіе императоры представлены были на тронѣ, а передъ ними, на колѣняхъ, иноплеменные цари, высыпающіе изъ мѣшковъ золото къ ногамъ императоровъ. Аттила улыбнулся, велѣлъ снять картину и перерисовать на оборотъ: себя на тронѣ, а обоихъ императоровъ на колѣняхъ съ золотомъ, высыпаемымъ къ его ногамъ.

Здѣсь не мѣшаетъ упомянуть еще о двухъ анекдотахъ, которые рисуютъ Аттилу не какъ варвара, а какъ умнаго и достойнаго человѣка.

Намѣреваясь обложить укрѣпленный городъ Троа, въ Галліи, Аттила, въ сопровожденіи конницы, лично отправился осмотрѣть укрѣпленія. На одномъ изъ бастіоновъ Аттила замѣтилъ человѣка, который показался ему не воиномъ. Это былъ Епископъ города.

Подъѣхавъ поближе, Аттила спросилъ:

— Кто ты такой?

Епископъ отвѣчалъ:

— Я слуга Божій.

А царь тотчасъ же подхватилъ:

— А я бичъ Божій, посланный для наказанія злыхъ слугъ!

Епископъ, склонивъ голову, отвѣчалъ:

— Твори же, какъ тебѣ велѣно, и накажи меня.

Этотъ отвѣтъ такъ понравился Аттилѣ, что онъ тотчасъ же велѣлъ оставить городъ съ тѣмъ, чтобы горожане обѣщались услужить кое-чѣмъ проходящей его арміи.

Въ одномъ изъ Италіанскихъ городовъ какой-то плохой поэтъ поднесъ Аттилѣ стихотвореніе, въ которомъ величалъ его Боже-

---

*) Нынѣ Аугсбургъ въ Баваріи.

**) Миланъ носилъ названіе Mediolanum.

ствомъ. Аттила такъ разсердился на неумѣстную и глупую лесть поэта, что осудилъ его на сожженіе. Когда же несчастнаго привели къ роковому костру и уже поставили на него, Аттила крикнулъ:

— Отпустите его, чтобы, по крайней мѣрѣ, не перепугать и хорошихъ поэтовъ!

Послѣ Милана, Аттила взялъ Конкордію, Алтинъ, Падуа, Вечегницу, Верону, Бретію, Бергамъ, Павію. Словомъ, онъ отнялъ всю сѣверную Италію, и направился къ Риму.

Валентиніанъ палъ въ совершенное уныніе, когда ему донесли о приближеніи передовыхъ непріятельскихъ дружинъ.

Положено было защищаться до крайности: все двинулось для защиты столицы. Между тѣмъ, Валентиніанъ отправилъ къ Аттилѣ чрезвычайное посольство, состоявшее изъ бывшаго консула имперіи, Авіэна, бывшаго правителя Африки, Тригетія, и папы римскаго, Льва. Имъ приказано было не переговариваться съ Аттилой, а умолять его о пощадѣ. Аттила принялъ чрезвычайныхъ пословъ довольно благосклонно и согласился на перемиріе. Тѣмъ не менѣе, армія его подошла подъ самыя стѣны Рима, и расположилась въ виду его лагеремъ. Валентиніанъ согласился на всѣ требованія побѣдителя. И побѣдитель, окруженный своими воеводами и коннымъ отрядомъ изъ Кыянъ, приблизился къ воротамъ повелительницы міра. Ворота отворились, и изъ воротъ, во всемъ облаченіи Христова Пастыря, вышелъ ему на встрѣчу Левъ, папа римскій, въ сопровожденіи всего римскаго духовенства, и, вмѣсто ключей города, поднесъ ему скипетръ обладанія міромъ, завитый въ мирный, но постыдный для Рима договоръ...

Такимъ образомъ, Римъ былъ наказанъ, а гордость Аттилы была вполнѣ удовлетворена...

По мирному договору, въ руки Аттила перешла большая часть восточныхъ римскихъ областей, а ежегодная дань золотомъ—много увеличена...

ГЛАВА II.

ГЕЙЗЕРИХЪ.

Возвращаясь въ свою столицу, Кыевъ, Аттила отправилъ къ другу своему, Гейзериху, въ Кареагенъ, пословъ, съ извѣстіемъ о побѣдѣ надъ Везиготами и надъ Римомъ, и просилъ его, въ виду того, что онъ не участвовалъ въ этой побѣдѣ, въ свою очередь, не забывать ни тѣхъ, ни другихъ, а Римъ, при всякомъ удобномъ случаѣ, унизить или даже разорить до основанія...

Гейзерихъ не забылъ завѣта своего восточнаго, великаго друга...

Подъ конецъ жизни Валентеніана, Гейзерихъ находился съ нимъ въ дружественныхъ отношеніяхъ, и эти же дружественныя отношенія были предлогомъ, по которому онъ въ 455 году, спустя три года послѣ смерти Аттилы, ворвался въ Римъ, и нѣсколько дней опустошалъ его...

Случилось это такимъ образомъ.

Кто-то увѣрилъ Валентиніана, что Аэцій хочетъ утвердить на престолѣ свою собственную фамилію. Императоръ, кромѣ предательскаго убійства, не нашелъ лучшаго средства избавиться отъ тягостной и ненавистной для него личности Аэція, и собственноручно, въ 454 году, убилъ его. Въ слѣдующемъ же году и самъ Валентиніанъ былъ убитъ однимъ изъ своихъ придворныхъ, Максимомъ, жену котораго онъ соблазнилъ. Убійца Максимъ былъ провозглашенъ императоромъ, а вдова Валентиніана, Евдоксія, дочь Өеодосія II-го и Евдокіи, была принуждена вступить въ бракъ съ виновникомъ смерти ея мужа. Желая отдѣлаться отъ ненавистнаго ей мужа, она обратилась съ просьбою о помощи къ Гейзериху. Гейзерихъ не замедлилъ появится въ устьяхъ Тибра. Объятые ужасомъ, Римляне взбунтовались, и Максимъ, послѣ трехъмѣсячнаго царствованія, былъ убитъ. Въ то время, какъ къ Риму приближался Гейзерихъ, Римъ не имѣлъ ни императора, ни войска. Къ нему отправили посольство. Тотъ же папа Левъ, который у воротъ Рима вручилъ Аттилѣ скипетръ властелина міра, стоялъ во

главѣ этого посольства. Принявъ посольство, Гейзерихъ обѣщалъ только, при опустошеніи Рима, не прибѣгать къ огню и мечу. Четырнадцать дней грабили Вандалы Римъ и перетащили на свои карабли не только все движимое имущество частныхъ лицъ, но и общественныя сокровища: древнія статуи, украшавшія улицы и площади Рима, вызолоченную кровлю Капиталія и даже священные сосуды изъ храмовъ. Большая часть этихъ драгоцѣнностей, какъ говорятъ, потонула вмѣстѣ съ кораблями при переѣздѣ изъ Европы въ Африку. Вмѣстѣ съ громадной добычей, Вандалы забрали въ плѣнъ и множество знатныхъ гражданъ, въ надеждѣ получить отъ ихъ родственниковъ большой выкупъ. И сама Евдоксія, накликавшая на Римъ Вандаловъ, съ своими дочерьми, была уведена Гейзерихомъ въ Африку... *)

Такъ, дважды, былъ опозоренъ горделивый Римъ двумя великими и мощными царими Славянства, раскинувшагося отъ береговъ Иртыша до береговъ Роны и Лоары, отъ береговъ Балтійскаго моря до береговъ Африканскаго Нила. Это была воля судебъ. Дряхлый Римъ долженъ былъ уступить мѣсто новому Риму, который, еле замѣтно, возрождался на берегахъ далекаго Борисѳена...

Каталаунская битва, по словамъ нѣкоторыхъ историковъ, мало того, что спасла Западную Европу отъ порабощенія дикихъ варваровъ, но спасла даже и Западное просвѣщеніе.

Такъ ли это?

---

*) Личность Гейзериха историкъ Іорнандъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: «онъ былъ средняго роста и хромалъ отъ паденія съ лошади. Глубокій въ своихъ предначертаніяхъ, говорилъ мало, ненавидѣлъ роскошь, грозный въ гнѣвѣ, страстный къ пріобрѣтенію, прозорливѣйшій въ сношеніяхъ съ народами, онъ предусмотрительно умѣлъ бросать, гдѣ нужно, сѣмена раздора, и тушить ненависть». Гейзерихъ царствовалъ въ своей Африкѣ довольно долго. Передъ смертью, онъ собралъ вокругъ себя своихъ сыновей и положилъ совѣтъ между ними: жить въ мирѣ и любви и наслѣдовать царство по ряду и череду старѣйшему. Не было ли подобнаго рода завѣщаній сыновьямъ и въ обычаѣ и позднѣйшихъ Славянскихъ князей. Примѣромъ тому служатъ Ярославъ и Владиміръ Мономахъ.

Ни одна страница исторіи, говорящая объ Аттилѣ, не упоминаетъ что-то о томъ, чтобы Аттила гдѣ либо или когда либо налагалъ свою руку на чье либо просвѣщеніе.

Побѣждая, т. е., лучше сказать, наказывая низости Византійскаго и Равеннскаго дворовъ, онъ не мѣшалъ дѣлу частной жизни идти обычнымъ ея чередомъ...

Зачѣмъ же на Аттилу такая клевета!...

КНИГА СЕДЬМАЯ.

РАСПАДЕНІЕ ЦАРСТВА ГУННОВЪ.

ГЛАВА I.

ПОСЛѢДНІЙ ПИРЪ.

Возвратясь въ Кыевъ, скучая бездѣйствіемъ и неразлучными со старостью упадками силъ, Аттила вспомнилъ разсказъ Хари Мурина о необыкновенной красотѣ Бактріанской царевны, Ильдицы, и тотчасъ же снарядилъ посольство къ отцу ея, съ требованіемъ, чтобы онъ выдалъ за него дочь свою, Ильдицу.

Царь Бактріанскій, Илій, имѣлъ неблагоразуміе отказать Аттилѣ. *)

Аттила быстро снарядилъ войско и двинулъ къ берегамъ Каспійскаго моря.

Посылая туда съ войскомъ Годичана, онъ приказалъ, во что бы то ни стало, живую или мертвую, привезти Ильдицу, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, найдти предлогъ ворваться въ предѣлы Персіи, съ которой Аттилѣ давно уже хотѣлось повоевать.

Годичанъ не замедлилъ исполнить волю своего повелителя.

---

*) Область Бактра находилась между рѣками Курой и Араксомъ. Нынѣшніе исчезающіе Гебры (огнепоклонники), живущіе въ Персіи и окрестностяхъ Баку, есть потомки Бактріанъ, и вообще — маговъ-халдеевъ, жившихъ близъ озера Гогъ.

Въ нѣсколько дней маленькая и незначительная область Бактра, или Бактріана, была уничтожена, красавица-Ильдица взята, а Персія—поставлена въ необходимость объявить Аттилѣ войну.

Началась война съ Персіей.

Оставивъ для борьбы съ Персіей опытныхъ полководцевъ, Годичанъ поторопился съ Ильдицей въ Кыевъ.

Вскорѣ красавица была имъ привезена въ столицу и немедленно же представлена къ царю.

Удовлетворенный царь, съ улыбкой удовольствія, посмотрѣлъ на Бактріанскую царевну, потрепалъ ее по смуглой щекѣ, и приказалъ готовить свадебный пиръ.

Весь дворецъ поднялся на ноги и закипѣлъ приготовленіями къ пиру.

Между тѣмъ, Аттила уединился съ привезенной Ильдицей въ своей опочивальнѣ, и не сводилъ съ нее своихъ старческихъ глазъ.

Харя Муринъ, повѣствуя о красотѣ Ильдицы, не обманулъ царя.

Ильдица, дѣйствительно, была замѣчательная красавица: высокая, стройная, смуглая лицомъ, съ бельшими синими очами и длинными, пушистыми рѣсницами, она, казалось, соединила въ себѣ все то, что знойный югъ имѣетъ и прекраснаго и до забвенія плѣнительнаго...

Все время Ильдица молчала, что, въ глазахъ Аттилы, еще болѣе придавало ей соблазнительной прелести.

Только иногда, какъ-то странно, изъ подъ бровей, она вскидывала очами на Аттилу, и потомъ, какъ бы испугавшись вперѳннаго на нее взора грознаго царя, быстро опускала ихъ въ землю, и сидѣла, такая же безмолвная, такая же недвижимая. Въ эти же моменты она судорожно вздрагивала, лицо ея покрывалось легкой блѣдностью, губы дрожали, ноздри слегка расширялись, а грудь волновалась какъ рѣка. Все это говорило, что Ильдица страшная, дикая натура.

Аттила это понималъ, любовался ею, и тоже молчалъ... Странныя чувства волновали и его желѣзную грудь...

Но—наступилъ вечеръ—и Аттила отправился въ пиршественную свѣтлицу.

Вся свѣтлица, по обыкновенію, была наполнена любимцами царя.

Царь на пиру, сверхъ всякаго ожиданія, какъ бы необыкновенно

развеселился: много пилъ, много ѣлъ, награждалъ всѣхъ и всякаго почестями, золотомъ, и шутилъ со всѣми.

Никто и никогда не видалъ царя такимъ.

Всѣ удивлялись этому, и, по немногу, подвыпивъ, начали даже говорить съ царемъ нѣсколько свободно, чего никогда не бывало.

Обоготворяемый десятки лѣтъ, неприступный, гордый, заносчивый, царь вдругъ показался всѣмъ такимъ же обыкновеннымъ человѣкомъ, какъ и они.

А шутъ Харя Муринъ развеселился больше всѣхъ.

Подвыпивъ крѣпкаго вина и меду, онъ безпрерывно потѣшалъ всѣхъ своими шутками, мѣшая въ шуткахъ языки: славянскій съ латинскимъ, греческій съ готскимъ, и на оборотъ.

Не взирая на то, что Харя Муринъ занималъ при дворѣ Аттилы роль домашниго шута, онъ былъ однимъ изъ умнѣйшихъ и даже, по своему времени, образованнѣйшихъ людей Аттилова двора.

Харя Муринъ нѣсколько лѣтъ провелъ въ Римѣ, Константинополѣ, Египтѣ, и, стало быть, не мало вынесъ оттуда Римской, Эллинской и Египетской премудрости.

Недовольствуясь незначительными шутками, ему вдругъ вздумалось потѣшить царя и гостей цѣлымъ разсказомъ.

Подбѣжавъ къ Аттилѣ, Харя Муринъ низко ему поклонился, и попросилъ позволенія разсказать, хотя невеселое, но занимательное повѣствованіе о чумѣ.

Царь, помолчавъ, проговорилъ:

— Разсказывай.

Харя Муринъ началъ разсказывать:

ЧУМА.

Есть на землѣ великій, грозный бичъ.
Ни громъ небесъ, ни плещущія волны
Во время бурь; ни роковыя схватки
Упорныхъ битвъ, гдѣ моремъ брызжетъ кровь,
Гдѣ слышатся неистовые стоны,
Мѣшаяся со звуками мечей;

Ни пламя, пожирающее зданья.
Творенія народовъ и вѣковъ;
Ни казни звѣрскія,—ни что не въ силахъ
Картинами всѣхъ ужасовъ своихъ
Склонить во прахъ гордыню человѣка,
Какъ этотъ страшный и свирѣпый бичъ!

На берегахъ священно-чтимыхъ Нила,
У царственныхъ, высокихъ пирамидъ,
Свидѣтелей давно минувшей славы,
Родился онъ, питомецъ многихъ лѣтъ,
Питомецъ золъ. Убогіе народы,
Среди своихъ безчисленныхъ руинъ,
Среди природы, зноемъ раскаленной,
Въ своей крови, у груди матерей,
Его носили, и какъ бы святыня
Иль сердцу милый и безцѣнный даръ,
Изъ рода въ роды онъ передавался.

Не зналъ о немъ безпечный человѣкъ;
А онъ, межь тѣмъ, его питаясь кровью,
Ковалъ ему чудовищный ударъ.

Въ убогихъ хижинахъ, средь бѣдности гнетущей,
Гдѣ есть нуждѣ и голоду просторъ,
Впервые онъ, очнувшися, поднялся
И, мощною качнувши головой,
Какъ львица, ринулся на тощія толпы
Народовъ жалкихъ
Бѣдный рудокопъ,
Своей семьей голодной окруженный —
Женой, дѣтьми — синѣя, коченѣлъ...
И кинулась на грудь его супруга,
Рыдая горько, и, увы, сама,
Качнувшись, смутная, стеня, упала,
И вдругъ застыла. Дѣти, зарыдавъ,
Прильнули къ трупу матери любимой

И принялись лобзать ее. Одинъ
Изъ нихъ поднялся и, взглянувъ на братьевъ,
Вдругъ отшатнулся. Съ пѣною у рта,
Они на трупѣ сами коченѣли,
Твердя какія-то несвязныя слова
И смрадъ, какъ дымъ, изъ горла изрыгая.
И обезумѣлъ онъ, и кинулся бѣжать,
О бѣдствіи всѣмъ встрѣчнымъ возвѣщая.
Народамъ жалость всюду не чужда.
Вокругъ него толпами собирались
Всѣ шедшіе и слышавшіе зовъ
Несчастнаго, молившій о пощадѣ.
Онъ говорилъ: «Сынъ дряхлаго отца,
Взрощенный съ дѣтства нищенской сумою,
Я былъ сегодня зрителемъ смертей,
Которыя, при мнѣ, въ одну минуту,
Сразили быстро всю мою семью.
Сперва отецъ у ногъ моихъ свалился,
За нимъ нежданно онѣмѣла мать,
Потомъ сестра, и братья, другъ за другомъ,
Въ невиданныхъ доселѣ мукахъ,
Въ моихъ глазахъ, терзаясь, коченѣли...
Такую смерть кто видывалъ изъ васъ?
Кто знаетъ болѣе ужасное дѣянье?»

Народъ ему, безмолвствуя, внималъ
И, полный думъ, на грознаго пророка
Взиралъ со страхомъ. Между тѣмъ, бѣднякъ
Сѣлъ на землю и, головой качая,
О чемъ-то бредилъ, часто языкомъ
Свои сухія смачивая губы.
Толпа чего-то все еще ждала:
Казалось ей, что вѣстникъ утомленный
Не все ей высказалъ, что есть еще
Какая-то невѣдомая тайна,
Которую онъ хочетъ сохранить
Въ душѣ своей. И всталъ онъ предъ толпою,

И застоналъ, мгновенно покраснѣвъ:
«О, что со мною? Братья, помогите!
Въ груди моей я чувствую огонь!
Языкъ мой пухнетъ, пухнутъ мои ноги,
И брызжетъ кровь изъ серца моего?»
И онъ умолкъ, упавъ передъ толпою,
Какъ громомъ пораженный. А толпа,
Объятая чудовищнымъ смятеньемъ,
Отъ трупа смраднаго отхлынула назадъ.
«Чума!» вдругъ вскрикнулъ кто-то, самъ не зная
Значенья слова этого, — и вмигъ
Вокругъ него вся площадь опустѣла.

И всюду вопль зловѣщій пробѣжалъ:
«Чума! чума!» Никто не зналъ откуда
Явилось слово это. Но оно —
Изъ устъ въ уста вездѣ переходило,
И заставляло трепетать народъ.

И тотъ, чьего оно касалось слуха —
Сначала, сумрачный, задумчивый, блѣднѣлъ,
Потомъ, унылымъ страхомъ пораженный,
Краснѣлъ мгновенно, будто кровь его
Въ одномъ лицѣ лишь только находилась.
Потомъ на немъ являлся смрадный струпъ:
Одинъ, другой, и съ каждою минутой
Все больше, больше. А во рту его
Языкъ толстѣлъ и, щеки раздвигая,
Съ кровавой пѣною наружу выходилъ.
Потомъ, дыша подобно тѣмъ несчастнымъ,
Что подъ землей на смерть обречены,
Онъ бредилъ, бился, и томился жаждой.
Потомъ мгновенно, корчась какъ змѣя,
Которую на части разсѣкаютъ,
Вдругъ упадалъ, и диво цѣпенѣлъ....

Какъ пламя яркое, шумя, объемлетъ
Солому рыхлую, такъ страхъ всегда
Объемлетъ духъ и волю человѣка.
Какъ волны моря плещутъ и ростутъ
Неудержимо, такъ людское горе
Ростетъ и движется изъ края въ край.
Какъ буря дубъ столѣтній поражаетъ,
Такъ неизбѣжный ужаса ударъ
Разитъ нещадно сердце человѣка.
Кто остановитъ бѣшенство огня?
Кто усмиритъ бушующее море?
Кто поразитъ разящую грозу?

«Чума! чума! неслися восклицанья, —
«Чума! чума!» И груды мертвыхъ тѣлъ
Тѣмъ восклицаніямъ отвѣтомъ страшнымъ были...
И чѣмъ сильнѣй былъ страхъ, и чѣмъ сильнѣй
На ложѣ смерти, полной адской муки,
Родной родного скорбно лобызалъ,
Тѣмъ безпощаднѣе въ толпѣ народной
Царица смерть. И понялъ, наконецъ,
Народъ значенье мрачное заразы,
И кинулся спасаться другъ отъ друга,
Какъ звѣрь въ лѣсу отъ яраго ловца,
Иль серна-мать отъ бѣшеной тигрицы.

И вѣсть ужасная коснулася царя
Той стороны. И созвалъ царь унылый
Своей земли великихъ мудрецовъ
И требовалъ сурово объясненій
Заразы страшной, думая помочь
Тѣмъ объясненьемъ бѣдствіямъ народа.
И изъ толпы угрюмыхъ мудрецовъ
Передъ царя, высокій, сѣдовласый,
Предсталъ мудрецъ, и такъ заговорилъ:

«О, царь! ты требуешь отвѣта?
Внемли же! я даю отвѣтъ:
Все мретъ отъ дуновенья лѣтъ,
Все тяжкимъ сумракомъ одѣто.
Къ чему житейскій путь ведетъ?
Что въ жизни нужно? что полезно?
Все, что живетъ, скользитъ надъ бездной
И грозной очереди ждетъ.
Надъ головой и льва, и гада
Равно проходитъ странный вѣкъ.
Никѣмъ не понятъ человѣкъ,
И понимать его не надо.
Онъ живъ — себѣ, и всѣмъ другимъ
Вредитъ и даръ его, и сила;
Умретъ — возвысится надъ нимъ
Одна печальная могила.
На чтожъ могильныхъ плитъ краса?
На что кладбищъ безбрежныхъ виды
И обелисковъ чудеса? —
Средь тѣхъ кладбищъ ростутъ лѣса,
Песокъ заноситъ пирамиды.
А нашей жизни краткій пиръ?
То длится онъ въ забвеньи сиромъ,
То шлетъ проклятія кумирамъ,
То новый создаетъ кумиръ.
На что? Все прихотью объято,
Все измѣненія полно:
Что нынче истинно и свято,
То завтра — нагло и смѣшно.
А что намъ братняя утрата?
Кто горе ближняго пойметъ?
Кто благъ своихъ не создаетъ
На тяжкомъ бѣдствіи собрата?
Кто не продастъ дѣтей, отца,
О жизни собственной радѣя?
Кто отличитъ межъ насъ глупца
Отъ многомудраго халдея?

Несемъ мы всѣ безумству дань,
Всѣ бредимъ славой, бредимъ битвой,
И даже, — о, позоръ! — съ молитвой
Идемъ на бѣшеную брань!...

О, царь! ты требуешь отвѣта?
Внемли же! я даю отвѣтъ:
Людей счастливыхъ въ мірѣ нѣтъ,
Ничто безсмертьемъ не согрѣто.
Всему ударитъ грозный часъ,
Изсчезнетъ все, какъ вихорь въ полѣ...
Но... царь... рабовъ однихъ лишь доля
Не изчезаетъ между насъ...
Зачѣмъ?... На темный берегъ Нила
Тайкомъ съ терассъ своихъ взгляни:
И средь смертей, на хлябяхъ ила,
Томясь, работаютъ они.
Несутъ ярмо страдальцы эти,
Ихъ жизнь — стенаній нить одна;
Не такъ имъ смерть сама страшна,
Какъ страшенъ свистъ ременной плети.
Всѣ гонятъ бѣдныхъ горемыкъ,
Ихъ ноги босы, чахлы груди,
И гордой волею владыкъ
Они — не звѣри и не люди.
Ихъ нравъ безропотенъ и тихъ,
Какъ вопль унылы ихъ напѣвы;
И эти тучные посѣвы,
Увы, созрѣютъ не для нихъ.
Они въ отрепьяхъ грязныхъ топутъ,
Мы ихъ, какъ мясо, продаемъ,
И только то имъ отдаемъ,
Чего и псы уже не тронутъ.
О, царь! задумалъ ты постичь,
Что скорбныхъ дней причиной было!
Узнай же, царь, что этотъ бичъ,
Бичъ страшный — рабство породило.

Въ крови хирѣющихъ рабовъ,
Въ крови, не знавшей доброй пищи,
Его гнѣздо, его жилище
Для созиданія гробовъ.
Храня суровое молчанье,
Сулятъ рабы намъ адъ, и тьму:
Ихъ жизнь готовитъ намъ чуму,
Насъ отравляетъ ихъ дыханье.
Но есть страшилищу конецъ:
Одинъ твой взглядъ его изгонитъ.
Взгляни,—не то и твой дворецъ
Отъ ихъ дыханія застонетъ.
Скажи:—«Нѣтъ рабскаго труда!»
И рабство тягостное минетъ...
Гдѣ-жъ будетъ рабство—никогда
Тѣхъ странъ зараза не покинетъ.»

Умолкъ старикъ... Поникнувъ головами,
Вокругъ него стояли мудрецы.
Съ боязнью тайной, чутко, царедворцы
Глядѣли въ очи мрачныя царя...
А царь—сидѣлъ, и вдругъ... захохоталъ,
А вмѣстѣ съ нимъ и всѣ захохотали...

И въ этотъ часъ на дальнихъ небесахъ,
Одѣвшись сизой пеленой тумана,
Зардѣлось солнце, и багровый свѣтъ
На городъ кинуло. По кровлямъ разсыпаясь,
Казалось, сумрачно-багровые лучи
Не свѣтомъ ихъ, а кровью обдавали.
И во дворецъ зловѣщій лучъ проникъ
И, промелькнувъ на царскомъ одѣяньи,
Унизанномъ каменьями,—вокругъ
Кровавымъ заревомъ мгновенно отразился,
И на лицѣ у каждаго застылъ...

...И опустѣлъ дворецъ... Какъ буря урагана
Надъ нимъ чума, пируя, пронеслась...
Погибло все... Одинъ мудрецъ суровый,
Хранимъ судьбой, задумчиво сидѣлъ
Средь очумленной роскоши владыки,
Сидѣлъ и мыслилъ что-то... А чума
Изъ края въ край помчалась, торжествуя,
Нигдѣ преградъ себѣ не находя,
Нигдѣ людей свободы не встрѣчая.
И только тамъ смирилася она,
Гдѣ не глядѣло око человѣка,
Гдѣ льды и снѣгъ, не тая никогда,
Слились въ однѣ синѣющія массы,
И гдѣ—не только не былъ человѣкъ,
Но гдѣ онъ даже никогда не будетъ...

По окончаніи повѣствованія, гости, по обыкновенію, хотѣли наградить разсказчика криками одобрѣнія, какъ Аттила быстро всталъ со своего сѣдалища, и обвелъ свѣтлицу, унизанную гостями, своими мутными, но страшными взглядами...

Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, тоже встали вслѣдъ за царемъ, и вся свѣтлица, недавно столь шумная, недавно столь веселая, какъ бы замерла подъ этими чарующими и непонятно-чудовищными взглядами.

А грозный царь, обращаясь къ близь стоявшему Годичану, какъ-то глухо и хрипло проговорилъ:

— Годичанъ, принеси мнѣ завтра утромъ голову шута. Я посмотрю, разскажетъ ли она мнѣ новую сказку о бичѣ...

Сказавъ это, Аттила, неровными шагами направился къ двери своей опочивальни...

Гости безмолвствовали...

ГЛАВА II.

СМЕРТЬ АТТИЛЫ.

Въ свою опочивальню съ пира, Аттила вошелъ въ страшно возбужденномъ состояніи: лицо его, сильно осунувшееся, покрытое старческими морщинами, съ густо нависшими бровями, съ нѣсколько распухшимъ носомъ, пылало какъ въ огнѣ; глаза горѣли и сильно выдвинулись изъ орбитъ. Онъ дышалъ тяжело и нерерывисто. Входя въ опочивальню, Аттила нѣсколько пошатывался. Провожавшіе его, Годичанъ и Онигисъ, хотѣли поддержать его, но онъ слегка оттолкнулъ ихъ отъ себя, и они, поклонившись, скрылись за дверью.

Въ опочивальнѣ давно уже сидѣла Ильдица.

Склонивъ голову и положивъ руки на колѣни, подъ длиннымъ, бѣлымъ покрываломъ, она казалась сидачей статуей. Сидѣла она возлѣ стола, на которомъ стояла огромная деревянняя чаша фалернскаго вина, съ деревянной, большой чарой, и лежали гусли.

Любя игру и пѣнье, Аттила самъ нерѣдко игралъ на гусляхъ пѣсни своей родины, въ которыхъ воспѣвался широкій и быстрый Нѣманъ съ его непроходимыми лѣсами, болотами и сурчинами...

Взглянувъ на безмолвно сидящую Ильдицу, Аттила грузно кинулся на свое грубое, войлочное ложѣ...

Нѣкоторое время онъ молчалъ... Потомъ, какъ бы самъ про себя, тихо и глухо заговорилъ:

Я много пилъ, я много пилъ вина...
Не поскупился римскій императоръ,
Покорный рабъ мой, Валентиніанъ,
Прислать мнѣ винъ фалернскихъ изъ Равенны.
Я много пилъ, я много пилъ вина...
Такъ нѐ пилъ я ни разу отъ рожденья.
Какой-то духъ невѣдомый смутилъ
Меня сегодня: свадебный ли пиръ,
Кипѣвшій радостью, иль пѣсни гусляровъ,
Моихъ побѣдъ цѣнителей достойныхъ,

Иль кроткій ликъ твой, юная Ильдица,—
Не знаю что, но только мнѣ весь день
Такъ тяжело, такъ грустно нынче было,
Такъ во дворцѣ все вѣяло тоской,
Такъ много грусти наводили слуги,
Вокругъ меня стоявшіе толпой,
Что я все пилъ, все пилъ, не зная мѣры,
И былъ бы радъ, когда бы хмѣль вина
Меня свалилъ, и могъ бы я заснуть,
Какъ спятъ простые люди. Но упорно
И во хмѣлю преслѣдуетъ меня
Тоска и злость... Скажи мнѣ, что со мною?

Ильдица.

О, повелитель! мнѣ-ли грустъ твою
Понять моею женскою душою?
Могу-ли я, послѣдняя раба,
Постигнуть думы, думы властелина
Вселенной? Можетъ быть, гнететъ
Тебя ярмо безбрежнаго правленья,
Ярмо заботы. Или, можетъ быть,
Ты слугъ своихъ дѣяньемъ недоволенъ:
Владыку слуги не всегда поймутъ,
И не всегда владыка безпредѣльный
До ихъ несчастій мелкихъ снизойдетъ.
Быть можетъ, сынъ отцовскою любовью
Пренебрегаетъ. Или въ сердце дѣвъ,
Твоихъ рабынь безропотныхъ, измѣна
Зашла... Какъ знать!...

Аттила.

А думалъ я, что ты
Мою печаль постигнешь и разсѣешь...
Давно когда-то мнѣ одинъ мудрецъ
Сказалъ сурово: «Царь непобѣдимый,

Послушай старца! Если на тебя
Нахлынетъ грусть и тягостная скука —
Возьми на лоно робкое дитя,
Иль погляди на ликъ отроковицы:
Подъ дѣтскій лепетъ скука пропадетъ,
Румянецъ дѣвственный тоску прогонитъ.
Есть, говорилъ онъ, кросота небесъ
И въ лепетѣ невиннаго младенца,
И въ жгучемъ блескѣ дѣвственныхъ очей
Красавицы ...» А ты-ль не красота
Достойная!... На родинѣ твой,
Я слышалъ, маги-звѣздосчеты много
Слагаютъ пѣсенъ. Пѣсенъ я хочу.
Спой мнѣ одну изъ нихъ, изъ этихъ вѣщихъ,
Мудреныхъ пѣсенъ. Юный лепетъ твой,
Быть можетъ, усыпитъ негодованье
Моей души.

Ильдица.

Ахъ, пѣсенъ нашихъ, царь,
Ты не полюбишь! Силы и героевъ
Не славитъ пѣснью Бактрія моя.
Мы славимъ пѣснью небо голубое,
Мы славимъ наши чудные огни,
Мы славимъ воды, полныя движенья,
Мы славимъ солнце, звѣзды и луну.
А нашъ мудрецъ, нашъ Зороастръ великій,
Намъ пѣсни пѣлъ о вѣрѣ и добрѣ,
Благіе намъ законы завѣщая;
Онъ намъ любовь святую завѣщалъ,
И мы поемъ завѣщанныя пѣсни.

Аттила.

Ты ихъ и пой. Люблю я звуки струнъ,
Люблю я съ дѣтства гуслей переливы,
Люблю я пѣсни бѣдныя людей,

Люблю ихъ стонъ, ихъ плачъ!... Какъ буря,
Качая дебри, хмуря небеса,
Упавшій духъ владыки возвышаетъ,
Такъ пѣсня грустная въ душѣ его
Дѣяніямъ находитъ оправданье.
Я слушаю.

Ильдица.

О, слушай, славный царь!

(Играетъ на гусляхъ и поетъ).

Быстрыя какъ вихорь, какъ полеты птицы,
Яркія какъ искры въ чашѣ золотой,
Бѣлыя какъ крылья чистой голубицы,
Крупныя какъ слезы любящей вдовицы, —
Брызжутъ волны моря на берегъ крутой.

И шумятъ, и плачутъ, и ревутъ, и стонутъ,
Бьются и рокочутъ, воютъ, и звенятъ,
То на верхъ взольются, то опять потонутъ,
То, не разсыпаясь, берегъ еле тронутъ,
То, какъ брата, мнится, силятся обнять.

И рокочутъ волны, воя на просторѣ:
Кто, силачъ великій одолѣетъ море?
Гдѣ онъ? отзовися, силою обильный?
Нѣтъ отвѣта... Люди предъ людьми лишь сильны...
Волны, волны, дальше! Мы людей осудимъ:
Разобьемъ, потопимъ... Горе, горе людямъ!...

Аттила.

Какъ жаль, что море не подвластно мнѣ!
Я выпилъ бы бушующія воды
Съ ихъ дикостью, съ ихъ шумною грозой,

Съ ихъ безконечно-воющей пучиной,
Чтобъ изрыгнуть смертельно на людей
Весь ужасъ ихъ! Какъ жалъ! какъ жаль, Ильдица,
Что бездны моря не подвластны мнѣ!
Но ты поешь не вѣщія ли пѣсни!
Кто ихъ слагалъ? гдѣ слышала ты ихъ?

Ильдица.

О, властелинъ, прости твою рабыню!
Пою я пѣсни родины моей.
Слагали ихъ несчастные гусляры,
Не я слагала. А несчастье, царь,
Ты знаешь самъ, безумствуя, какъ вѣтеръ,
Такія-жъ пѣсни плачетъ и урчитъ.
Унылыхъ пѣсенъ счастіе не любитъ:
О счастьѣ счастье только и поетъ.

Аттила.

О счастьѣ?... Бѣдная!... О, люди, люди!
Что ваше счастье? — прихоть безъ границъ!
Весь вѣкъ свой жаждетъ человѣкъ чего-то,
Весь вѣкъ свой проситъ, мечется, и ждетъ.
Но пусть онъ міръ, какъ пращъ, рукою сдавитъ,
Пусть звѣзды потекутъ по прихоти его, —
И онъ соскучится мірами править,
И кинется на собственный свой мечъ!

Ильдица.

Ужели такъ? Ахъ, царь, не можетъ быть,
Чтобъ люди жили только для несчастій!
Увы, мнѣ кажется, одинъ злодѣй
Своимъ злодѣйствоммъ міръ весь возмущаетъ
И горе тяжкое, коварствуя, творитъ.

Аттила.

Одинъ злодѣй?! Нѣтъ, люди всѣ злодѣи!
И ягуаръ, и африканскій левъ,
Хотя не ра̀вны, ра̀вно кровожадны!
Вотъ гдѣ начало рабства и страстей,
Вотъ гдѣ начало брани безконечной!
Но эту брань я съ дѣтства полюбилъ!
Я полюбилъ войны кровавой пламя,
И громъ ея! Какъ битвы не любить
Гдѣ все слилось для грозныхъ наслажденій!
Какая пѣснь проклятій и рѣчей!
Какіе звуки бердышей звенящихъ!
Какъ ходитъ молотъ! какъ визжатъ пращи!
Какъ вьются стрѣлы! Чудо! А дружины?
То носятся, то скачутъ, то разятъ,
То всѣ бѣгутъ, то всѣ стѣною станутъ,
То вдругъ падутъ, то снова на дыбы
Поднимутся... и мечутся, и рвутся —
Впередъ, назадъ!... Могучая волна!
Ты это море видѣла-ль, Ильдица?
Его ты знаешь-ли?

Ильдица.

Ужасно, царь,
Когда толпами люди погибаютъ!
За что? Зачѣмъ?

Аттила.

Не робкою душой
Понять красу безбрежнаго волненья
Борьбы, и крови, брызжущей струей
Изъ свѣжихъ ранъ бойцовъ остервенелыхъ!

(Какъ бы видитъ передъ собой поле битвы).

Вонь голова безъ носа, безъ ушей,
Съ открытымъ ртомъ: послѣднее стенанье
Застыло въ немъ, и порванный языкъ
Прилипъ къ губамъ... Вонъ тѣло безъ ноги.
Утративъ мечъ, товарищъ мертвеца,
Какъ молотомъ, ногою поражаетъ
Врага упорнаго. Озлился врагъ,
Оскалилъ зубы, руки растопырилъ
И, будучи не въ силахъ одолѣть
Бойца, грызетъ безжизненную ногу,
Грызетъ, царапаетъ, урчитъ какъ звѣрь,
И падаетъ... Вонѣ голову сѣдую
Руками воинъ комкаетъ и рветъ.
Онъ весь въ крови, а очи съ наслажденьемъ
Глядятъ въ нѣмыя очи мертвеца...
Вонъ тамъ слились два воина, какъ братья,
Въ одинъ глухой, ужасный поцѣлуй;
Какъ двѣ эхидны, полныя заразы,
Впились ножи ихъ въ тѣло глубоко.
Другъ друга сжавъ, другъ друга ненавидя,
Они хотятъ другъ друга отравить
Своимъ, какъ жаръ пылающимъ, дыханьемъ...
Тамъ груды тѣлъ... тамъ груды рукъ и ногъ...
Тамъ кровь слилась въ чернѣющія лужи...
Тамъ стонъ... тамъ ревъ... а тамъ — грозящій крикъ
Побѣдныхъ силъ!... Чудесное движенье!
О, если-бъ ты случайно рождена
Была съ великой, мощною душою,
Ты поняла-бъ, красавица, меня;
Ты поняла-бъ, что стоятъ люди злобы...
Ихъ не убьешъ — они тебя убьютъ...
Презрѣнные!.. Одни мои Кыяне,
Кыяне-Гунны.... Чуденъ мой народъ!
Великъ народъ мой! Вѣкъ пройдетъ за вѣкомъ,
Исчезнетъ все, но Гунны не умрутъ!
Я не умру! я страшенъ буду людямъ!
Я передамъ въ далекіе вѣка

Позоръ и стыдъ изнѣженнаго Рима,
И на землѣ не смолкнетъ никогда
Ужасный громъ Каталаунской битвы!...
Пой дальше мнѣ, красавица долинъ
И горъ Мидійскихъ. Пѣснь твоя о морѣ
Въ душѣ моей, озлобленной людьми,
Моихъ побѣдъ представила картины.
Скорѣе пой.

Ильдица.

О, слушай, славный царь!
(Играетъ и поетъ).

Хижину рыбачью со скалы суровой
Сорвала, бушуя, грозная волна.
Рыбарь долго плакалъ, вдругъ лишенный крова:
Все его богатство — хижина одна.

По колѣно въ морѣ, старческой рукою
Онъ искалъ обломковъ, и дрожалъ, и стылъ,
То за грудь хватался, то стоналъ съ тоскою,
То, рыдая, тихо что-то говорилъ.

Но въ словахъ страдальца не было угрозы,
А была молитва; и въ своихъ струяхъ
Море хоронило старческія слезы,
И несло ихъ дальше, дальше... На волнахъ

Принаслись обломки къ берегамъ далекимъ,
Ихъ поймали люди, хитрые умомъ,
Обтесали гладко терпугомъ широкимъ,
Завострили снизу острымъ топоромъ,—

И впилися въ землю эти сваи вскорѣ,
А на сваяхъ гордо возродился храмъ...
Плачетъ бѣдный рыбарь: горе мое, горе!
Въ храмѣ-жъ золоченомъ мѣста нѣтъ дарамъ.

Аттила.

Таковъ удѣлъ и жалкихъ, и безсильныхъ...
Они падутъ... Вотъ горделивый Римъ...
Онъ славенъ былъ, онъ былъ блестящъ, какъ небо,
Когда его не слабые сыны
Въ рукахъ держали, а такіе люди,
Какъ Юлій Цезарь. Но пришла пора:
Пурпуръ надѣли женщины и слуги,
Льстецы, глупцы, безъ силы, безъ ума,
Во всемъ одной искавшіе добычи,
И благъ земныхъ, — и низко Римъ упалъ,
Упалъ, какъ жилъ, безмѣрно и позорно.
И вотъ теперь, какъ старецъ рыболовъ,
Онъ ловитъ бревна хижины разбитой.
На что? Зачѣмъ? Какъ бурная волна,
Прошли надъ нимъ могучіе народы
И, опозоривъ стѣны гордеца,
Съ собой уносятъ крѣпкіе обломки,
Чтобъ изъ обломковъ новое создать
Величіе! Да, Римъ, твой часъ ударилъ!
Ты старъ, ты дряхлъ; какъ рабъ, ты изнемогъ
Подъ чуждой ношей. Новые народы
Должны затмить негаданно тебя,
И на твоихъ развалинахъ и славѣ
Создать свою блистающую славу!
И я создамъ! Великъ Славянскій царь!
Взгляни вокругъ: съ далекаго востока
На дальній западъ, съ сѣвера на югъ,
Снѣга и пальмы, — все моя держава!
Все мнѣ несетъ богатые дары,
Все мною дышетъ! Сильные владыки
У ногъ моихъ, покорствуя, лежатъ;
Два императора склонились предо мною;
Стратигомъ Римъ привѣтствуетъ меня...
Стратигомъ!... Да!... Но что-жъ такое Кесарь?
Всѣ полководцы Кесаря рабы,

А воеводы мощные Аттилы,
Какъ Кесарь самъ, такіе же цари!...
Довольно пѣсенъ, юная Ильдица.
Отъ словъ твоихъ исчезла грусть моя,
Исчезло сердца тяжкое смятенье.
Налей мнѣ чару крѣпкаго вина,
И дай, я выпью.

(Пьетъ чару вина, поданную Ильдицей, долго сидитъ молча, потомъ поднимаетъ на Ильдицу ласковый взоръ).

Можетъ быть, ты хочешь
О чемъ нибудь Аттилу просить?
Проси, Ильдица: я не откажу
Тебѣ ни въ чемъ.

Ильдица.

О чемъ-же мнѣ просить
Тебя, мой царь? Я всѣмъ теперь довольна.
Увялъ цвѣтокъ отъ сырости ночей,
Но вотъ взглянуло солнце съ небосклона,
Пригрѣло поле, и простой цвѣтокъ
Свою головку маленькую поднялъ...
Я у отца невѣдомой жила.
Кто зналъ меня? Однѣ мои рабыни
Да сестры знали, робкія какъ я.
Одна, въ тиши, Ильдица выростала.
Отецъ въ бою, мать во дворцѣ своемъ,
Въ далекихъ странахъ выросшіе братья...
Грустила я. Какъ было не грустить?
Дѣвичье сердце билось подъ сорочкой,
Роились думы смутно въ головѣ,
А чьи-то очи, полныя желанья,
Огня и блеска, часто предо мной,
Какъ звѣзды неба, плавали въ туманѣ...
Томилась я. Но вотъ ко мнѣ пришелъ
Ты, мой кумиръ, — и снова, подъ лучами,

Я разцвѣла, и сладко ожила.
Я съ той поры и счастіе узнала,
Хотя твоя побѣдная рука,
Чтобъ мной владѣть, отца не пощадила,
Не пощадила матери моей,
Не пощадила братьевъ и сестеръ;
И Бактрію мою, и мой дворецъ любимый,
Дворецъ царей, надъ Курою-рѣкой,
Гдѣ я взросла съ подругами моими,
Ты раззорилъ...

А т т и л а *(мрачно).*

Зачѣмъ-же твой отецъ
На мой предлогъ гордынею отвѣтилъ?
«Я за тирана дочь не отдаю»,
Сказалъ онъ мнѣ. Я двинулся войною.
Кто виноватъ?

И л ь д и ц а.

Конечно, царь, не ты.
Но мнѣ-ли быть родителя судьею?
Я дочь...

А т т и л а.

Довольно... Я сказалъ тебѣ,
Чтобъ ты меня о чемъ нибудь просила.

И л ь д и ц а.

Ахъ, царь!

А т т и л а.

Проси-же. Я не вѣрю, нѣтъ,
Чтобъ не было у женщины желаній,
Надеждъ, и просьбъ.

Ильдица.

О чемъ-же мнѣ просить?

Аттила.

Могу я вновь создать твой край любимый
И въ немъ тебя царицей посадить;
Могу я вновь изъ пепла и забвенья
Поднять дворецъ твой отчій надъ рѣкой,
И даже болѣе его украсить,
Чѣмъ прежде былъ онъ, при отцѣ, украшенъ.
Туда богатствъ я много соберу:
Арабы, Персы, Римляне, Ѳракійцы,
Всѣ принесутъ сокровища свои,
Чтобъ усладить прекрасную царицу.
Могу тебя, избранница моя,
Я пышной славой гордо возвеличить:
У ногъ своихъ увидишь ты царей,
Услышишь ихъ достойныя молитвы;
Народъ тебѣ воскуритъ ѳиміамъ,
Цвѣтами путь твой радостно усыплетъ,
И, какъ богинѣ, жертвы принося,
Твой обликъ женскій сдѣлаетъ кумиромъ.
Я все могу.

Ильдица.

Но можешь-ли ты, царь,
Отдать мнѣ мать мою? отца?

Аттила.

Ильдица,
Мнѣ объ отцѣ своемъ не говори!
Довольно... Будетъ... Гордъ онъ былъ... за то
Онъ и наказанъ. Онъ назвалъ тираномъ

Меня... Глупецъ! Забылъ онъ, что слуга
Всегда зоветъ тираномъ господина,
Тогда какъ самъ же низшаго слугу
Гнететъ, и бьетъ, и часто даже злѣе,
Чѣмъ самъ его суровый господинъ.
И твой отецъ таковъ-же былъ, Ильдица.

Ильдица.

Не знаю, царь... Я дочь его... Прости...
Прости меня за дерзостное слово:
Сошло невольно съ устъ моихъ оно.
Такъ иногда на утренней зарницѣ,
Гонима первымъ солнечнымъ лучемъ,
Съ цвѣтка на землю падаетъ росинка...
Имѣлъ и ты и родину, и мать,
Имѣлъ отца. Ужели, царь великій,
Имѣя ихъ, не зналъ ты никогда,
Что значитъ быть ихъ сыномъ? Неужели
Не чувствовалъ ихъ ласки, ихъ любви,
Ихъ нѣжности? Уже-ль не волновала
Родная ширь отрадно грудь твою?
Не можетъ быть. Ты родину святую
Любилъ, какъ всякій любитъ. Ты любилъ
Свой кровъ родной, свои поля родныя,
И мать свою, и своего отца...
Любилъ?

Аттила.

Любилъ.

Ильдица.

Кто-жъ мать твоя, владыка?
Кто-жъ твой отецъ? гдѣ взросъ ты? гдѣ твое
Отечество? Скажи мнѣ, я не знаю...

Аттила *(помолчавъ).*

Отечество мое? Ты хочешь знать,
Гдѣ зародилась сила роковая
Аттилы грознаго? Ты хочешь знать,
Кто воспиталъ владыку полусвѣта,
Кумира Гунновъ, и царя царей?
Ты хочешь знать ту ярую волчицу,
Ты хочешь знать то дикое гнѣздо,
Гдѣ я сосалъ, гдѣ росъ я, гдѣ я грѣлся,
Гдѣ я, какъ дубъ разросшійся, окрѣпъ,
И гдѣ впервые смѣло я почуялъ
Потокъ своихъ несокрушимыхъ силъ?
Ты хочешь знать?

Ильдица.

Хочу, мой повелитель.

Аттила *(мрачно).*

. . . Я помню рядъ поставленныхъ крестовъ,
На нихъ гвоздемъ пронизанныя руки,
Съ которыхъ кровь горячая текла,
Траву густую густо обагряя...
Я помню лица. Мукой утомясь,
Съ открытымъ ртомъ, съ поблекшими глазами,
Онѣ, синѣя въ странной полутьмѣ,
Казалось, всѣ безъ словъ меня молили,
Чтобъ я за ихъ мученія и кровь
Отвѣтилъ тѣми-жъ муками и кровью...
Я помню рядъ гарцующихъ коней,
Я помню ихъ разметанныя гривы
И къ ихъ хвостамъ привязанныхъ людей.
Красивы, горды, дики, прихотливы,
Метали кони пламя изъ ноздрей,

И только ждали бѣшеной свободы,
Чтобъ полетѣть, какъ птицы, средь полей,
Чтобъ прошумѣть какъ плещущія воды,
И разнести на мелкіе куски
Живую ношу... Дали имъ свободу...
Подъ ихъ ногами дрогнула земля —
Они рванулись... Визгъ пронесся женскій,
Мелькнулъ кусокъ оторванной руки,
Съ волной волосъ качнулся надъ травою
Разбитый черепъ, — и замолкло все...
А вдалекѣ взвивалась пыль столбами
Отъ уносившихся губительныхъ коней,
Испуганныхъ — и ношей непривычной,
И кровью, капавшей съ дымящихся копытъ...
Давно то было... о, давно!... Рыдая,
Какъ снопъ, упалъ я на землю тогда,
И не вставалъ, покуда слезъ горючихъ
Не выплакалъ... Вотъ родина моя,
Вотъ кто вскормилъ владыку полусвѣта,
Вотъ гдѣ мое ужасное гнѣздо,
Вотъ гдѣ впервые смѣло я почуялъ
Потокъ своихъ несокрушимыхъ силъ!...
Я мщу теперь!

Ильдица.

Ты счастливъ этой местью...
Какъ хорошо преслѣдовать врага!
Какъ хорошо попрать и опозорить,
Иль задушить злодѣя своего!
Какъ хорошо быть мстителемъ великимъ!
Ты отомстилъ... ты счастливъ, царь... а я...

(Не поднимая головы, изъ-подъ бровей, вскидываетъ глазами на Аттиму).

А т т и л а *(какъ-бы не слушавшій Ильдицы).*

Взгляни въ окно — должно быть, разсвѣтаетъ.

И л ь д и ц а *(тихо подходитъ къ окну).*

Да, разсвѣтаетъ. Изъ-за горъ, вдали,
Заря зардѣлась алой полосою,
И облака съ синѣющихъ небесъ,
Какъ дымъ, въ пространствѣ тихомъ расплываясь,
Бѣгутъ куда-то. Ранній вѣтерокъ
Уже играетъ тополью высокой,
Что подъ окномъ у терема ростетъ.
Поетъ касатка; голубокъ воркуетъ
Съ голубкою, а надъ Днѣпромъ-рѣкой
Волнами ходятъ сизые туманы...
Да, новый день, владыка, настаетъ.

(Подходитъ къ Аттилѣ).

А ты, мой царь, сидишь еще угрюмо...

(Притворно ласкается къ нему).

Я для тебя свой поясъ развяжу,
Я обувь скину, косы раскидаю,
Сниму запястья цѣнныя съ руки,
И всю себя, исполнена желанья,
Отдамъ тебѣ, мой гордый властелинъ...
Возьми меня... Вотъ плечи, вотъ ланиты,
Вотъ грудь, вотъ очи, полныя огня,
Вотъ станъ, вотъ шея... Что-жъ ты, мой желанный,
Сидишь, молчишь? Ужели предъ тобой
Не я стою, живая, молодая,
А истуканъ безжизненный!... Возьми,
Возьми меня!...

Аттила *(въ какомъ-то странномъ забытьѣ).*

Вина, вина, Ильдица!
Я пить хочу!

Ильдица *(подаетъ ему чару вина).*

О, еслибъ какъ вино
Ты, милый мой, и душу мою выпилъ!

Аттила *(пьетъ и сильно хмѣлѣетъ).*

Довольно... будетъ... Я теперь усну...
А ты сидя, голубка, надо мною
И сонъ мой крѣпкій кротко береги.
Проснусь я — блàга на тебя польются:
Ты будешь здѣсь подругою моей
Одна межъ всѣхъ подругъ моихъ забытыхъ.
Ты будешь здѣсь межъ ними какъ звѣзда
Сіять, любимая. Рабы, рабыни
Изъ лучшихъ женъ, изъ лучшихъ Кыевлянъ,
Твой лучшій теремъ, теремъ съ теремами,
Толпой покорной будутъ сберегать...
Но только помни, что я бичъ вселенной,
Что зломъ за зло ужасно я плачу,
Что нѣтъ предѣла мщенію Аттилы!...

(Роняетъ чару и тяжело, навзничь, падаетъ на ложъ).

Ильдица.

О, царь!
(Совсѣмъ пьяный Аттила, быстро засыпаетъ).
Заснулъ!

(Долго стоитъ надъ спящимъ Аттилой, потомъ отходитъ и говоритъ шопотомъ).

Но точно-ли заснулъ?...
Быть можетъ, нѣтъ...

(Быстро подходитъ къ Аттилѣ и простираетъ надъ нимъ руки).

Мой царь, мой повелитель!

(Аттила спитъ. Ильдица опускаетъ руки и, глядя съ презрѣніемъ на спящаго, говоритъ, постепенно воодушевляясь).

Да, спитъ... Заснулъ!... Людскою кровью сытъ,
О, еслибъ ты ужъ больше не проснулся!
О, еслибъ громъ небесный на тебя
Упалъ мгновенно, и своей стрѣлою
Тебя, злодѣй, нежданно поразилъ!
Но нѣтъ, ты живъ, ты дышешь, и проснешься,
Чтобъ довершать кровавыя дѣла,
Чтобъ разносить повсюду злодѣянья!
Опять проснешься! Точно-ль? Кто-жъ тебя,
О кровопійца, ласково разбудитъ?
Не я-ли?! Я?! Нѣтъ, умыселъ иной
Въ своей груди давно я затаила!
Пришла теперь желанная пора...
Я обовьюсь змѣей вкругъ этой шеи...
Я жизнью жизнь твою презрѣнную куплю...
Пускай мнѣ рабъ твой голову отрубитъ,
Схвативъ за косы длинныя мои;
Пускай меня твой рабъ обезобразитъ
И будетъ жечь на медленномъ огнѣ,
Иль кинетъ псамъ голоднымъ на съѣденье;
Но жизнь за жизнь охотно я отдамъ,
И, корчась въ мукахъ, радоваться буду,
Что сгибъ убійца матери моей
И раззоритель родины любимой!

(Прислушиваясь къ дыханію Аттилы).

Какъ дышетъ онъ, несчастный, тяжело!
Какъ грудь его вздымается высоко!
Какъ раскраснѣлось пьяное лицо!

(Съ горестію и озлобленіемъ).

Попировалъ!... Отъ свадебнаго пира —
На пиръ смертей!... И ты, злодѣй сѣдой,
На склонѣ дней, искалъ еще лобзаній,
Искалъ огня дѣвической груди,
Искалъ безсилья робкаго созданья,
Чтобъ тѣшиться безсильною мольбой!
Ну, чтожъ! бери меня, и рви скорѣе
Съ меня мой соблазнительный нарядъ!
Скорѣе рви! Я вся твоя, владыка!
Твоя, чудовище! Увы, ты спишь!
Ты спишь, да, да! не зная, что нерѣдко
И женщина, пугливая какъ лань,
И тѣло, полное безумныхъ обояній,
И грудь высокая, зовущая скорѣй
Упиться благомъ знойнаго желанья, —
Въ себѣ, какъ даръ, и холитъ и хранитъ
Чудовище!..

(Полушопотомъ, задыхаясь).

Вотъ гусли... Я сыграю!..
Что только силы есть ударю по струнамъ!..
И если онъ отъ звуковъ не проснется,
И если онъ не встанетъ предо мной,
То...

(Громко играетъ на гусляхъ, и вдругъ обрываетъ звуки. Аттила невозмутимо спитъ. Свѣтильня догораетъ. Начинаетъ разсвѣтать. Ильдица стоитъ нѣкоторое время молча, потомъ медленно оглядывается).

Разсвѣло...

(Останавливаетъ взглядъ на Аттилѣ).

Не встрѣтишь ты разсвѣта,
Мой мужъ, злодѣй мой,—какъ не встрѣчу я
Зари вечерней!... Вороньёмъ отвсюду

Твои рабы къ Ильдицѣ налетятъ,
И заклюютъ... А бѣдная Ильдица —

(Съ безумнымъ озлобленіемъ).

Твоею смертію упьется здѣсь одна!...

(Душитъ Аттилу. Аттила глухо хрипитъ и стонетъ. Въ это время на дворѣ раздаются тихіе и унылые звуки роговъ. Ильдица дѣлаетъ сильное движеніе головой).

Сюда идутъ!... Но — поздно... Подъ руками
Я чувствую уже холодный трупъ...
Скорѣй сюда, скорѣй! Не стало звѣря,
Не стало тигра! Радуйтесь скорѣй!
Вотъ онъ лежитъ, холодный, бездыханный,
Вотъ онъ лежитъ, безсильный, передъ кѣмъ
Народы трепетали!.. Вотъ онъ!... Кто-же
Убилъ его, его царя царей?...
Убила женщина!... О, горе, горе,
Кому захочетъ женщина отмстить,
Кого захочетъ раздавить позорно!
Нѣтъ, не Аттилы дикіе — цари,
А мы, мы, женщины, царицы міра!...

(Тихій звукъ рога у самой двери. Ильдица быстро выпрямляется и, оперишсь одной рукой на столъ, стоитъ, какъ вкопанная. Лучъ солнца падаетъ прямо на ея лицо).

ГЛАВА III.

—

ПОХОРОНЫ АТТИЛЫ.

.... Дверь тихо отворилась, и вошелъ Годичанъ, а за нимъ воинъ, съ кожаннымъ мѣшкомъ въ рукахъ.

— Царь, — тихо проговорилъ онъ, — вотъ голова неразумнаго раба твоего, Хари Мурина.

Царь молчалъ...

— Спитъ? — обратился онъ къ Ильдицѣ, которая, опершись правой рукой о столъ, стояла точно мраморное изваяніе.

Ильдица молчала...

Годичанъ, постоявъ съ минуту, осторожно подошелъ къ ложу царскому, заглянулъ въ лицо царя, и — шатнулся, какъ громомъ пораженный: царь его лежалъ недвижимый, блѣдный, съ широко открытыми, безжизненными глазами, съ кровавыми пятнами у рта и на шеѣ...

— Померъ! померъ! — воскликнулъ онъ дико, и палъ у безжизненнаго трупа своего властелина...

Черезъ нѣсколько мгновеній опочивальня царя наполнилась придворными, а весь дворецъ огласился необыкновенными плачемъ и рыданіями. Рыдали всѣ: рыдали дѣти, рыдали жены, рыдали слуги и воины... всѣ рыдали...

Въ тотъ же день и весь Кыевъ зналъ о смерти своего любимаго царя.

Вокругъ дворца собралось множество народу, и не было конца вòю и жалобамъ...

Одна Ильдица оставалась безмолвною и равнодушною зрительницею всего происходящаго, и одна, въ глубинѣ души своей, радовалась смерти Аттилы, хотя знала, что, со смертью царя, и её ожидаетъ лютая смерть на могилѣ ужаснаго властелина...

Въ глухую ночь, заключивъ прахъ Аттилы въ три гроба, свинцовый, серебряный и золотой, — вѣрные воеводы его и сподвижники, Годичанъ, Боричъ, Онигисъ, Иславъ, сыновья, Данчулъ и Гезерикъ, — понесли его на пустынный берегъ Днѣпра, гдѣ назначено было мѣсто для погребенія.

За гробомъ вели женъ Аттилы: Іерку, Эскину и Ильдицу, съ толпой другихъ дѣвушекъ.

Всѣ онѣ, вмѣстѣ со множествомъ любимыхъ слугъ, собакъ, коней, лучшимъ любимцемъ покойнаго — орломъ, — были обречены на смерть у праха любившаго ихъ господина.

Приблизившись къ мѣсту погребенія, у высокаго, вѣтвистаго дуба, была вырыта глубокая могила.

Обрѣзавъ волосы и истерзавъ свое лицо и грудь острыми орудіями, Годичанъ, Боричъ, Онигисъ, Иславъ, Данчулъ и Гезерикъ, собственноручно опустили гробъ въ могилу.

Затѣмъ — началось убіеніе женъ, дѣвицъ, слугъ и животныхъ, и никто не миновалъ грозной участи: всѣ были убиты, и всѣ были опущены въ страшную могилу страшнаго царя...

Одинъ только старый орелъ, въ тотъ самый моментъ, когда Онигисъ хотѣлъ шарахнуть его по пернатому горлу, сильно рванулся изъ рукъ Онигиса, взмахнулъ своими посѣдѣвшими, но еще крѣпкими крыльями, и скрылся въ темнотѣ глухой ночи...

Воеводы и сыновья Аттилы видѣли въ этомъ хорошій признакъ.

Оставляя могилу царя, никому невѣдомую кромѣ нихъ, они говорили:

— Царь и по смерти великъ... Духъ его, въ образѣ орла, и по смерти паритъ къ безпредѣльнымъ небесамъ...

Никто не зналъ могилы грознаго царя, а сами хоронившіе — старались позабыть ее, и вскорѣ позабыли...

Но не позабылъ ее любимецъ Аттилы — орелъ.

Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда уже могучее царство Аттилы распалось, раздробилось, и новые люди, и новые цари новымъ потокомъ набѣжали на берега Барисѳена, взмутили его воды, помяли траву его береговъ, — орелъ, посѣдѣвшій и почти уже ослѣпшій, прилетѣлъ на дорогую для него могилу, могилу густо заросшую травой, могилу ужасную, невѣдомую, и умеръ на ней...

Это былъ послѣдній другъ Аттилы...

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Аттила умеръ въ 453 году, на восемьдесять первомъ году своей жизни.

По разсчетамъ же хронологіи, основаннымъ на сообщенномъ Іорнандомъ сновидѣніи императора Марціана, Аттила умеръ въ 454 году, отъ лопнувшей жилы, именно въ ту ночь, когда Марціану снилось, будто лопнула тетива у лука Аттилы.

По Vilkin Saga, заключающіей въ себѣ сказанія о родѣ князей Кыянскихъ, Аттила погибъ отъ рукъ Альдріана, сына его жены, Гримгильды, отъ перваго мужа, Сигурда.

Наслѣдовавъ отъ отца тайну, гдѣ скрыты отцовскія сокровища, а вмѣстѣ съ тѣмъ и необходимость мстить Аттилѣ за смерть отца, который, однако, погибъ отъ руки братьевъ Гримгильды, —Альдріанъ на охотѣ, завелъ какъ-то рѣчь съ Аттилой:

— Какъ ты думаешь, царь, велики ли сокровища Сигурда, отца моего, которыя называются Nibelungen Hort?

— Сокровища, которыя такъ называются, отвѣчалъ Аттила, заключаютъ, какъ говорятъ, столько въ себѣ золота, сколько ни одно государство никогда не имѣло.

— А кто хранитъ это сокровище?

— А почему же я знаю, кто его хранитъ, когда неизвѣстно, гдѣ оно и хранится.

— А чѣмъ бы наградилъ ты того, кто бы указалъ тебѣ гдѣ это сокровище хранится?

— Я его такъ бы обогатилъ, что другаго богача не нашлось бы во всемъ моемъ царствѣ.

— Такъ я же тебѣ покажу, гдѣ этотъ кладъ скрытъ. Поѣдемъ. Но только вдвоемъ. Никто не долженъ слѣдовать за нами.

Аттила согласился.

Поѣхали.

Долго ли, коротко ли они ѣхали, но, наконецъ, пріѣхали въ нѣкую дебрь. Посреди дебри гора, въ горѣ двери подъ замкомъ. Альдріанъ

отперъ двери ключемъ. За этими дверями отперъ вторую дверь, потомъ третью. Открылось сокровище. Тутъ груды золота, тамъ кучи серебра. Въ одномъ углу навалены горой драгоцѣнные каменья, въ другомъ оружіе, кованое золотомъ.

Аттила окаменѣлъ отъ изумленія.

А между тѣмъ, Альдріанъ вышелъ, захлопнулъ двери, заперъ на замокъ, и крикнулъ Аттилѣ, что онъ можетъ удовлетворять теперь сколько угодно неутолимую свою жажду къ золоту и серебру.

Заваливъ камнемъ входъ, Альдріанъ отправился въ Nubelungenland...

Какъ все это дышетъ русскими сказсками о несмѣтныхъ сокровищахъ и кащеяхъ!...

Но что же сталось съ огромнымъ царствомъ Аттилы по его смерти?

Нѣтъ сомнѣнія, что Данчулъ, какъ старшій сынъ Аттилы, наслѣдовалъ власть отца. Но, по раздѣлу, предоставивъ Кыевъ среднему своему брату, Гезерику, перенесъ столицу въ свою любимую Бѣловѣжу, гдѣ онъ княжилъ еще при отцѣ, управляя Козарами, которые тоже принадлежали къ Славянскому племени. *) Младшій сынъ Аттилы, Ирнакъ, получилъ въ удѣлъ земли по правую сторону Днѣпра.

Послѣ Каталаунской битвы и покорности Рима, исторія уже молчитъ объ Аттилѣ. Слѣдовательно, дарованный имъ миръ былъ прочень и договоры свято исполнялись до 467 года.

Въ этомъ же году, сыновья Аттилы отправили посольство въ Царьградъ, съ требованіемъ возобновленія торговыхъ договоровъ. Но императоръ Леонъ, пользуясь войной Кыянъ съ Персами, какъ отводомъ главныхъ ихъ силъ, смѣло отказалъ на всѣ требованія Кыянскаго посольства.

Отказъ сейчасъ же вызвалъ войну.

---

*) По прологамъ, въ житіи св. Кирилла: «Козары бяше народъ Скиѳскій, языка Славянскаго или Русскаго. Казаровъ имени память оста въ малороссійскомъ нынѣ «Каниствѣ» крѣпкомъ, подобно тому, зѣло мало премѣнно именуемомъ.» — Бѣловѣжа по Приску — Balapolis.

Младшій и любимый сынъ Аттилы, Ирнакъ, совѣтывалъ Данчулу не начинать войны съ Византійцами, когда всѣ силы ихъ находятся въ Арменіи, воюя съ Персіей. Но опрометчивый Данчулъ не принялъ совѣтовъ брата. Ирнакъ разсердился на него и ушелъ съ большею частію своего племени въ глубину нынѣшней Россіи. А Данчулъ со своей немногочисленной дружиной отправился за Дунай, и, надѣясь на вѣрность подвластныхъ ему Готовъ, образовалъ изъ нихъ главныя свои силы, и успѣлъ проникнуть въ нѣдра Ѳракіи, гдѣ и вступилъ съ войсками Леона въ бой. Но Готы ему измѣнили, и Данчулъ принужденъ былъ постыдно отступить... Война съ Персіей была также неудачна: Персы разбили войска Данчула и его союзниковъ, преслѣдовали ихъ за горы, проникли въ Козарію и даже овладѣли Бѣловѣжею...

И вотъ—для великаго царства Славянскаго, созданнаго дальновиднымъ Аттилой,—наступилъ какой-то странный періодъ: въ теченіе четырехсотъ двѣнадцати лѣтъ о немъ ни слуху, ни духу, какъ будто его и не существовало...

Что же съ нимъ сталось?

А вѣроятнее всего, что великое царство Гунновъ,—здѣсь разумѣется территорія нынѣшней Россіи,—распалось на множество мелкихъ княжествъ, которые, можетъ быть, вели между собой постоянную и упорную междоусобную войну, чѣмъ и помрачили четырехсотлѣтнюю эпоху славянской жизни, канувшую безслѣдно въ вѣчность, но не уничтожившую, однако, разъ навсегда установленную могучей рукой Аттилы великую Славянскую общину..

Славянская община въ теченіе этихъ четырехсотъ двѣнадцати лѣтъ *) скрывается подъ общимъ именемъ Скиѳовъ и Сарматъ. Въ IX-мъ же вѣкѣ она снова выступаетъ на сцену подъ именемъ Руссовъ и громко заявляетъ о себѣ своими нападеніями на сосѣдей. Въ это же время начинается и сознательное объединеніе Славянъ, и объ Славянахъ снова начинаютъ говорить и Византійскіе и Арабскіе историки, вслѣдствіе появленія ихъ въ 865 году у самыхъ стѣнъ Константинополя и большаго похода на Каспійское море.

Вотъ почему русская исторія и начинается собственно со второй потовины IX-го вѣка; вотъ почему появляется и лѣтописная ле-

*) 454 — 865 г.

генда о призваніи князей, какъ цѣль объяснить происхожденіе русскаго государства и связать его съ появленіемъ народа Русь въ Византійскихъ хроникахъ. Легенда эта есть не болѣе, какъ попытка осмыслить непонятное явленіе, такъ какъ о дѣйствительномъ происхожденіи Руси память народная не могла сохранить никакихъ воспоминаній. Надо замѣтить еще и то, что въ томъ видѣ, въ какомъ легенда дошла до насъ, она внесена въ лѣтописный сводъ приблизительно во второй половинѣ XII-го или въ первой XIII-го вѣка, то есть около татарской эпохи, потому что всѣ памятники древней русской письменности, несомнѣнно принадлежащей до-татарской эпохѣ, ничего не знаютъ ни о призваніи Варяжскихъ князей, ни о завоеваніи Руси Норманнами. *) Вѣроятнѣе всего, что легенда эта принадлежитъ Новгородской редакціи, и въ настоящемъ своемъ видѣ можетъ служить отголоскомъ бывшаго когда-то соперничества между Новгородомъ и Кіевомъ, такъ какъ Новгородъ долгое время находился въ подчиненныхъ отношеніяхъ къ Кіеву, но всегда стремился къ самостоятельности. Въ до-татарскую эпоху Новгородецъ не называлъ даже себя Русиномъ, а продолжалъ именоваться Словениномъ.

Гдѣ же. въ такомъ случаѣ, слѣдуетъ искать начала Руси? Не

---

*) Варяги не составляли ни особеннаго племени, ни даже разныхъ племенъ, отъ одного народа происшедшихъ. Варяги составляли касту, въ которой могли участвовать всѣ народы. Каста эта была чисто промышленная и цѣль ея состояла въ томъ, чтобы за извѣстную плату, во время плаванія, защищать купеческія суда отъ грабежей и нападеній. Кромѣ этого, Варяги и сами занимались торговлею. Самое слово «варягъ» происходитъ отъ старо-славянскаго слова «варяю», т. е. разъѣзжаю. Такимъ образомъ «варягъ»—разъѣзжающій. И по настоящее время слово «варять» означаетъ въ Тамбовской губерніи: заниматься разною торговлею. Въ Москвѣ «варягами» называютъ торговцевъ-ходебщиковъ. Поговорка же «полно варяжничать» означаетъ: перестань выторговывать. Византійцы называли Варяговъ «фарганъ», Готы—«фарянъ». Нѣмцы ихъ называли «воарами». Когда появились первые Варяги—неизвѣстно, но, должно думать, что во время силы и процвѣтанія Винеты, когда торговля на сѣверѣ была еще въ рукахъ однихъ Славянъ. Смотря по мѣрѣ распространенія торговли между скандинавскими государствами, явились и Варяги, Датскіе, Шведскіе и Норвежскіе. Торговля Англійская образовала своихъ Варяговъ, а бѣломорская породила Варяговъ—Готовъ, сидѣвшихъ въ сѣверной Финляндіи, и Варяговъ—Оурманъ, сидѣвшихъ въ заливѣ Бѣлаго моря, называвшагося въ то время Урманскимъ, а нынѣ Мурманскимъ.

на Югѣ ли? На Югѣ, говорятъ противники Норманнской системы, и производятъ Рось, Русь, Россія, одни—отъ Парсовъ, выходцевъ изъ Индукуша въ Бактрію, а потомъ, разбредаясь, поселившихся отчасти и на южныхъ окраинахъ нынѣшней Россіи; другіе—производятъ Русь отъ славянскаго племени Роксоланъ, о которыхъ, подъ именемъ Ахтырцевъ, уже упоминалось на страницахъ настоящаго повѣствованія; третьи, наконецъ, указываютъ на названія рѣкъ, озеръ, урочищъ, носившихъ подобныя наименованія вмѣстѣ съ селившимися на нихъ славянскими племенами...

Но—какъ бы тамъ ни было, откуда бы не произошло слово Русь,—а община Русь, подъ разными наименованіями, сущесвовала далеко до мнимаго призванія Варяговъ, и Россіи, въ 1862 году слѣдовало бы праздновать не тысячу лѣтъ своего существованія, а по крайней мѣрѣ, тысячу пятьсотъ, если не болѣе...

«Земля наша велика и обильна» говорили послы славянскіе,—если допустить призваніе Варяговъ,—и это, какъ нельзя лучше, доказываетъ, о существованіи Славянской Общины или Союза далеко до 862 года.

Скажутъ: община, братовщина, не государство.

Такъ.

Но почему же Финикійскія, Греческія и Римскія братовщины заслуживали названія самостоятельныхъ государствъ, до избранія ими верховныхъ владыкъ, а Славянскія—нѣтъ?...

Кажется, въ этомъ отношеніи, должны быть равныя права, тѣмъ болѣе, что Славянскія Общины были не какой нибудь сбродъ, а имѣли большіе и торговые города. Въ 866 году Славяне имѣли болѣе 148 городовъ. *)

Не могли же всѣ эти города управляться кое-какъ, и несомнѣнно имѣли свои учрежденія, свои власти. А если были учрежденія, то, стало быть, было и государство, хотя и не въ томъ видѣ, какъ у насъ теперь принято его понимать. А если это такъ,

---

*) Между этими городами особенно были замѣчательны: Новгоровъ, Старая Ладога, Старая Руса, Смоленскъ, Ростовъ, Полоцкъ, Бѣлозерскъ (Бѣлоозеро), Изборскъ, Любечь, Псковъ, Вышгородъ, Переяславль, Кіевъ, Холмъ, Бѣловѣжа, Корастенъ и мн. др.

то зачѣмъ же государственную жизнь Славянъ считать съ какого-то легендарнаго призванія Варяговъ. Да если-бъ они даже и были призваны, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, что Русское государство основано только именно въ этомъ году.

Возьмемъ для примѣра Римлянъ.

Почему, напримѣръ, Римляне не ведутъ свое лѣтосчисленіе съ Августа, перваго ихъ верховнаго владыки, а ведутъ его съ Ромула....

Неужели у Славянъ не было и не могло быть своего Ромула, ни истиннаго, ни баснословнаго?

По нашему мнѣнію, былъ.

И былъ именно истинный Ромулъ, а не баснословный.

И этотъ Ромулъ Славянскій не кто иной, какъ Аттила.

Но не тотъ Аттила, котораго западные, враждебные Славянству, историки провозгласили варваромъ, монголомъ, дикаремъ, а тотъ геніальный и Славянскій Аттила, который стремился къ объединенію своего народа, который первый положилъ основаніе Славянской Общинѣ и передъ которымъ впервые, какъ передъ царемъ Славянскимъ, дрогнула вся западная Европа, увидя въ немъ грозное проявленіе грозной Славянской силы, и, трепеща, назвала его бичемъ Божіимъ...

А этотъ бичъ Божій — положилъ основаніе тому, о чемъ и въ настоящее время, черезъ тысячу пять сотъ лѣтъ, какъ и должно, не забываетъ наша необъятная, наша братолюбивая Славянская Русь...

Гордись же, Русь, что у тебя былъ такой великій и такой грозный для запада flagellum Dei!...

КОНЕЦЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

КНИГА ПЕРВАЯ.

Роковыя поляны.

КНИГА ВТОРАЯ.

Жертвенный костеръ.

КНИГА ТРЕТЬЯ.

Переселенiе народовъ.

КНИГА ЧЕТВЕРТАЯ.

Столица Гунновъ.

КНИГА ПЯТАЯ.

Бичъ Божiй.

КНИГА ШЕСТАЯ.

Каталаунская битва.

КНИГА СЕДЬМАЯ.

Распаденіе царства Гунновъ.